

Институт восточных рукописей Российской академии наук
Восточный факультет СПбГУ
Институт Конфуция в СПбГУ

16 К
29706

1-я научная конференция молодых петербургских
востоковедов

Китай и соседи

3–4 марта 2016 г., Санкт-Петербург

Сборник материалов

Институт восточных рукописей Российской академии наук
Восточный факультет СПбГУ
Институт Конфуция в СПбГУ

1-я научная конференция молодых петербургских
востоковедов

Китай и соседи

3–4 марта 2016 г., Санкт-Петербург

Сборник материалов

Составители: Т. А. Пан, Ю. С. Мыльникова, В. В. Щепкин

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2016

УДК 294.311+294.321+327+321+355/359+7.011+902.03+94+82.01+821.521
ББК 63+65+66+68+71+79+83+85.1+86.3

Утверждено к печати Ученым советом ИВР РАН

СОСТАВИТЕЛИ

Т. А. Пан, Ю. С. Мыльникова, В. В. Щепкин

РЕЦЕНЗЕНТЫ: канд. ист. наук В. Ю. Климов (ИВР РАН)
канд. ист. наук А. Ю. Сеницын (МАЭ РАН)

Печатается в авторской редакции

Китай и соседи. Сборник материалов 1-й научной конференции молодых петербургских востоковедов. — СПб.: изд-во ЛЕМА, 2016. — 122 с.

В настоящем сборнике представлены статьи, подготовленные участниками 1-й научной конференции молодых петербургских востоковедов «Китай и соседи», состоявшейся 3–4 марта 2016 г. в ИВР РАН. Тематика статей охватывает широкий круг вопросов: история, литература, международные отношения, искусство Китая и других стран Восточной и Юго-Восточной Азии.

© Авторский коллектив, 2016

© Институт восточных рукописей РАН, 2016

© Восточный факультет СПбГУ

Все права защищены

ISBN

Содержание

От составителей.....	5
<i>Андросенко Р. А.</i> Китайские буддийские пещерные храмы Сянтаншань	6
<i>Арутюнян Г. Г.</i> Российско-китайские отношения в меняющемся мире	11
<i>Борькина А. Ю.</i> Дзиппэнся Икку и его сочинение «Тōкайдōтjō хидзакуригэ».....	17
<i>Владимирцева А. А.</i> Анализ свидетельств китайских паломников Фа-сяня, Сюань-цзана и Ван Сюань-це о Махабодхи.....	21
<i>Голикова Е. С.</i> Жизнь китайцев-перанакан Индонезии, отраженная в романах Кве Тек Хоая «Без фонаря» («Zonder Lentera») и «Идем посмотреть праздник фонарей» («Nonton Cap Go Me»)	27
<i>Дидбаридзе Ю. А.</i> Зарождение и ранние этапы развития традиции любования камнями (<i>шанши</i>)	31
<i>Ишмуратова А. Э.</i> Перспективы привлечения прямых иностранных инвестиций Китая в Россию.....	35
<i>Лаисцева А. Ю.</i> Конфликт на архипелагах Южно-Китайского моря в исторической ретроспективе.....	39
<i>Ланькова Е. В.</i> Некоторые сюжеты и персонажи «Тысячесловия»: их культурная ценность и историческое значение	43
<i>Лаптева В. Ю.</i> Особенности письменности <i>тjы ном</i> в поэме «Вjом hoa тjн truyệп».....	48
<i>Лебедева К.</i> Иезуиты в Шанхае: зло или благо? О влиянии миссии Сюйцзяхуэй 徐家汇 на культурную жизнь Шанхая.....	52
<i>Левченко И. И.</i> Трактат Чжи-и «Мохэ чжигуань» (VI в.) в Японии	57
<i>Лобов Р. Н.</i> Газета «Тонъя ильбо» как источник по истории взаимоотношений между Республикой Корея и Японией в 1951–1953 гг.....	61
<i>Мейстер А. А.</i> Японская Красная Армия: источники формирования и влияние на антитеррористическую политику Японии во 2-й пол. XX в.....	65
<i>Мисбахова Д. Р.</i> Предположение о появлении «Китайского Лексикона» в ОРРКА КФУ	71

<i>Петров К. К.</i> Некоторые вопросы реставрации монархии в Китае в 1915–1916 гг.	74
<i>Рыженкова А. А.</i> Антикатолическая политика Вьетнама в период правления императора Минь Манга (1820-1840 гг.).....	79
<i>Селюнина Д. Д.</i> Культ Белых юрт Чингис-хана в Ордосе.....	83
<i>Спешнева Д. А.</i> Литературное творчество императора Ле Тхань-тонга	87
<i>Тепляшина Т. Ю.</i> История формирования АСЕАН в XX в.: аспекты безопасности.....	91
<i>Тихонюк И. А.</i> К вопросу о проявлении стратагемности в мышлении современных китайцев	95
<i>Трухан Д. В.</i> Социально-политические функции системы <i>санкин ко:тай</i> в Японии эпохи Токугава (1603–1867)	100
<i>Удавихина М. А.</i> Место Кореи в японо-китайской войне (1894–1895 гг.).....	104
<i>Халиков Н. Ф.</i> Военно-промышленный комплекс и военный сектор экономики Республики Корея	108
<i>Харитонова А. М.</i> Внешняя политика КНР в отношении Королевства Камбоджа в 1950–1960-х гг.	112
<i>Холкина Е. И.</i> Сотрудничество России и Китая в сфере международной и региональной безопасности (2014–2015 гг.).....	116
<i>Хусаинова В. П.</i> Журналистская деятельность вьетнамского писателя Ву Чонг Фунга.....	120

От составителей

Санкт-Петербургская школа востоковедения имеет давнюю традицию научного сотрудничества различных востоковедных центров города. Многие выпускники-востоковеды СПбГУ работают в академических научных организациях Санкт-Петербурга и страны, изучая культуру, историю, языки и литературу народов Востока по материалам богатых музейных и рукописных коллекций. Продолжение научной традиции возможно только благодаря совместной работе специалистов-востоковедов разных поколений. Так называемой «лабораторией востоковедов» стала 1-я научная конференция молодых петербургских востоковедов на тему «Китай и соседи». Конференция была организована 3–4 марта 2016 г. отделом Дальнего Востока ИВР РАН и Восточным факультетом СПбГУ при поддержке Института Конфуция в СПбГУ. Организаторы определили следующую цель этого мероприятия: дать возможность молодым востоковедам, обучающимся на старших курсах бакалавриата, в магистратуре и аспирантуре, представить свои научные достижения. Оргкомитет конференции предложил довольно широкую тематику возможных докладов — предполагались выступления по проблемам истории и историографии, культуры и литературы, религии и этнографии, экономики и политики Китая и сопредельных стран с древнейших времен до современности.

На конференцию было заявлено 33 доклада студентов различных кафедр Восточного факультета СПбГУ, Института Философии СПбГУ, факультета международных отношений СПбГУ, Гуманитарного института СПбГУ, Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ, факультета мировой культуры СПбГУ. В конференции приняли участие гости из других городов: из Казани — студенты и магистранты Казанского (приволжского) федерального университета, из Благовещенска — магистрантка кафедры религиоведения и истории факультета международных отношений АмГУ, из Москвы — аспирант ИДВ РАН.

В настоящем сборнике представлены статьи, подготовленные участниками конференции на основе прочитанных докладов. Все статьи прошли проверку научными руководителями авторов и публикуются в авторской редакции.

Т. А. Пан, Ю. С. Мыльникова, В. В. Щепкин

*Андросенко Роман Александрович
студент кафедры Философии и Культурологии Востока
Института Философии СПбГУ¹*

Китайские буддийские пещерные храмы Сянтаншань

Данная публикация посвящена комплексу китайских буддийских пещерных храмов Сянтаншань, который до сих пор не освещён в отечественной синологии и не описан в отечественной литературе. Публикация подготовлена с использованием преимущественно материалов исследования известного американского синолога проф. Кэтрин Цян (Katherine Tsiang).

Группа буддийских пещерных храмов Сянтаншань 响堂山石窟 является важным выразительным памятником региональной традиции сино-буддийского искусства, получившей развитие в государстве Северное Ци (Бэй Ци 北齐, 550–577), принадлежавшем к так называемым Северным династиям (Бэйчао 北朝) эпохи Южных и Северных династий (Наньбэйчао 南北朝, 420–589).

Подробное описание Сянтаншань было сделано только в конце XX в. Группа из отделения искусства Восточной Азии в Центре истории искусств университета Чикаго, возглавляемая проф. К. Цян, консультируемая проф. У Хунем (Wu Hung), провела детальное изучение пещерных храмов Сянтаншань, результаты которого представлены на специальном сайте и включают в себя подробное описание всех пещерных храмов Сянтаншань, фотографии, трехмерные модели статуэток из Сянтаншань. Автором получено разрешение от проф. К. Цян на использование перевода описания Сянтаншань из её статьи. Пещерные храмы Сянтаншань подробно не описаны в отечественной литературе и неизвестны большинству отечественных китаеведов².

Сянтаншань находится в районе Фэнфэнкуан 峰峰矿, примерно в 20 км к юго-западу от города Ханьдань 邯郸, в провинции Хэбэй 河北, и в 20 км от к северо-западу от места, на котором находилась столица государства Северное Ци — город Ечэн 邺城.

¹ Научный руководитель — д. филол. н. Марина Евгеньевна Кравцова.

² В 2016 г. в Санкт-Петербурге была защищена диссертация А. А. Владимирцевой на соискание учёной степени кандидата культурологии на тему «Музейный Комплекс Махабодхи», в которой дано краткое описание Сянтаншань.

Художественное оформление пещер датируется периодом существования государства Северное Ци. Это государство возникло на руинах могущественной державы Северная Вэй (Бэй Вэй 北魏), или Тоба Вэй 拓拔魏, (которая была основана представителями рода Тоба, относимого к монголоязычному этническому сообществу сяньби (сяньбэй 鲜卑). Монархи Северной Вэй активно поддерживали возведение буддийских храмов, используя буддизм для укрепления своего контроля над Северной частью Китая. (Howard, 2006, с. 230). Северная Вэй адаптировала буддизм в качестве собственной государственной религии и всячески поощряла его распространение. Монархи Северного Ци делали то же самое.

Известно, что эпоха Южных и Северных династий была временем масштабных социально-политических потрясений. Тем не менее, она ознаменовалась бурными культурными процессами, включая распространение в Китае буддизма и его адаптацию местной культурной среде. Одним из проявлений этих процессов было возникновение традиции китайско-буддийского (сино-буддийского) культового изобразительного искусства. На сегодняшний момент выявлено несколько региональных художественных центров. Один из них существовал в Северном Ци. Подобные храмы сооружались во многих районах Китая начиная с IV в. н. э. К числу наиболее известных относятся Лунмэнь шику 龙门石窟 и Могао шику 莫高石窟, которые начали создавать тоже при Северной Вэй.

Пещерные храмы Сянтаншань высечены в известняковой горной породе. Проф. В. Т. Фролов называл такую породу экзолитом. М. М. Протодряконов разработал в 1910-х гг. «Таблицу крепости пород», по трудоёмкости обработки в этой таблице известняк обозначен как «крепкий», или «средней крепости». Таким образом, обработка известняка являлась достаточно трудоёмким процессом.

В английской литературе пещерные храмы, такие как Сянтаншань, называются Buddhist Caves или Grottes, Cave Temples (например, Whitfield, 2000). В китайских источниках — шику 石窟. Согласно китайско-русским словарям, шику переводится как «каменная пещера», «грот (зачастую с буддийскими статуями)»¹.

Сянтаншань состоит 36 пещер, исследователи разделили их на 3 группы: Северная (Бэйсянтаншань 北响堂山,) в горе Гушань 鼓山, Южная (Наньсянтаншань 南响堂山) и Малая (Сяосянтаншань 小响堂山). Каждая пещера художественно оформлена, превращена в подобие буддийского

¹ Грот (франц. grotte от итал. grotta) — горизонтальная пещера со сводчатым потолком.

святилища и содержит высеченные из известняка статуи. Все пещеры Сянтаншань делятся на два вида: пещеры с центральной колонной и пещеры с тремя алтарями.

По форме каждая из пещер Сянтаншань превращена в подобие ступы. Ученики Будды в соответствии с обычаем кремировали тело Учителя. После кремации в пепле ими были найдены образования в форме шариков. Они стали важнейшими буддийскими реликвиями. Позднее они были помещены в ступы, культовые строения конусовидной формы. (Торчинов, 1994, с. 7).

Северная группа включает в себя «северную», «центральную», и «южную» пещеру. Северная группа оформлялась по приказу четвертого (Ли Байяо, 1972, т. 1, цз. 4) монарха государства Северное Ци, Вэнь-сюань-ди 文宣帝 (на троне 550–559, личное имя Гао Ян 高洋, 526–559). Северная пещера в северной группе является самой большой и самой старой из всех пещер Сянтаншань. Фасад поврежден естественной эрозией и землетрясением, произошедшим здесь в XVI в. В том же веке вход в эту пещеру был укреплен с помощью блоков из камня. Главная скульптурная композиция внутри — три больших, высеченных в известняковой породе статуи: статуя Будды Прошлого, Будды Настоящего, и Будды Будущего. Средняя пещера в северной группе — вторая по величине из всех пещер Сянтаншань. Декорирование стен в южной пещере в северной части, вероятнее всего, производилось несколькими мастерами, заметены различия в стилистике декора.

Южная группа находится в 15 км от Северной. Работы там проводились примерно с 565 г. Всего в этой группе семь пещер. Их оформление прекратили, вероятнее всего, в 577 г., когда государство Северное Ци было уничтожено Северным Чжоу (Бэй Чжоу 北周, 557–581). При империи Тан (618–907), в этих пещерах мастера производили дополнительную декорацию стен путем высечения новых статуй в скальной породе. При империи Северная Сун (960–1127) в этом районе построили пагоду.

Сяосянтаншань включает себя шесть пещер небольшого размера. Статуэтки и отделенные части статуй из Сянтаншань примерно с 1913 г. стали скупать коллекционеры. Наиболее известен американский собиратель восточных древностей Чарльз Фрир (Charles Lang Freer, 1854–1919). В начале XX в. он финансировал строительство в Вашингтоне музея для своей обширной коллекции (Freer Gallery of Art). Многие артефакты из Сянтаншань в настоящее время находятся там, а также в других музеях США: Библиотека и Музей Моргана в Вирджинии (Morgan Library and Museum Virginia), Институт Искусств Детройта (Detroit Institute of Arts), Музей Пэнна (Penn

Museum), Кливлэндский Музей Искусства (Cleveland Museum of Art). Около сотни артефактов находятся в музеях в Японии, Тайване, Германии.

Все артефакты из Сянтаншань и находящиеся в этих пещерных храмах в настоящий момент статуи Будды являются выразительными памятниками китайско-буддийского искусства. Относительно статуй Будды, детали внешнего облика персонажей являются наиболее тщательно разработанными для иконографии Будды. Существовало «тридцать два иконических признака великой личности». (Кравцова, 2004, с. 453). Стилистика исполнения выразительных памятников китайского буддизма периода Северной Ци, в частности стиль «голов Будды» отличалась от стилистики периода предшествующей Северной Вэй. Считают (напр., Howard, 2006, с. 274), что на стилистику буддийского изобразительного искусства Северного Ци, в частности на художественную интерпретацию головы и лица Будды оказал влияние индийский «стиль Гупта», расцветший при династии Гупта (ок. 320 — ок. 535), вновь объединившей Северную Индию, и когда получило особое распространение создание каменных статуй персонажей буддийского божественного пантеона (напр., Moorerji, 1989, с. 107). «Стиль Гупта» проник на Дальний Восток по маршруту Великого Шелкового пути (Howard, 2006, с. 11) и оказал наибольшее влияние на восточную (Шаньдун) сино-буддийскую художественную школу, что мы и видим на примере скульптур из Сянтаншань. Однако они же показывают, что китайские мастера воздерживались от механического копирования чужеземных произведений искусства, а творчески переработали «стиль Гупта», адаптировав его к местным художественным традициям. Его широкое распространение говорит о том, что он полюбился китайским мастерам, возводящим буддийские статуи в период Бэй Ци. Стиль скульптур и статуэток периода Северной Ци являлся не копирующим, но только интерпретирующим индийский стиль «Гупта».

Таким образом, комплекс буддийских пещерных храмов Сянтаншань является еще и выразительным памятником китайско-буддийского искусства, формировавшегося под влиянием индийского «стиля Гупта» в региональном художественном центре в государстве Северное Ци.

Список литературы

Владимирцева А. А. Музейный комплекс Махабодхи: история реставрации, реконструкции и атрибуции иконографического материала / Дисс. на соиск. уч. степ. канд. культурологии. СПб., 2016. <http://www.spbgik.ru/upload/file/nauka/dis/kand/2015/vladimirtseva/dis.pdf>

Кравцова М. Е. История Искусства Китая. СПб, Москва, Краснодар: «Лань», 2004.

Протодряконов М. М. Шкала крепости горных пород. СПб, 1908-1912.

Торчинов Е. А. Введение в буддологию. СПб, 1994.

Howard Angela Falco, Li Song, Wu Hung, and Yang Hong. Chinese Sculpture. New Haven: Yale University Press, 2006.

Whitfield Roderick, Whitfield Susan, Agnew Neville. Cave Temples of Mogao: Art and History on the Silk Road. Los Angeles: Getty Publications, 2000.

Mookerji Radhakumud. The Gupta Empire. Delhi: Motilal Banarsidass, 1989.

Ли Байяо, ред. Бэй Ци шу / Ли Бай чжуань (北齊書 / 李百藥撰 Книга о Северном Ци / сост. Ли Байяо). В 2 т. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1972.

Электронные ресурсы:

Tsiang Katherine R. Xiangtangshan project. The University of Chicago.
<http://xts.uchicago.edu/>

Арутюнян Гаяне Гайковна
студентка 2 курса кафедры мировой политики
Факультета международных отношений СПбГУ¹

Российско-китайские отношения в меняющемся мире

В сложившейся архитектуре международных отношений всеобщее внимание привлекают три государства: США, Россия и КНР. Отношения последних двух не имеют однозначной характеристики. Вышедшая после визита Д. А. Медведева в Китай статья агентства «Синьхуа» всколыхнула общественность: неужели развитие российско-китайских отношений может остановиться? В статье Чжао Юй пишет о глубоком кризисе в России, задается вопросом, сможет ли она его преодолеть (Чжао Юй, 2015). При этом многие аналитики трактуют это как заявление со стороны Китая о «стратегическом тупике» в отношениях с Россией (Забелина, 2015). Есть ряд фактов, которые опровергают возможность прекращения российско-китайских отношений в среднесрочной перспективе.

Во-первых, взаимозависимость энергетического сектора. Китай остро нуждается в нефти, в частности, российской. Поставки нефти из Африки (по большей части, из Анголы) и Персидского залива небезопасны ввиду высокой зависимости использования Малаккского пролива от отношений между государствами. В случае конфликта Китая с США последние способны заблокировать «нефтяную артерию» и прервать поставки в Поднебесную из Ближнего Востока и Африки (Арутюнова, Султыгова, 2014, с.160). Самый близкий и надежный партнер — Россия, готовая поставлять углеводороды, экспорт которых составляет опору для ее экономики. Россия нуждается в диверсификации экспорта, Китай — импорта. Напряженность в отношениях России с Западом создает благоприятные условия для сближения двух государств. Кроме того, нельзя не учитывать противоречия между Китаем и США в борьбе за статус мирового гегемона, что способствует развитию российско-китайских отношений. Подтверждением укрепления российско-китайского сотрудничества в энергетической сфере может являться то, что осенью 2015 г. Россия обогнала Саудовскую Аравию по поставкам нефти в Китай (Калюков, 2015).

Во-вторых, Китай не отказывается от сотрудничества с Россией, что показала встреча премьер-министров обеих стран в Поднебесной. В ходе визита Д. А. Медведева было подписано свыше 30 документов, в том числе,

¹ Научный руководитель — к. п. н. Мария Львовна Лагутина.

«Газпром» договорился с китайской CNPC о проектировании трубопровода «Сила Сибири» на трансграничном участке, а «НОВАТЭК» продала китайскому фонду Шёлкового пути 9,9% акций «Ямал СПГ» (Иванов, 2015). Более того, Китай и Россия договорились о совместном противостоянии информационным войнам, создаются проекты совместных исследований в этой сфере.

В-третьих, Пекин принял сторону России в сирийском вопросе. МИД КНР назвал инцидент с Су-24 ВКС РФ потерей для международных усилий в борьбе с терроризмом (МИД КНР, 2015). Возможно, в этом заявлении есть геополитический интерес Китая, который заключается в полном привлечении России на свою сторону и предотвращении возможности будущего сближения ее с Западом, но на данном этапе это говорит о том, что в среднесрочной перспективе Китай не намеревается разрывать отношения с РФ.

В-четвертых, нельзя упускать из поля зрения ШОС и БРИКС. Сотрудничество в рамках этих двух организаций расширяется, оно выгодно его крупнейшим участникам — Китаю и России. Их можно назвать «новой осью мировых сверхдержав», которые объединяют государства, способные противостоять коалиции Запада во главе с США (Guardian, 2015). Однако для РФ ШОС и БРИКС имеют больше политическое значение, для КНР — экономическое.

Тем не менее, политика Китая в отношении России остается достаточно неопределенной. 13 декабря 2015 г. Китай отправил в обход России железнодорожный состав в Грузию в рамках международного проекта «Шелковый ветер» (Артемьев, Макаренко, 2015). Транзитный поезд с контейнерным грузом должен продолжить путь в Турцию — доставка из грузинского порта Поти. Путь связывает Китай с Грузией, Азербайджаном, Турцией, Казахстаном и ЕС. С Грузией, Турцией и ЕС у России, с которой Поднебесная активно сотрудничает и видит в ней партнера, напряженные отношения. Можно ли в таком случае говорить о союзе России и Китая? Можно, так как Пекин ищет экономической выгоды, а для Москвы важна поддержка политическая.

Нельзя однозначно сказать, что союз Китая и России направлен против коалиции США и ЕС. Почему он возник именно в момент, когда позиция Штатов на международной арене слабеет? В интересах Китая нет пункта об ослаблении китайско-американских отношений, выгодных для экономического развития Поднебесной, так как американский рынок является широкой платформой для сбыта китайской продукции. Большая часть валютных резервов КНР находится в США в форме государственных облигаций (Feng Shaolei, 2015, p. 8) Нельзя не учитывать наличие в США

многочисленной китайской диаспоры, представители которой создают этнические кварталы. Что касается России, она тоже не намерена разрывать отношения с Западом. «Мы готовы развивать энергетическое сотрудничество с Евросоюзом, строить альтернативные маршруты поставок, чтобы в перспективе удовлетворить растущие потребности европейских экономик» — сказал Д. А. Медведев в своем интервью (Медведев, 2015). Понятно, что Запад долгое время был экономическим партнером России, и разрыв многолетних отношений с ним сейчас будет болезненным, ввиду отсутствия явной альтернативы.

В военной сфере Китай не пренебрегает возможностью сотрудничества как с Россией, так и с США. 15 июня 2015 г. военные чиновники Китая и Соединенных Штатов подписали документ о механизме взаимодействия в военной сфере, а глава ВМФ Китая, У Шэнли назвал отношения между военно-морскими флотами США и Китая «лучшими в истории» (Китай назвал, 2015). При этом существует противоречие, связанное с проектом поставки американского оружия в Тайвань почти на 2 млрд. долларов (US arms, 2015). Для Пекина урегулирование вопроса, связанного с сепаратистскими стремлениями Тайваня, является основой национальной безопасности. (China's Military Strategy, 2015, p. 4) Китай уже упоминал, что не намерен прощать американской стороне действия, которые угрожают безопасности и территориальной целостности Среднего государства. Как отметил помощник главы МИД КНР, Пекин намерен ввести санкции в отношении компаний, которые участвуют в поставках вооружения Тайваню (Эксперт, 2015).

С Россией дела обстоят иначе. Китай являлся одним из основных импортеров российской военной техники, причем это позволило Китаю выйти на третье место в мире по экспорту оружия, и теперь он закупает у России в основном запчасти и копирует российскую технику (Китай вышел, 2015). По сообщению Forbes, в 2011 г. Китай наладил производство истребителя J-16, который был скопирован с российского СУ-30МК2, закупленного в середине 2000-х гг. До этого китайские инженеры наладили производство аналогов Су-27 и Су-33 и сумели запустить в космос космический корабль «Шэньчжоу», повторяющий конструкцию и компоновку российского «Союза» (Из России, 2015). Нелегальное копирование российской техники не может не возмущать Россию, а соперничество Китая с ней на рынке военного вооружения создает дополнительные сложности в развитие двусторонних отношений.

Сотрудничество в энергетической сфере называют базисом российско-китайских отношений, говоря, что Поднебесной необходимы российские углеводороды, однако Китай отказался финансировать трубопровод «Сила

Сибири». В итоге, «Газпром» строит трубопровод на свои деньги (Газпром, 2015). Можно ли после этого утверждать, что Китай видит в России основного партнера в энергетической сфере? Китай будет импортировать углеводороды из России до тех пор, пока в стране-партнере сохраняется экономическая стабильность, и пока он не найдет более выгодного источника. На всех партнеров Поднебесной распространяется правило — в них должна быть экономическая и политическая стабильность.

Учитывая все вышесказанное, можно отметить, что китайская сторона заинтересована в развитии отношений со всеми государствами, которые помогут ей в собственном росте. «Благоприятное развитие китайско-российских отношений не направлено против США, и не оказывает на них никакого влияния. Таким же образом, расширение сотрудничества между Китаем и США не затрагивает Россию и не оказывает влияние на напряженные российско-американские отношения», — цитата одного из китайских аналитиков, описывающая позицию Пекина (Фу Ин, 2015). Как сказал Генри Джон Темпл Палмерстон, «У нас нет ни вечных союзников, ни постоянных врагов, но постоянны и вечны наши интересы, и защищать их — наш долг». Эта цитата, сказанная про Великобританию, наиболее полно описывает нынешнюю политику Китая, который не связывает себя союзом ни с одной из сторон.

Список литературы:

Артемьев А., Макаренко Г. Окно в Европу: как Китай запустил новый «Шелковый путь» в обход России // РБК, 15.12.2015. URL: <http://www.rbc.ru/politics/15/12/2015/56703a6d9a7947f88a89ae7d> (дата обращения 20.03.2015).

Арутюнова Г. И., Султыгова А. А. Зачем Китаю Центральная Азия? // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, № 04 (63), 2014. С. 160–163.

«Газпром» построит газопровод «Сила Сибири» за счет своих средств // РИА-новости, 26.06.2015. URL: <http://ria.ru/economy/20150626/1090108945.html> (дата обращения 20.03.2016).

Забелина Н. Россия зашла в стратегический тупик // Независимая газета. 18.12.2015. URL: http://www.ng.ru/economics/2015-12-18/1_tupik.html (дата обращения 19.03.2016).

Иванов А. Китай «списывает» российское правительство // Свободная Пресса, 18.12.2015. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/138622/> (дата обращения 19.03.2016).

Из России с любовью: за счет чего российский оружейный экспорт превысил \$15 млрд // Forbes, 29.01.2013. URL: <http://www.forbes.ru/sobytiya-photogallery/233609-iz-rossii-s-lyubovyu-za-schet-chego-rossiiskii-oruzheinyi-eksport-prevy/photo/1> *lfnf j,hfotybz 20.03.2016).

Калюков Е. Россия обогнала Саудовскую Аравию по поставкам нефти в Китай // РБК, 21.10.2015. URL: <http://www.rbc.ru/economics/21/10/2015/562793729a7947b15c929a39> (дата обращения 19.03.2016).

Китай вышел на третье место в мире по экспорту оружия // BBC, 16.03.2015. URL: http://www.bbc.com/russian/business/2015/03/150316_china_arms_trade_sipri (дата обращения 20.03.2015).

Китай назвал связи с США в военно-морской сфере «лучшими в истории» // РБК, 23.10.2015. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/56299f249a7947d883d302f6> (дата обращения 20.03.2016).

Медведев: Россия готова развивать энергосотрудничество с Евросоюзом // РИА-новости, 25.07.2015. URL: <http://ria.ru/economy/20150725/1146446372.html> (дата обращения 20.03.2016).

МИД КНР назвал инцидент с Су-24 ВКС РФ потерей для международных усилий в борьбе с терроризмом // Russia Today, 22.12.2015. URL: <https://russian.rt.com/article/138172> (дата обращения 20.03.2016).

Фу Ин. Неравносторонний треугольник отношений Китая, России и США // Жэньмин Жибао, 23.12.2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/1223/c95181-8994641.html> (дата обращения 18.03.2016).

Чжао Юй. Сможет ли Россия выдержать испытание на прочность на фоне сложного кризиса? // Иносми.ру, 17.12.2015. URL: <http://inosmi.ru/economic/20151217/234837640.html> (дата обращения 19.03.2016).

Эксперт: КНР жестко ответит США на поставки Тайваню оружия // РИА-Новости, 18.12.2015. URL: http://ria.ru/radio_brief/20151218/1344333896.html (дата обращения 20.03.2016).

China's Military Strategy. Beijing, May 2015.

Feng Shaolei. The background and prospects of the evolution of China's foreign strategies in the new century // Валдайские записки, №34, Ноябрь, 2015. С. 3–15.

Guardian назвала Россию и Китай «новой осью мировых сверхдержав» // ТВЦ, 11.07.2015. URL: <http://www.tvc.ru/news/show/id/72322> (дата обращения 20.03.2016).

US arms deal with Taiwan sparks sanctions threat from China // Euronews, 17.12.15. URL: <http://www.euronews.com/2015/12/17/us-arms-deal-with-taiwan-sparks-sanctions-threat-from-china/> (дата обращения 20.03.2015).

Борькина Анастасия Юрьевна
 магистрант кафедры теории и методики преподавания языков и культур
 Азии и Африки Восточного факультета СПбГУ¹

Дзиппэнся Икку и его сочинение «Тōкайдōтjō хидзакуригэ»

Конец XVIII в. ознаменовал собой начало принципиально нового этапа в развитии японской литературы. В этот период ведущую позицию занимает литературная тенденция *гэсаку* 戯作, которая сохраняет свое значение вплоть до конца эпохи Токугава (1603–1867). Считается, что впервые термин *гэсаку* («несерьезные, шуточные» произведения) был применен Хирага Гэннай 平賀源内 по отношению к одной из сочиненных им пьес для театра *дзjэрури* 浄瑠璃 (Кин, 1978, с. 275). Он, таким образом, отграничил написанное им «в шутку», в качестве хобби, от серьезных сочинений. Вскоре, однако, это название стало применяться по отношению ко всему пласту массовой литературы того времени. Литература *гэсаку* — явление само по себе крайне неоднородное. К ее разряду относятся произведения, совершенно непохожие друг на друга по жанру, форме, объему, при этом вовсе не обязательно они имеют «несерьезный» характер. «Несерьезность» проявляется, скорее, в коммерциализации литературного творчества, что негативно сказывалось на художественной ценности и самобытности произведений *гэсаку*. Свою лепту вносит и новый литературный метод *угати* 穿ち («демонстрация недостатков»), лишаящий сочинения *гэсаку* сатирической глубины.

Одним из ведущих жанров *гэсаку* в начале XIX в. был жанр *коккэйбон* 滑稽本 («забавные книги»). Зарождение его относят еще к концу XVIII в., возводя к произведению Мандзōтэй 万象亭 «Инака сибай» 田舎芝居 («Провинциальный театр», 1787), в котором при использовании стандартной для *сярэбон* 洒落本 («повести о веселых кварталах») форме повествования в диалогах, действие перенесено в театр провинции Этиго, а утонченный юмор заменен куда более грубыми шутками *ябо* 野暮 (Shirane, 2002, p. 730). Однако подлинный взлет жанра *коккэйбон* связан, несомненно, с именем Дзиппэнся Икку 十返舎一九 (1765–1831) и его произведением «Тōкайдōтjō хидзакуригэ» 東海道中膝栗毛 («На своих двоих по тракту Тōкайдō»), далее — «Хидзакуригэ»).

¹ Научный руководитель — к. и. н. Василий Владимирович Щепкин.

Дзиппэнся Икку (настоящее имя — Сигэта Садакадзу, 重田 貞一) происходил из провинции Суруга, из семьи самурая. В истории сохранилось много рассказов о необычном образе жизни Икку в Эдо и его эксцентричных выходках. Так, например, У. Дж. Астон приводит рассказ о последней воле писателя, который поручает своим ученикам положить в карманы его погребального одеяния мешочки с порохом, так что сожжение тела Икку заканчивается фейерверком (Aston, 1907, p. 371). О ранних же годах Икку известно очень мало. Он несколько раз поступал на службу, переехал сначала в Осака, а затем и в столицу. Карьеру на литературном поприще он начал с написания пьес для театра *дзэрури*, а также произведений *сярэбон* и *кибэси* 黄表紙 («книги в желтой обложке», иллюстрированные комические произведения). Однако настоящую писательскую славу он завоевал, безусловно, с выходом в 1802 г. первой части «Хидзакуригэ». Печаталось произведение вплоть до 1809 г., было издано всего 8 частей. Поскольку произведение было невероятно популярно среди читателей, с 1810 г. начался выпуск продолжения, которое печаталось до 1822 г. В общей сложности вышло 12 частей «Хидзакуригэ».

По форме «Хидзакуригэ» во многом напоминает предшествовавшие ему *сярэбон*. Повествование ведется, по большей части, в форме диалога, при этом Икку уделяет пристальное внимание особенностям речи персонажей, происходящих из разных провинций и принадлежащих к разным социальным группам, что позволяет ему блестяще имитировать живую разговорную речь. Диалоги сопровождаются авторскими пояснениями насчет действий героев, записываемыми более мелкими знаками. Встречаются также и фрагменты, где Икку указывает очередное место действия, время суток, погоду и прочие сопутствующие обстоятельства. Это придает «Хидзакуригэ» характер некой театральности. Еще одной неотъемлемой частью композиции произведения являются комические танка — *кэка* 狂歌, которыми неизменно заканчивается каждый эпизод похождения главных героев. Эти стихи обычно в максимально краткой форме содержат основной посыл предшествующей сцены и являются чем-то вроде рефлексии героев по поводу произошедшего. Они также играют роль переходного звена между отдельными эпизодами, которые, в целом, довольно самостоятельны и связаны лишь общим мотивом продвижения главных героев к конечной цели своего пути.

В центре повествования «Хидзакуригэ» — приключения двух героев, Ядзиробэй и Китахати, путешествующих по тракту Тōкайдō из Эдо в святилище Исэ, а затем в Киото и Осака. Герои принадлежат к весьма маргинальным общественным слоям: старший, Ядзи, выходец из торговой

семьи, промотавший свое состояние, совсем еще молодой Кита — неудавшийся актер. Как поясняется в главе «Начало путешествия», Ядзи и Кита, потерпев неудачу в попытке обманным путем завладеть большим денежным состоянием, решают, пресытившись своей довольно убогой жизнью в столице, «поискать счастья в чужих краях». «Хидзакуригэ» — местами приключенческий, авантюрный роман, местами — настоящий путеводитель по достопримечательностям тракта Тōкайдō (Shores, 2012, p. 48). При этом Икку склонен уделять внимание, скорее, не живописным пейзажам и величественным храмам, которые открываются взору путешественников, а гораздо более насущным, бытовым вопросам: еде, сувенирам, стоимости транспорта и ночлега. И повсюду на своем пути главные герои неизменно попадают в неловкие ситуации, из которых, однако, благодаря своей смекалке и неиссякаемому юмору, чаще всего выходят благополучно. Больше всего проблем героям доставляет их неумное стремление найти женщину и бесконечные попытки хитростью сэкономить на еде или транспорте. Еще один источник неприятностей — незнание героями особенностей провинциальной жизни. Все вместе это используется Икку для создания особого комического эффекта, при этом юмор произведения — вневременной, вечный, он часто грубоват, но легко прочитываем и прост, и это, безусловно, делает «Хидзакуригэ» понятным и близким современному читателю. Эпизод с черепахой, в самый ответственный момент заползающей под одеяло к Ядзи и Кита, уединившимся с провинциальными куртизанками (Дзиппэнся, 1958, с. 95–97), или сцена купания в «ванне Гоэмона» (Дзиппэнся, 1958, с. 72–74) — яркие образчики такого юмора.

В «Хидзакуригэ» представлен и иной тип юмора, а именно, заимствованное из средневековых фарсов *кѐгэн* 狂言 комическое взаимодействие главных героев, принимающих на себя амплуа *ситэ* и *адо* — главного и второстепенного актеров *кѐгэн*. Ряд исследователей считает одной из наиболее показательных сцен такого характера эпизод, в котором Ядзи принимает Кита за лису-оборотня (Дзиппэнся, 1958, с. 198–209), утверждая, что здесь налицо не только использование приемов *кѐгэн*, но и прямое заимствование сюжета *кѐгэн* «Кицунэдзука» 狐塚 («Лисий холм») (Shirane, 2002, p. 733).

Итак, юмор «Хидзакуригэ» весьма разнообразен, в то же время искусно выстроен и достаточно прозрачен для читателя. При этом многие исследователи оценивают его довольно односторонне, утверждая, что в нем отсутствует всякое сатирическое начало, и «Хидзакуригэ», как и все произведения *коккэйбон*, являет собой лишь развлекательное сочинение. Безусловно, по большей части юмор «Хидзакуригэ» не выходит за рамки

«безобидного смеха», однако некоторые сцены уже во многом походят на сатиру. Особенно интересным в этом свете представляется эпизод с процессией *даймэ* (Дзиппэнся, 1958, с. 54–55), в отношении которой Ядзи и Кита неожиданным образом позволяют себе самые резкие высказывания, далекие от «легкого юмора».

Безусловно, характеристика «Тōкайдōтjō хидзакуригэ» не исчерпывается лишь вышеописанными моментами. Учитывая, что в российской науке «Хидзакуригэ» и жанр *коккэйбон* в целом практически не изучены, дальнейшая разработка данной темы представляется актуальной и значимой. «Хидзакуригэ» — прекрасный образец жанра *коккэйбон*, неисчерпаемый источник по истории и культуре эпохи Эдо, по бытовой жизни и психологии тогдашнего населения столицы и провинций, а также, что немаловажно, произведение, и по сей день пользующееся популярностью среди японских читателей. В связи с этим, оно, несомненно, заслуживает самого пристального внимания исследователей.

Список литературы:

Aston W. G. A History of Japanese Literature. London: William Heinemann, 1907.

Дзиппэнся Икку 十返舎一九. Тōкайдōтjō хидзакуригэ 東海道中膝栗毛 (На своих двоих по тракту Тōкайдō). Токио: Иванами сётэн, 1958 (Серия «Японская классическая литература», том 62).

Кин Д. Японская литература XVII–XIX столетий. М.: Глав. ред. вост. лит-ры изд. «Наука», 1978.

Shirane Haruo, ed. Early Modern Japanese Literature: an Anthology, 1600–1900. New York: Columbia University Press, 2002.

Shores M.W. Jippensha Ikku, *Hizakurige* and Comic Storytelling // Early Modern Japan: An Interdisciplinary Journal, v.20. Ohio State University, 2012. P. 46–75.

Владимирцева Анастасия Александровна
аспирантка кафедры музеологии и культурного наследия факультета
мировой культуры Санкт-Петербургского государственного института
культуры¹

Анализ свидетельств китайских паломников Фа-сяня, Сюань-цзана и Ван Сюань-це о Махабодхи

Бодхгая является наиболее известным и почитаемым буддийским местом в мире. В древнем мире, как и в Средние века, Бодхгая была известна в первую очередь как город, где Шакьямуни достиг Просветления и стал Буддой. До наших дней сохранились многочисленные описания и свидетельства пилигримов прошлого из Шри-Ланки, Бирмы и Китая. К важным источникам по истории Махабодхи относятся путевые заметки китайских паломников Фа-сяня, Сюань-цзана, Ван Сюань-це, И-цзина и других посетивших Бодхгаю в V–XIII вв. н.э. (Fa-hsien, 1886, pp. 123).

Наиболее ранний источник был записан китайским паломником Фа-сянем в начале V в. н. э. В 402 г. Фа-сянь прибыл в Бодхгаю после двух лет странствий по горам и пустыням Центральной Азии. Это был первый известный нам китайский паломник, *достигший* Индии. Однако он был далеко не первым, кто пытался это сделать. Так, ок. 325 г. н. э. другой китаец по имени Юфа-лан предпринял путешествие в Индию, избрав т. н. южный маршрут. К сожалению, ему удалось добраться лишь до Индокитая, где он и умер (Dhammika, 1996, p. 33). Вернувшись на родину в 413 г., Фа-сянь написал мемуары, вдохновившие многих паломников на столь грандиозное путешествие. С этого момента начался Золотой век китайских путешествий в Индию, продлившийся около 600 лет. В своих записках Фа-сянь пишет, что в месте, где Будда постиг совершенство мудрости, располагаются *три* монастыря, населенные монахами. Другой паломник, китаец Сюань-цзан, сообщает, что в бодхгайском монастыре было шесть залов, что можно интерпретировать как шесть зданий (Hiuen Tsang, 1884, p. 133). Здесь же упоминается о корпусах в три этажа, окруженных стеной высотой около 10 метров, украшенной нишами со статуями Будды. По словам Сюань-цзана, покровителем монастыря, где проживает *более тысячи монахов*, является правитель острова Цейлон. Брат правителя совершил путешествие по святым буддийским местам Индии. Во всех посещаемых им монастырях его принимали не как иностранца. Вернувшись на Цейлон, он убедил правителя

¹ Научный руководитель — д. филос. н. Андрей Сергеевич Мухин.

построить монастыри по всей Индии. Таким образом, благодаря запискам Сюань-цзана, нам стало известно о покровительстве Бодхгае цейлонского правителя и его брата — буддийского монаха по имени Маханаман, инициировавших монастырское строительство на территории комплекса Махабодхи. Имена цейлонских донаторов запечатлены на каменных плитах храма. Другим источником, свидетельствующим в пользу достоверности этого события, являются записки китайского путешественника Ван Сюань-це, посетившего Индию в VII в. н. э. По его словам, «некогда правитель Шри-Ланки Шри Мегхаварман направил двух бхикшу посетить монастырь (Вагва Дирак, 1981, р. 42), которые воздали дань уважения алмазному трону Ваджрасане под деревом Бодхи. Монастырь не смог дать им убежища, и эти двое вернулись на родину. Правитель спросил бхикшу о том, был ли их визит отмечен какими-либо благими знаками. Те отвечали так: “В великой стране Джамбудвипа не существует и пяти мест, где можно пребывать в мире”. Услышав эти слова, он послал к правителю Самудрагупте людей с подношениями драгоценных камней. Благодаря этому дару бхикшу государства Цейлон может проживать в этом монастыре и по сей день» (Journal of the Royal Asiatic Society, p. 75).

Любопытно, что Сюань-цзан в своих записках упоминает о тхеравадинском монастыре на территории комплекса Махабодхи (Hiuen Tsang, 1884, p. 133ff; Ansari, 1990, p.95). От Ван Сюань-це мы узнаем, что именно индийский правитель Самудрагупта дал разрешение на строительство Сингальского монастыря в Бодхгае и что цейлонского правителя, отдавшего приказ о строительстве Сингальского монастыря вблизи Махабодхи, звали Шри Мегхаварман, и он был старшим сыном Махасены, чье правление началось ок. 303 г. н.э. Здесь же упоминается, что Самудрагупта и Шри Мегхаварман были современниками Маханамана, что исключает возможность привязки 269 г. к эпохе Гупта (III–VI вв. н.э.) (University of Ceylon Review, 1960, pp. 129–155). Таким образом, хронология «Махавамсы» дает нам возможность датировать правление Мегхавармана ок. 304–332 гг. н.э. (Ansari, 1990, p. 95). Чтобы ответить на вопрос касательно датировок сингальских анналов, поставленный еще Флитом, Б.Баруа выдвинул предположение, что 269 г. следует соотносить с эрой Сака, что автоматически переносит нас к 347 г. н.э., что соответствует правлению Самудрагупты; однако дата, очевидно, не совпадает, т.к. дата, связанная с Маханаманом, согласно хронологии «Махавамсы», опережает получившуюся с учетом гипотезы Б. Баруа на 15 лет (Ansari, 1990, p. 96).

Сюань-цзан описывает место медитации Будды в Бодхгае непосредственно перед Освобождением. Согласно данным одного из

скальных эдиктов, в середине III в. до н. э. царь Ашока посетил Бодхгаю и решил воздвигнуть здесь храм, придав Бодхгае еще большее значение. Паломничество Ашоки изображено на восточных воротах индийской ступы в Санчи. Эта легенда подтверждается многими паломниками прошлого, в частности Сюань-цзаном, приписывающим возведение *святилища Самбодхи* именно Ашоке. По всей видимости, святилище было построено через десять лет после освящения этого места (Rana, 2009, p. 76). Некоторые историки ставят под сомнение правдоподобность того, что Самбодхи было сооружено Ашокой, главным образом потому, что это не упомянуто ни в одном из его указов. Однако такие свидетельства, хотя и косвенные, все же имеются. Так, раскопки А. Каннингема, произведенные в храме Махабодхи в 1881 г., подтвердили наличие древнего фундамента периода Маурьев (IV–II вв. до н.э.). Кроме того, исследователями было обнаружено изображение святилища Самбодхи на ступе в Бхархуте. На рельефе выделяются два легендарных остроконечных святилища под деревом Бодхи.

Впоследствии старый храм Ашоки был разобран, а на его месте был возведен новый храм Махабодхи, внешний вид которого успешно воссоздан реставраторами XIX в. и сохранился до нашего времени. Возведение нового храма очень плохо отражено в источниках и поэтому во многом до сих пор покрыто тайной. Путаница датировок касательно нового храма во многом связана с письмами паломников Фа-сяня и Сюань-цзана. Первый китайский паломник Фа-сянь, посетивший Бодхгаю в 409 г. н. э., вообще не упоминает название храма. Второй же, Сюань-цзан, посетивший город спустя 230 лет в 637 г., называет храм «Махабодхи вихарой» и подробно описывает его строительство. Согласно описанию Сюань-цзана, храм «построен из оштукатуренных синеватых кирпичей. Храм имеет множество ниш с позолоченными статуями Будды. Со всех четырех сторон стены покрыты прекрасными барельефами, [поясками] жемчужника, изображениями риши. На вершине имеется изображение медного позолоченного плода амалаки» (Information Dossier, 2002, p. 7). Согласно свидетельству Сюань-цзана, на месте нынешней вихары Ашока-раджа вначале построил маленький храм, впоследствии храм был значительно перестроен неким брахманом. Сведения, изложенные Сюань-цзаном, неубедительны и неполны: трудно поверить, что обычный мирянин мог построить столь грандиозный храм, чье возведение по силам лишь правительственной казне. Бирманская надпись XIV в. вносит еще больше неразберихи. По ее сведениям, храм Махабодхи был воздвигнут дхармараджей Ашокой, а после своего запустения восстановлен монахом Наик махантом, затем вновь отстроен Раджой Садо Мангом. И после нового запустения Раджа Семпью-Сакхен-Тра-Менги назначил своего учителя

Дхарма Раджу Гуну заведовать восстановлением храма, куда тот прибыл со своим учеником Кашьяпой. Однако восстановительные работы не были завершены. Впоследствии Варадаси-Наик-Тхера подал прошение, чтобы раджа взял храм под свое покровительство, на что был дан положительный ответ. Восстановительные работы вначале были поручены царевичу Пьюгасингу, но тот перепоручил это дело своему младшему брату Пьюсакхенгу и его министру Ратхе. Таким образом, храм Махабодхи был отстроен уже в четвертый раз. Восстановительные работы завершились в пятницу десятого дня месяца Пьядола 667-го Саккараджи (т. е. 1305 г. н. э.). На следующий год восьмого дня месяца Тачханмунгла (1306 г. н. э.) были завершены все необходимые ритуалы (Cunningham, 1892, pp. 76-77).

Эти противоречивые сведения, извлеченные из записок китайских паломников и бирманской надписи, порождают множество споров среди ученых. По мнению Р. Митры, надпись периода Гупта не касается возведения храма, однако создается впечатление, что храм уже существовал во втором столетии. Эту информацию, по мнению Р. Митры, можно рассматривать как *terminus post quem* (верхнюю временную границу). Р. Митра полагает, что на месте нового храма Ашоки ранее была какая-то другая постройка, разобранный при строительстве. Если мы предположим, что храм Ашоки простоял около 150 лет, то получим начало I в. до н. э., что и будет для нас *terminus ante quem* — исходной датой строительства нового храма. Подобные расчеты, по мнению Р. Митры, указывают на отрезок времени в двести лет с начала I в. до н. э. до конца I в. н. э., в пределах которого мы и должны искать дату строительства храма Ашоки.

А. Каннингем полагает, что храм был построен между 120–160 гг. н. э. (Cunningham, 1892, pp. 80), в то время как Б. Баруа утверждает, что храм был воздвигнут уже после посещения Фа-сяня, однако задолго до Сюань-цзана, а именно между V и VII вв. н. э. Б. Баруа исходит из предположения, что Фа-сянь не описывает храм, поскольку его здание на тот момент еще не построили, ошибочно заключая из этого, что храм был воздвигнут после 409 г. н. э. Данная гипотеза, хотя и очень заманчива, но все же мало вероятна, поскольку описание Фа-сяня в целом немногословно и отрывочно. Так, например, Фа-сянь сообщает, что в месте, где Будда достиг Просветления, есть три монастыря с живущими там монахами. Фа-сянь, однако, не называет эти монастыри и даже не упоминает великий монастырь, построенный правителем Шри-Ланки незадолго до его посещения. Чтобы что-то узнать об этом, нам придется обратиться к записям Сюань-цзана. По его словам, «Махабодхи сангхарамы, построенная правителем Шри-Ланки, имела шесть залов, шесть трехъярусных башен для наблюдения, защитную стену тридцати (9 м) или

сорока футов (12 м) высотой и была богато украшена разнообразными яркими орнаментами. Исполненную из золота и серебра статую Будды украшали драгоценные камни. Высокие ступы отличались широкими пропорциями и богатой орнаментикой» (Ahir, 1994, p. 18–19). Опираясь на свидетельство Фа-сяня, можно было бы предположить, что шриланкийского монастыря тогда вовсе не существовало, однако это было бы большой ошибкой. Поэтому вполне логично, что, хотя Фа-сянь и видел монастырь, но не стал его описывать, ограничившись лишь скупой заметкой: «Четыре великих пагоды, воздвигнутых по старой традиции, сооружены в местах, где Будда родился, где он достиг Просветления, где проповедовал Дхарму и где скончался» (Faxian, 1923, p. 55).

Заложенный в I–II вв. н.э. Махабодхи эпохи раннего Средневековья существовал во времена Фа-сяня и Сюан Цзана и, вероятно, был разрушен в результате землетрясения конца VI в. н.э., после чего его заново отстроили и расширили, используя при этом старые кирпичи и материалы. В 1880-е гг. храм Махабодхи был максимально восстановлен в том облике, который был ему присущ в 637 г. н. э. и который застал Сюань-цзан.

Список литературы

Ahir, D. C. *Buddha Gaya through the Ages*. Delhi: South Asia Books, 1994. 190 pp. (Bibliotheca Indo-Buddhica, No.134).

Ansari, A.Q. *Archaeological remains of Bodhgaya*. New Delhi: Ramanand Vidya Bhavan, 1990. Pp. 1-95.

Barua, Dipak K. *Buddha-Gaya Temple, its History*. Buddha Gaya: Buddha Gaya Temple Management Committee, 1981. 320 pp.

Cunningham, Alexander. *Mahabodhi or the Great Buddhist Temple under the Bodhi Tree at Buddha Gaya*. London: W.H.Allen & Co., 1892. 80 pp.

Dhammika, S. *Navel of the Earth: The History and Significance of Bodh Gaya*. Singapore: Buddha Dhamma Mandala Society, 1996. P. 12.

Fa-hsien [Faxian]. *A Record of Buddhistic Kingdoms*. Oxford: Clarendon Press, 1886. XV+123 pp.; reprint: New York: Paragon House & Dover, 1965. 123 pp.

Faxian [Fa-hsien]. *The travels of Fa-hsien (399-414 A.D.), or Record of the Buddhistic Kingdoms*; retranslated by H. A.Giles. Cambridge: University Press, 1923. 96 pp.

Huien Tsang. *SI-YU-KI. Buddhist Records of the Western World (AD 637)*; tr. by S.Beal from the Chinese of Hiuen Tsiang. London: Trübner, 1884; reprint: Routledge, 2001. 380 pp.

Information Dossier for nomination of Mahabodhi Temple Complex Bodhgaya as a World Heritage Site // Report of the 26th Session of the World Heritage. 29th June 2002. P. 1-5.

Journal of the Royal Asiatic Society. No. 60. P. 75 (Vol. XXIV).

Rana, P.B. Singh. Where The Buddha Walked. A Companion to the Buddhist Places of India. Varanasi: Indica Books, 2003; reprint: New Delhi: Indica Books, 2009. 330 pp.

University of Ceylon Review. Vol. XVIII. No. 3-4. 1960. P. 129-155.

Голикова Екатерина Сергеевна
студентка кафедры филологии Юго-Восточной Азии и Кореи
Восточного факультета СПбГУ¹

**Жизнь китайцев-перанакан Индонезии, отраженная в романах
Кве Тек Хоая «Без фонаря» («Zonder Lentera») и
«Идем смотреть праздник фонарей» («Nonton Cap Go Me»)**

Этнические китайцы, или же китайцы-перанакан, представляют одно из самых многочисленных национальных меньшинств в Индонезии. По различным данным их число достигает 8 миллионов человек. Нынешнее расселение китайцев в Юго-Восточной Азии — результат процесса, который насчитывает не одно столетие. Уже в VII в. первые торговцы, путешественники и паломники прибыли из Китая в Нусантару. Многие китайские ученые-буддисты были вынуждены на пути в Индию совершать остановку на Суматре. Они составляли описания мест, оставляли заметки о своих наблюдениях. Например, в 671 г. китайский паломник-буддист И-Цзин посетил Шривиджаю и оставил ценные записи о состоянии древне-суматранского государства и о роли буддизма в нем (Брагинский, 1983, с. 189).

Н. А. Симония выделяет следующие рамки первого этапа китайской иммиграции: с возникновением первых поселений в VII в. и до появления европейцев в конце XVI в. (Симония, 1959, с. 84). Китайские поселения образовывались, в основном, в прибрежных районах, у больших портовых городов. Например, первые деревни появились сначала на севере Явы и на юге Калимантана. Чаще всего миграция зависела от экономических и политических факторов. Наиболее массовая эмиграция была во времена природных бедствий, голода, эпидемий или же репрессий и войн. Миграционная волна направлялась с севера на юг, где условия жизни были более благоприятными.

Во времена колониальных экспансий европейцы часто использовали китайцев в качестве кули на плантациях. Работали последние, фактически, за еду и кров и были очень выгодной рабочей силой, поэтому как англичане, так и голландцы массово вывозили их из Китая. Эмигрантами были, как правило, мужчины, которые уезжали в поисках работы, без жен и детей, что упрощало процесс ассимиляции. Собственно, сам Кве Тек Хоай верно отмечает, что от своих отцов, которые преимущественно были этническими китайцами,

¹ Научный руководитель — ст. преп. Светлана Викторовна Банит.

перанакан унаследовали китайские традиции, а по материнской линии — местные (Kwee Tek Hoay, 1936, p. 74). Зачастую благодаря своим индонезийским матерям, *перанакан* удалось перенять местную культуру и традиции. Со временем, когда китайское сообщество Индонезии увеличилось, то не было больше необходимости жениться на местных (Leo Suryadinata, 1972, p. 53). Однако нельзя говорить о единой китайской общности на всем архипелаге: хотя мигранты были из южных областей Китая, все они были представителями разных национальностей, говорили на разных диалектах китайского. По этому же принципу они и селились, а следующие за ними приезжавшие всегда старались найти помощь у кого-нибудь, кто был родом из тех же мест.

Несмотря на некую разнородность и тенденцию к ассимиляции, китайцев всегда объединяли социальные и политические проблемы. Одной из них был вопрос гражданства. Фактически, эмиграция из Поднебесной была запрещена, и все эмигрирующие лишались своего китайского подданства. В 1907 г. был издан указ колониальной администрации о гражданстве, основанный на расовом различии: высшей группой были европейцы, в первую очередь, голландцы, ко второй группе относилось коренное население, а третью представляли, так называемые, зарубежные жители Востока (*Vreemde Oosterlingen*), но китайцы не подходили ни под одну из категорий. Таким образом, они оставались без защиты, что нередко приводило к произволу со стороны колониальной администрации и порождало серьезные социальные проблемы. Одной из них была политика сегрегации — система зон (*Wijkenstelsel*) и пропусков (*Passenstelsel*), согласно которой все китайцы должны были жить в пределах зон, определенных для проживания китайского населения, и при выезде из зоны нужно было получить разрешение у колониального чиновника. Внутри этих зон создавалась система капитанов (*Kapitein*), к вооруженным силам она не имела никакого отношения: каждый капитан должен был следить за порядком внутри своей зоны и, что немаловажно, собирать налоги (Leo Suryadinata, 1993, p. 83). Также остро стоял вопрос об образовании, так как китайцев не принимали ни в голландские школы, ни в местные, а действующих китайских школ на тот момент в Ост-Индии не было. Поэтому только обеспеченные *перанакан* могли позволить себе нанять преподавателя на дом или же отправить детей учиться за границу (Maier, 1991, p. 73).

К концу XIX — началу XX вв. начинают разделять китайцев Индонезии на *перанакан* и *тоток* (мал. местный житель иностранного происхождения; чистокровный). Первый тип представляли китайцы более ранних волн миграции, уже ассимилированные; для большинства из них родным языком

стал малайский, или вернее сказать, низкий малайский. В то время как *томок* придерживались китайских традиций и продолжали говорить на родном диалекте китайского.

В первой половине XX в. начали появляться так называемые социальные романы, освещавшие последние общественно-политические события в колонии. Не менее популярными были авантюрно-бытовые романы, в которых речь, в основном, шла о повседневной жизни китайцев, их традициях, их взаимоотношениях с местными индонезийцами. К этим романам и относятся два исследуемых романа Кве Тек Хоая.

Первый роман — «Nonton Cap Go Meh» («Идем смотреть праздник фонарей») — показывает традиционное, патриархальное китайское общество, оформившееся в Индонезии к первой половине XX в. Основной темой романа является столкновение китайских традиций и западных ценностей. В центре — молодая китайская пара, которая получила европейское образование. Мнение автора выражено неотчетливо, однако его можно проследить, например, по тому, как он описывает семью невесты. Он говорит, что традиционные китайские костюмы выглядят на них нелепо, так как они устарели, и в Китае их уже давно никто не носит, также смешно выглядят мужские косы, которые в Китае были уже к этому времени отменены. Завершается роман тем, что родственники все же разрешают пойти молодой паре на праздник вместе, и герои отправляются в ресторан праздновать победу «современного мышления над традиционным». Таким образом, мы можем проследить наметившуюся к XX в. тенденцию к вестернизации китайского общества в Индонезии. И это неудивительно, так как китайцы-перанакан в это время были лучше знакомы с западной культурой, чем местные, индонезийцы. Они получали образование за границей, именно китайцы первыми начали переводить западных авторов на малайский, то есть они были знакомы и с западной литературой (Salmon, 1987, p. 365). Тот же Кве Тек Хоай был просветителем и считал, что китайцам, нужно пользоваться плодами западной цивилизации, но при этом не забывать свои традиции.

Второй роман «Zonder Lentera» («Без фонаря») относится к так называемому социальному. В нем открыто выражена критика не только системы китайских капитанов (Kapitein), но и всего коррумпированного чиновничьего аппарата. Начинается роман с небольшого, казалось бы, происшествия: двое китайских подростков решили прокатиться вечером на велосипеде без фонаря. Однако по закону это было запрещено, и их сначала остановил полицейский голландец, а потом и местный — индонезиец. Тем не менее, мальчишки не растерялись и вместо своих имен оставили названия китайских блюд в местной китайской забегаловке и названия лекарств в

китайской аптеке. Наивные полицейские приняли детский обман за чистую монету, так и донесли на следующее утро комиссару. Поскольку дело касалось китайцев, инспектор передал его китайскому капитану и просил доставить к себе указанных. Капитан, подумав, что инспектор просит еду и лекарства для себя, решил тем самым подкупить комиссара, как он делал и с его предшественниками. После долгих перипетий все злоупотребления вскрылись, и китайский капитан, как и два полицейских — голландец и индонезиец — были отстранены от службы. В обход многих дискриминационных мер, китайцы-перанакан нередко прибегали к взятке, однако на примере этого романа Кве Тек Хоай показывает, что коррупция повсеместна, дают и принимают взятки не только сами китайцы, но и голландцы и индонезийцы. Так что национальная принадлежность не важна, а важны внутренние качества, такие как честность и трудолюбие.

Список литературы

Брагинский В. И. История Малайской литературы VII–XIX веков. М., 1983.

Симония Н. А. Население китайской национальности в странах Юго-Восточной Азии. М., 1959.

Claudine Salmon Literary migrations: traditional Chinese fiction in Asia (17th-20th centuries). Beijing: International Culture Publishing Corporation, 1987.

Kwee Tek Hoay The Prigins of the modern Chinese movement in Indonesia // *Moestika Romans*. 1936, № 9. P. 73-84.

Leo Suryadinata. From Peranakan Chinese literature to Indonesian literature: A preliminary study // *Chinese adaptation and diversity: Essays on society and literature in Indonesia, Malaysia and Singapore*. Singapore, 1993. Pt 6. P. 101-119.

Leo Suryadinata. Indonesian Chinese Education: Past and Present // *Indonesia*. 1972. № 14. P. 49-71.

Maier Henk Form of censorship in the Dutch Indies: The marginalization of Chinese-Malay literature // *Proceedings of the Symposium held at the Cornell University*. 1991, № 51. P. 67-81.

Дидбаридзе Юлия Амираниевна
студентка кафедры международных отношений
Гуманитарного института СПбПУ¹

Зарождение и ранние этапы развития традиции любования камнями (*шанши*)

Каждый, кто хоть раз бывал в Китае, обращал внимание на то, что во многих китайских садах установлены камни странной формы. Во многих городах Китая сегодня существуют музеи этих камней, создаются общества их ценителей. Несмотря на то, что камни для любования являются важной частью китайской культуры, к сожалению, до сих пор этот феномен остается малоизученным в отечественной и западной литературе. До сих пор не введён в научный обиход и термин *шанши* 賞石 (сокр. от *гуаньшанши* 觀賞石, «камни для любования») — понятие, указывающее на отдельные горные породы и минералы, специфический внешний вид которых (форма, цвет, фактура, выпуклости) превращает их в эстетический объект. В китаеязычной литературе для обозначения этих объектов используются также термины *циши* 奇石 («причудливые камни»), *яши* 雅石 («изящные камни»), *гуниши* 供石 («почитаемые камни»). Причудливые камни свой вид приобретают в результате естественных природных процессов, однако, в их создание может вмешиваться и человек (Mowry, 1997, p. 31). *Шанши* отличаются по региону и, как правило, их название происходит от названий местности их происхождения: например, *тайхуши* 太湖石 (камни [из] Тайху) — от озера Тайху, *линбиши* 灵壁石 (камни [из] Линби) — от названия уезда Линби и т. д.

История *шанши* уходит корнями в далекую древность: упоминания о странных камнях встречаются уже в «Шу-цзине» 書經, в главе «Юйгун» 禹貢 («Подношение Юя»), где описываются подношения от девяти провинций, на которые Великий Юй разделил государство. При перечислении даров от провинции Цинчжоу 青州 (располагавшейся на территории от гор Тайшань до Бохайского залива) наряду с шелком, соснами, коноплей, свинцом, упоминаются и *гуайши* 怪石 — «странные камни» (Шаншу, 2009, с. 55–56). В источниках периодов Цинь 秦 (221–206 гг. до н. э.) и Хань 漢 (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) причудливые камни упоминаются в связи с дворцово-парковым строительством (Чэн Чэн, 2013, с. 7). Схожие записи встречаются и в более

¹ Научный руководитель — м. н. с. ИВР РАН Антон Эдуардович Терехов.

поздних источниках. В «Вэйшу» 魏書 говорится о добыче в горах Бэйман 北邙 и Наньшань 南山 прекрасных камней (*цзяши* 佳石) для парка Хуалинь 華林 при его строительстве в период Северной Вэй 北魏 (386–534) (Вэй Шоу, 2004, т. 3, с.1690). О династии Лян 梁 (502–557) из сунских источников известно о том, что перед Храмом Всеобщего Спокойствия (Тунтайсы 同泰寺), построенным лянским императором У-ди 梁武帝 (464–549 гг.) в столичном городе Цзянькане, были установлены «безобразные камни» *чоуши* 醜石, прозванные «камни трех рангов» *саньпиньши* 三品石 (Чжоу Инхэ, цз.46). При династии Южная Ци 南齊 (479–507) для наследного принца Вэньхуэя 文惠 в Цзянькане строится «Сокровенный сад» *сюаньпуюань* 玄圃園, в котором были «башни и пагоды, скопления причудливых камней и прекрасные пейзажи» (Сяо Цзысянь, 1996, цз.21). В ранней китайской поэзии также прослеживаются мотивы, связанные с любованием камнями (Ван Мэйли, 2011, с.5–7).

Начиная, по всей видимости, с династии Тан 唐 (618–907) камни становятся не просто украшением парка, а самоценным объектом любования и коллекционирования. Об их популярности танский поэт Ли Шэнь 李紳 (772–846 гг.) пишет, что установленные перед храмом Кайюань 開元寺 камни *тайху* исчезли – стащены ценителями (Yang Xiaoshan, 2003, p.105). Другой известный танский поэт Бо Цзюйи 白居易 (772–846), который и сам был любителем камней, в 843 г. пишет произведение «Тайхуши цзи» 太湖石記 («Записи о камнях из озера Тайху»), в котором рассказывает о своём друге Ню Сэнжу 牛僧儒, страстном любителе причудливых камней. По словам Бо Цзюйи, Ню Сэнжу «обходился с ними как с гостями, относился как к разумным, ценил как драгоценность, любил как детей и внуков». Ню Сэнжу даже позволял себе принимать их в подарок от своих подчиненных, хотя и был добродетельным чиновником. Бо Цзюйи, пытаясь объяснить подобное увлечение камнями, которые «не звучат, не имеют ни запаха, ни вкуса», говорит, что камни «приходятся по душе» *шии* 适意 (Бо Цзюйи цзи, 1999, с. 1543).

Ещё один известный коллекционер того времени — политический противник Ню Сэнжу, Ли Дэюй 李德裕 (787–850 гг.) собрал в своей усадьбе Пинцюань 平泉 огромную коллекцию камней и редких растений. Он нанес на каждый камень в саду иероглифы *юдао* 有道 («Обладающий путем»), и эти камни ещё в XII в. были известны среди ценителей. Ли Дэюй завещал наследникам не продавать ни одного камня или дерева из усадьбы, в случае же если кто-то сильный и могущественный захочет отнять их, потомкам

следовало рассказать тому «рыдая о поручении предка». Интересно, что его внук Ли Цзиньши 李敬義 так и поступил, когда один из любимых камней деда («Избавляющий от похмелья» 醒酒石) попал в чужие руки (Yang Xiaoshan, 2004, p. 58–59).

Причудливым камням посвящено довольно значительное количество стихотворений периода Тан. Много внимания уделяется описанию необычного облика камня, но примечательно, что, хотя им восхищаются, он не считается красивым.¹ Даже такой любитель камней как Нью Сэнжу в стихотворении, посвященном подаренному ему камню, называет выступы того «уродливыми, как носы варваров» (Цюань Тан ши, цз.66). Важным для танских поэтов качеством является невозможность практического применения *шанши*. Бо Цзюйи в стихотворении «Шуанши» 雙石 («Пара камней») подчеркивает, что эти «странные и уродливые» камни непригодны для «вульгарного использования» (Цюань Тан ши, цз.444). Эта идея повторяется и в стихотворении «Тайхуши» 太湖石 («Камень [из] Тайху»), где Бо Цзюйи пишет, что «быть полезным — не его (причудливого камня — Ю. Д.) обязанность», им не наточить ножа и его не использовать для стирки как другие камни (Цюань Тан ши, цз.445). Другой поэт того времени, Лю Гуймэн 陸龜蒙 (?–881 гг.), в стихотворении «Тайху ши» 太湖石 («Камень [из] Тайху») пишет, что этот камень «не имеет никаких талантов, но стал величайшей ценностью» (Цюань Тан ши, цз.618).

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы: камни для любования — важная часть китайской традиционной культуры с богатой историей. Упоминания о них в источниках встречаются достаточно рано, однако вплоть до периода династии Тан большая часть записей, касающихся причудливых камней, ограничивается их упоминанием в контексте садово-паркового строительства. С эпохи Тан камень становится не просто украшением парка, а самостоятельным эстетическим объектом: появляются коллекционеры *шанши*, первое посвященное причудливым камням сочинение и т. д. Подобное внимание может объясняться некоторыми особенностями культуры данного периода, такими как, например, популярность даосизма с его культом камней и специфической эстетикой или общее увлечение всевозможной экзотикой. Так или иначе, эпоха Тан — время возникновения феномена *шанши* в том виде, в котором он продолжает существовать и в дальнейшем, а коллекции Ли Дэюя и Нью Сэнжу явились предвестниками того бурного развития, которое любование камнями получило в эпоху Сун.

¹ Позднее, сунским поэтом Су Ши (1037–1101 гг.) будет сформулирована концепция «неприглядные, но изысканные» (чоу эр вэнь 丑而文).

Список источников и литературы

Mowry R. *Worlds Within Worlds*. Harvard: Harvard University Art Museums, 1997.

Yang Xiaoshan. Li Deyu's Pingquan Villa // *Asia Major*, 17.2, 2004. P. 45–88

Yang Xiaoshan. *Metamorphosis of the Private Sphere*. Harvard: Harvard University Press, 2003.

Бо Цзюйи цзи 白居易集 (Собрание сочинений Бо Цзюйи). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1979. — 4 т.

Ван Мэйли 王梅莉. Минцин шанши вэньюэ цзици шэньмэй цзиншэнь янцзю 明清赏石文学及其审美精神研究 (Исследование литературы *шанши* и её эстетической составляющей в периоды Мин и Цин). Цзинань: Шандун шифань дасюэ, 2011.

Вэй Шоу 魏收. Вэйшу 魏書 (История династии Вэй). Шанхай: Ханьюй дацзидянь чубаньшэ, 2004. — 4 т.

Сяо Цзысянь 蕭子顯. Нань Ци шу 南齊書 (История династии Южная Ци). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1996.

Чэн Чэн 程承. Сундай шанши шэньмэйгуань дзи сунхуачжунде шанши жухуа 宋代赏石审美观及宋画中的赏石入画 (Эстетическое восприятие *шанши* и их живописные изображения в период Сун). Ханчжоу: Китайская академия искусств, 2013.

Чжоу Инхэ 周应合. Цзиндин Цзянькан чжи 景定建康志 (Хроники Цзянькана, [составленные в годы] Цзиндин) // Chinese Text Project. URL: <http://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=760309>

Цюань Тан ши 全唐詩 (Полное собрание стихов эпохи Тан) // Chinese Text Project. URL: <http://ctext.org/quantangshi>

Шаншу 尚書 (Почтенные писания). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2009.

*Ишмуратова Аделина Эдуардовна
студентка кафедры связей с общественностью в коммерческой сфере
Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»
Санкт-Петербургского государственного университета;
Слушатель Института Конфуция при СПбГУ¹*

Перспективы привлечения прямых иностранных инвестиций Китая в Россию

В последнее десятилетие наблюдается увеличение числа инвесторов из Китая, выходящих на международный рынок. Экономический рост Китайской Народной Республики и проведение реформ открытости способствуют притоку инвестиций, с одной стороны, и реализация инициатив национального бизнеса по выходу на иностранные рынки, с другой. Китай показывает стремительное усиление его роли в мировом инвестиционном процессе. Согласно ежегодному Мировому инвестиционному отчету Юнктад только за 2014 г. в Китай и Гонконг было привлечено \$129 млрд. и \$103 млрд. соответственно, — это наибольшие показатели по всем странам. Поток инвестиций из Китая и Гонконга составил \$116 млрд. и \$143 млрд. соответственно, эти показатели превышают только совокупный объем внешних ПИИ из США (\$337 млрд.). И по прогнозам Министерства коммерции КНР в ближайшие 5 лет ежегодный прирост внешних ПИИ Китая составит не менее 10% (Чжунгомоулай унянь).

Рост прямых иностранных инвестиций из Китая, в первую очередь, обусловлен изменениями в политике правительства страны: в начале 2000-х гг. была упрощена процедура выхода китайских предприятий на зарубежные рынки (если раньше существовал разрешительный порядок, то сейчас — уведомительный), а компании, инвестирующие в заграничные страны, стали поддерживаться государством (Пак, 2009, с. 5). Еще одним показателем намерений Китая инвестировать во внешние рынки является заявленная Правительством КНР в 2013 г. стратегия «Одного пояса одного пути», которая направлена на развитие инфраструктурных объектов в государствах, через которые проходят маршруты, а также на укрепление сотрудничества в области энергетики и новых технологий в сфере промышленности. При этом Китай посредством данной стратегии рассчитывает не только расширить и укрепить

¹ Научный руководитель — д. соц. н. Дмитрий Петрович Гавра.

международное взаимодействие и получить доступ к иностранным ресурсам, но и удовлетворить растущий внутренний спрос.

Согласно данным Ernst&Young за последнее десятилетие в КНР существенно увеличилась прослойка среднего класса, и на сегодняшний день Китай представляет собой огромный потребительский рынок. Причем, китайский потребитель становится все более требовательным, а значит, повышается спрос на более качественную продукцию. Кроме этого, если раньше Китай считался «мировым производителем», то сегодня страна переживает бум эпохи потребления. Как следствие, наблюдается диверсификация направлений: от концепции «сделано в Китае» переход к концепции «Сделано для Китая» (Ernst&Young, 2015, с. 6).

На развитие инвестиционной активности Китая влияет и внешний спрос как со стороны развивающихся стран, которым необходимо развивать инфраструктуру, внедрять новые технологии, так и со стороны развитых стран, особенно в кризисный период. Инвестирование в развитые страны — приоритет для китайских компаний. По данным исследования Ernst&Young в Топ-10 стран, наиболее привлекательных для Китая входят: США, Австралия, Сингапур, Индонезия, Великобритания, Россия, Канада, Германия, Таиланд, Вьетнам. Кризис 2008 г. отразился на стоимости активов западных стран, и китайские компании не упустили возможность этим воспользоваться: за последние годы поток ПИИ из Китая в развитые страны существенно превысил ПИИ в азиатские, латиноамериканские и африканские страны. За 2014 г. поток прямых иностранных инвестиций из КНР в США вырос на 23,9%, в европейские страны — на 70%. Вкладывая капитал в развитые страны, китайские предприниматели обеспечивают себе доступ к активам иностранных компаний, обладающих новейшими техническими разработками, передовым опытом управленческой деятельности, высококвалифицированными сотрудниками (Ernst&Young, 2015, с. 12). Китайские инвесторы рассчитывают, скорее, не на быстрое получение прибыли, а руководствуются стратегическими соображениями реализации национальных задач. Эта тенденция находит свое отражение в том факте, что большинство китайских компаний, инвестирующих во внешние рынки, являются либо государственными корпорациями, либо подконтрольными государству (Вергун, 2013, с. 128).

Как было отмечено выше, Россия входит в десятку стран, привлекательных для Китая с точки зрения инвестирования. В свою очередь, для России Китай не только остается важным партнером, но и приобретает все большую значимость в качестве инвестора. Главы России и Китая впервые о стратегическом сотрудничестве заговорили в начале XXI в. В частности, 16

июня 2001 г. между странами был заключен Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. В июне 2009 г. Президент России Дмитрий Медведев и Председатель КНР Ху Цзиньтао утвердили план инвестиционного сотрудничества. В документе отмечается, что отношения России и Китая приобрели характер стратегического партнерства.

С 2011 г. по первый квартал 2014 г. Китай показывал стабильную позитивную динамику инвестиций в Россию. В период с 2013 г. по первый квартал 2014 г. произошел скачок в увеличении притока инвестиций из Китая в Россию. По данным Центрального банка РФ за 2013 г. было привлечено 597 млн. долларов китайских инвестиций, а за первый квартал 2014 г. этот показатель составил 1022 млн. долларов. Вместе с тем уже со второго квартала 2014 г. наблюдается резкое сокращение ПИИ Китая в Россию, эта тенденция продолжается: за три квартала 2015 г. из Китая было привлечено всего 190 млн. долларов.

Однако, учитывая международную обстановку: конфронтацию России и стран Запада и набирающую обороты политику «разворота на Восток», Китай приобретает статус стратегического партнера для нашей страны, что не может не найти отражения в инвестиционных процессах между странами. По словам директора департамента Восточной Европы и Центральной Азии Министерства коммерции КНР Лин Цзи, «несмотря на падение ПИИ Китая в Россию, нельзя говорить о падении инвестиционной активности, с учетом экономических сложностей инвестор выбирает новые пути для инвестиций в российскую экономику» (Куркин, Федорова, 2015, с. 8).

На фоне усиления российско-китайского партнерства перспективы получения Россией китайских инвестиций становятся все более актуальными. На сегодняшний день большое количество договоров между странами заключается на государственном уровне: подписание контракта между «Газпромом» и CNPC о поставках российского газа, стратегического соглашения между «Русгидро» и китайскими компаниями PowerChina и Sanxia, строительство высокоскоростной железнодорожной магистрали «Москва-Казань», игровой зоны «Приморье», становление новых финансовых институтов — Нового банка развития БРИКС, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. Важным моментом в сложившейся ситуации становится формирование прочного фундамента отношений между обеими странами для их дальнейшего развития.

Список литературы:

Вергун А. Н. Страны БРИКС в международных инвестиционных процессах // Вестник МГИМО. 2013. №2 (29). С.127–134.

Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР // Российская газета [Эл. ресурс]. URL: <http://rg.ru/2009/03/20/russia-kitai-dok.html> (дата обращения 21.02.2016).

Куркин К., Федорова А. «Великая Шелковая страда» // Эксперт Северо-Запад. 2015. №48–49 (720). С. 7–10.

План российско-китайского инвестиционного сотрудничества // Торговое представительство Российской Федерации в КНР. [Эл. ресурс]. URL: <http://www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-ru-cn-coop/rus+china%20plan.pdf> (дата обращения 21.02.2016).

Пак С. Обзор исследования «Глобальная экспансия транснациональных корпораций России и Китая: адаптация в условиях кризиса» // МШУ Сколково. 2009.

Шелковый путь XXI века: мировая экспансия китайских инвесторов. Обзор китайских инвестиций на зарубежных рынках // Ernst&Young. 2015.

World investment report 2015. Reforming International Investment Governance. [Эл. ресурс]. URL: <http://www.worldinvestmentreport.org/> (дата обращения 04.11.2015).

Чжунго моулай у-нянь дуйвай чжицзе шэчжи тоуцзы нянь цзэнчжан люй кэ ван да 10% 中国未来五年对外直接投资年增长率可望达 10%. [Эл. ресурс]. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/i/jyjl/m/201410/20141000771228.shtml> (дата обращения 29.11.2015).

Лаисцева Анастасия Юрьевна
студентка кафедры истории стран Дальнего Востока
Восточного факультета СПбГУ¹

Конфликт на архипелагах Южно-Китайского моря в исторической ретроспективе

Восточная Азия² с наступлением нового века становится одним из основных центров мировой политики и экономики, но вместе с тем, привлекает новые проблемы, обусловленные стремительным ростом азиатских держав и их соперничеством за влияние в этом регионе. Одним из главных дезинтеграционных процессов этого региона являются территориальные споры в Южно-Китайском море (ЮКМ) между шестью странами (Китай, Вьетнам, Филиппины, Малайзия, Индонезия, Бруней) за полный или частичный суверенитет и контроль над крупными архипелагами и акваторией этого моря.

В первую очередь, необходимо отметить некоторые особенности ЮКМ и определить главные причины обострения современного конфликта. Благодаря своему выгодному географическому положению Южно-Китайское море (вьет. *Biển Đông*, кит. 南海) выступает как основной транспортный узел в перевозке нефти и других товаров в Восточную и Юго-Восточную Азию. Помимо этого, море богато биоресурсами, а также большим количеством фосфатов, используемых в качестве удобрения. Интересно отметить, что во Вьетнаме ЮКМ называют Восточным морем (*Biển Đông*), а на Филиппинах — Западно-Филиппинским, чтобы подчеркнуть тот факт, что оно не принадлежит полностью Китаю.

Однако наиболее выделяющаяся преимущественная черта ЮКМ — наличие крупнейших месторождений нефти и природного газа, которые по предварительным оценкам могут даже превзойти запасы Ближнего Востока. Благодаря обширному и неглубокому континентальному шельфу добыча ресурсов не будет весьма трудоемкой, и в то же время принесет огромную экспортную прибыль добывающей стране (Локшин, 2013, с. 11).

Это и послужило развитию конфликта в регионе, так как признание суверенитета над двумя главными архипелагами ЮКМ — Спратли³ и

¹ Научный руководитель — д. и. н. Владимир Николаевич Колотов.

² Имеется в виду как Северо-Восточная, так и Юго-Восточная Азия

³ Кит. 南沙群岛 - *Nánshā Qúndǎo*, палл. *Наньша цюньдао*; вьет. *Quần Đảo Trường Sa*, *Куандао Чьонгша*

Парасельскими островами¹ для каждой страны дает возможность законно эксплуатировать морское дно и активно проводить собственную политику.

Проблема состоит в том, что большинство островов ЮКМ являются необитаемыми, так как на протяжении многих веков острова не были полностью заняты ни одной из стран. Согласно конвенции ООН по морскому праву 1982 года, которая фактически является единственным легитимным документом по данной проблеме, на многих островах до сих пор не установлена исключительная экономическая зона (ИЭЗ) и границы шельфа (Конвенция ООН по морскому праву, 1982).

Основные претенденты приводят различные документы, карты и исторические упоминания, которые нередко противоречат друг другу, а иногда и вовсе демонстрируют отсутствие какого-либо контроля над территорией этих островов. Анализируя исторические аспекты конфликта, были рассмотрены доказательства принадлежности островов ЮКМ территории Вьетнама в издании «Исторический суверенитет Вьетнама над архипелагами Чыонгша и Хоангша», написанном при поддержке Министерства Иностранных дел Вьетнама (*Chủ quyền của Việt Nam đối với hai quần đảo Hoàng Sa và Trường Sa*, 2013). В книге приводится большое количество карт, фотографий и записей, доказывающих, что с исторической точки зрения архипелаги были неотъемлемой частью Вьетнама. Так, во время французского колониального режима суверенитет Вьетнама над архипелагами подтверждался французами не только юридическими документами и установлением стелы и маяка, но и размещением там своей военно-морской базы.

Однако наиболее важным периодом развития конфликта является вторая половина XX в. Так, одним из первых событий является конференция по подписанию Договора о мире с Японией, проходившая 7 сентября 1951 г. Когда глава вьетнамской делегации Чан Ван Хыу объявил об историческом суверенитете Вьетнама над островами Хоангша и Чыонгша, ни один из представителей 51 страны, принимавших участие в конференции, возражением или несогласием не ответил, что подтверждало непосредственное согласие других азиатских стран с суверенитетом Вьетнама над островами (*Chủ quyền của Việt Nam đối với hai quần đảo Hoàng Sa và Trường Sa*, 2013, p. 47).

Проанализировав основные труды отечественных и зарубежных авторов по данной тематике, можно выделить несколько ключевых этапов конфликта.

¹ Кит. 西沙群岛 : *Xīshā Qúndǎo*, палл.: *Сиша цюньдао*, вьет.: *Quần Đảo Hoàng Sa*, Куандао Хоангша

Так, в работе Д. В. Мосякова «Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему» отмечается, что отправной точкой дальнейших событий послужила высадка китайских рыбаков в 1959 г., когда они начали возводить различные сооружения. Южновьетнамские пограничники немедленно арестовали китайские суда за нарушение вьетнамского суверенитета (Мосяков, 2012, с. 39).

Сопоставляя имеющиеся факты из китайских и вьетнамских источников, можно определить одну из причин современной китайской агрессии на островах ЮКМ, которая берет свое начало еще в послевоенное время. В. Н. Колотов анализирует политику Китая по отношению к архипелагам в контексте известной древнекитайской стратагемы 聲東擊西 («подняв шум на востоке, напасть на западе»). Китайское правительство не раз использовало напряженность в одном регионе, чтобы в это время постепенно продвигать свои интересы в другом. Так случилось и с Парасельскими островами (Колотов, 2014).

Для анализа следующих событий, несомненно, нужно учитывать обстановку во Вьетнаме после американской войны. В 1974 г. страна была ослаблена и не смогла в полной мере отразить новую волну китайской агрессии на Парасельских островах. Так, Пекин установил свой контроль над архипелагом, что открывало Китаю путь на юг — к островам Спратли. Политику Китая после 1979 г. можно назвать «тактикой изматывания своих врагов бесконечной войной» (Мосяков, 2012, с. 60). Почти десять лет Китай придерживался такой тактики, и лишь в 1987 г. у КНР вновь появилась возможность вернуться на острова: ООН официально обратилась к Китаю с просьбой построить новую метеорологическую станцию на архипелаге Спратли. К этому времени, оставшись без союзников по данному вопросу, власти Вьетнама не смогли предпринять нужных мер и перешли к новому политическому курсу с целью мирного урегулированию конфликта.

Таким образом, современный конфликт, который все более прогрессирует в последние годы, имеет довольно сложную структуру, а историческое прошлое островов является его немаловажной составляющей. Однако, если Вьетнам, в основном, опирается на исторические доказательства, то Китай предпринимает активные действия, устанавливая буровые вышки и намывая новые территории к островам, что, безусловно, вызывает негативную реакцию со стороны претендующих стран. И как показывают последние события, конфликт начинает выходить за региональные рамки, привлекая новых игроков на арену — США и Японию. Все это свидетельствует о новом этапе геополитической борьбы, которая относится к, так называемой,

восточноазиатской дуге нестабильности, проходящей через Южно-Китайское море (Колотов, 2013).

Список литературы:

Восточная и Юго-Восточная Азия — 2011: внутренняя и внешняя политика, межстрановые конфликты. М.: Институт экономики РАН, 2012.

Кобелев Е. В. Южно-Китайское море: тлеющий очаг конфликта // АСЕАН в начале XXI века. М., 2010. С. 82–102.

Колотов В. Н. Восточноазиатская дуга нестабильности и геополитическое измерение территориальных споров в Южно-Китайском море. Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск №21. М.: ИВ РАН, 2013. С. 23–35.

Колотов В. Н. «Подняв шум на востоке, напасть на западе». О подоплеке территориального конфликта между Китаем и Вьетнамом. URL: http://www.gazeta.ru/science/2014/05/19_a_6039133.shtml (дата обращения 28.03.2016)

Конвенция ООН по морскому праву 1982 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/lawsea.shtml (дата обращения: 06.03.2016).

Локшин Г. М. Южно-Китайское море: трудный поиск согласия. М.: ИДВ РАН, 2013.

Мосяков Д. В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему. М.: Институт востоковедения РАН, 2012.

Mark J. Valencia. China and South China Sea disputes., Oxford, ADELPHI paper 298, 1995.

Chủ quyền của Việt Nam đối với hai quần đảo Hoàng Sa và Trường Sa. Nhà xuất bản tri thức, Hà Nội, 2013.

Đường lưỡi bò – một yêu sách phi lý. Học Viện Ngoại Giao Việt Nam. Nhà xuất bản tri thức. Hà Nội, 2013.

*Ланькова Екатерина Владимировна
студентка кафедры истории стран Дальнего Востока
Восточного факультета СПбГУ¹*

Некоторые сюжеты и персонажи «Тысячесловия»: их культурная ценность и историческое значение

Один из известнейших памятников учебной литературы «Тысячесловие» *Цяньцзывэнь* 千字文 получил огромное распространение не только благодаря своей ценности, как учебного текста. «Тысячесловие», являясь превосходным образцом педагогической и литературной мысли Китая, также содержит знания по многим сферам и дает возможность поразмыслить над проблемами мироздания.

Авторство «Тысячесловия» приписывают известному литератору и высокопоставленному чиновнику эпохи Южных династий (420–589) Чжоу Синсы 周興嗣 (умер в 521 г.), составившему его по велению правителя династии Лян (502–557) императора У-ди 梁武帝 (464–549 гг.) из разрозненных иероглифов, написанных известным каллиграфом Ван Сичжи 王羲之 (303–361). Изначально «Тысячесловие» предназначалось для обучения каллиграфии наследников династии Лян царствующего дома Сяо (502–556), однако впоследствии стало одним из самых известных учебных текстов.

Безусловно, «Тысячесловие» представляет собой классический учебный текст философского содержания, носящий назидательный характер и наполненный конфуцианскими, даосскими и буддийскими понятиями. Однако же стоит уделить внимание некоторым не самым известным сюжетам и персонажам.

閏餘成歲，律呂調陽。

Добавить месяц и будет год; с помощью [6 янских и 6 иньских звуков] можно настроить гармонию.

Прежде всего, многочисленные строфы, посвященные музыке, а также тот факт, что система 12 люй *ши эр люй* 十二律 упоминается в самом начале текста, не позволяет усомниться в культурной ценности музыки, которая проделала в своем развитии не меньший путь, чем Поднебесная.

Китайская музыка с древности развивалась под воздействием философско-идеологических доктрин, составляющих три учения. В

¹ Научный руководитель — к. и. н. Юлия Сергеевна Мыльникова.

конфуцианских трактатах разрабатывалась космологическая концепция природы музыки, подчеркивалась ее политическая и общественная роль - музыка даже рассматривалась, как одно из средств управления государством, а также как существенный фактор воспитания людей и достижения общественной гармонии. Согласно представлениям даосизма, музыка должна была благотворно способствовать слиянию человека с природой. В буддизме подчеркивалось мистическое начало в музыке, помогающее достижению сути бытия, процессу духовного совершенствованию человека. Музыка уделялось достаточно большое внимание и в древних учебных трактатах.

Музыкальная теория традиционного Китая основывалась на учении о системе *ши эр люй* — 12 люй, которая представляет собой хроматический звукоряд из 12 ступеней. 6 четных ступеней представляют собой темное, пассивное, женское начало *инь* 陰, 6 нечетных ступеней воплощают светлое, мужское, активное начало *ян* 陽. Эта система имела и материальное воплощение — набор из 12 трубок, похожих на бамбуковые флейты, закрытых на одном конце и иногда имеющих сбоку небольшую щель для вдувания воздуха (Кобзев, 2009, с.199).

Согласно преданию, 12 *люй* возникли во времена императора Хуан-ди 黃帝, который приказал своему музыкальному министру Лин Луню 伶倫 изготовить бамбуковые флейты. Когда тот взялся за дело, перед ним вдруг появились две божественные птицы — самка и самец фениксы, вместе составляющие воплощенную гармонию Вселенной. Они спели по 6 нот — 6 «иньских» и 6 «янских», находящихся в определенных отношениях. Безусловно, данное предание добавляет символизма и ценности системе 12 *люй*.

По причине особого отношения китайцев к музыке эта система имела общекультурное значение в Поднебесной и рассматривалась как теоретическая основа для социального регулирования и достижения психической гармонии человека. Ее математические закономерности были положены в основание системы мер и весов, учитывались при составлении календарей (Кобзев, 2009, с.199).

Поэтому, неудивительно, что система 12 *люй* занимает четвертую строчку первой же главы «Тысячесловия», которая начинается с процессов мироздания. Музыка посвящено немало строк в данном учебном тексте, что не позволяет усомниться ее важности для китайской культуры.

墨悲絲染，詩讚羔羊。

Мо-цзы плакал над окрашенным шелком, в Шицзине прославляли ягненка.

Во-вторых, нельзя обойти вниманием то, что некоторые сюжеты «Тысячесловия» носят более глубинный характер, чем кажется при первом прочтении. Ярким примером является строфа, уместившая в восьми иероглифах две важные в своей исторической значимости легенды — о Мо-цзы 墨子 (V — нач. IV в. до н.э.) и шелке и упоминание о стихотворении «Ягненок» — «Гаоян» 羔羊 в Шицзине.

История про Мо-цзы и шелк описана в Люйши чуньцю¹. В этой истории говорится, что однажды Мо-цзы увидел, как красят шелк, и сказал со вздохом: «Покрасят в голубой, и станет голубым, покрасят в желтый, и станет желтым! Изменяют цвет раствора, изменится и цвет шелка. Опуская в пять разных красок, получают пять разных цветов. Так что красить нужно не без опаски» (Люйши Чуньцю, 2001, с. 525). Данное высказывание относится не только к окраске шелка, но имеет и более глубинный смысл — в государстве также правители подвластны влиянию своих приближенных (Sturman, 2008).

История о Мо-цзы и шелке относится не только к окраске шелка, но имеет и более глубинный смысл — в государстве также правители подвластны влиянию своих приближенных, и влияние это может оказаться, как негативным, так и позитивным.

Во второй части предложения содержится упоминание о стихотворении «Ягненок», где слово *гаоян* 羔羊, помимо барашка или ягненка, еще означает человека безупречного поведения. В этом произведении в стихотворной форме восхваляется моральная безупречность и искренность чиновников и сравнивается это с чистотой шелка.

Неудивительно, что эти две сюжетные линии выбраны в качестве назиданий будущим поколениям — глубокий смысл истории о Мо-цзы и шелке и стихотворение «Гаоян» носят поучительный характер, а разобраться в этом смогут только самые начитанные и вдумчивые ученики.

游鷗獨運，凌摩絳霄。

Птица Пэн одна улетает высоко в небеса; заоблачные дали наполняются яркими красками.

Бесспорно, что известная всем птица феникс является в своем роде символом Китая, олицетворяя собой воплощенную гармонию Вселенной, однако, в «Тысячесловии» находится место не только фениксу, но также и

¹ Люйши чуньцю 呂氏春秋 «Весны и осени господина Люя» — китайский энциклопедический текст, написанный в эпоху Сражающихся царств в царстве Цинь под патронажем выдающегося политического деятеля Люй Бувэя 呂不韋 (III в. до н.э.).

птице Пэн и ее спутнику рыбе Кунь, которые ввиду своей древности, малоизвестны, но не менее символичны и тесно связаны с даосской традицией.

Пэн 鵬, в древнекитайской мифологии гигантская птица, её спина простирается на несколько тысяч ли, крылья Пэн напоминают нависшие тучи, которыми она, летая, закрывает небо. Впервые птица Пэн упоминается в «Чжуан-цзы», где она летит в загадочную местность Наньмин. Также, согласно представлениям древних комментаторов, птица Пэн происходит от рыбы Кунь 鯤 — огромного существа, которого сравнивают с левиафаном.

Стоит уделить внимание радикал-фонетической составляющей иероглифов *пэн* и *кунь*, в особенности *пэн*. Если *кунь* сочетает в себе рыбий радикал 魚 с фонетическим *кунь* 昆, то *пэн* в древности был вариантным иероглифом для *фэн* (*фэн-хуан* 鳳凰), что также добавляет символизма этой птице. Сам по себе иероглиф *пэн* означает «огромный, могучий; великие свершения, воодушевление», и, возможно, именно поэтому некоторые китайские исследователи, рассматривая использование образа Пэн в даосской традиции, отмечают, что образ птицы Пэн может быть истолкован, как символ свободы и даже как воплощение высшего даосского идеала равенства перспектив.

Птица Пэн также стала достаточно популярной литературной метафорой, к примеру, ее образ встречается в поэме Ли Бо «Ода о птице Пэн» — «*Данэнняо фу*» 大鵬鳥賦, где она символизирует далеко идущие стремления и могучие порывы. Несмотря на то, что птица Пэн принадлежит к древнейшей китайской мифологии, образ ее встречается и в современных идиомах, таких как, например, *пэнчэн ваньли* 鵬程萬里, что означает «наличие большого будущего, блистательные перспективы».

В заключении стоит добавить, что конец «Тысячесловия» необычен и загадочен, и уже второе тысячелетие дает волю для фантазий и раздумий над тем, что имел в виду автор, завершая таким образом классический учебный текст.

謂語助者，焉哉乎也。

То, что называется вспомогательными словами, — это янь, цай, ху, е.

На этой строчке заканчивается знаменитый учебный текст под названием «Тысячесловие». Согласно преданию, Чжоу Синсы, составитель и автор данного текста, написал «Тысячесловие» за одну ночь, в процессе чего его борода и волосы стали седыми. Доподлинно неизвестно, является ли эта легенда правдивой, однако, она указывает на то, что Чжоу Синсы проделал огромный труд. Последняя фраза действительно, если и не загадочна, то

определенно совсем необычна для такого классического текста, от которого в качестве завершающей его концовки можно было бы ожидать классического конфуцианского нравоучения. Последние четыре иероглифа представляют собой служебные слова и форманты древнего книжного языка, поэтому можно предположить, что они были скомпонованы в одну группу ее составителем не случайно. Если верить легенде, то, возможно, Чжоу Синсы таким образом показал, что его гигантский труд, наконец-то, закончен, а все эти вспомогательные частицы как раз используются, как правило, в самом конце предложения. Или же это было зашифрованное послание будущим поколениям, и вспомогательные частицы призваны помогать осваивать молодым людям азы грамматики китайского языка.

«Тысячесловие» содержит в себе знания сразу по нескольким сферам: астрономии, географии, политики, экономики, истории, этике и другим, не менее важным сферам человеческой жизнедеятельности. При этом каждая строчка, состоящая из четырех иероглифов, в сжатой и поэтической форме несет в себе глубокий смысл. Многие моменты были учтены в тексте «Тысячесловие», который являлся и лаконичным сборником основных иероглифов для овладения грамотой, и огромным сводом знаний о природе, человеческих взаимоотношениях и мироустройстве. В заключении стоит добавить, что в силу своей древности текст «Тысячесловия» был освоен культурами и литературами сопредельных государств, таких как Япония и Корея, а также в настоящее время, согласно плану китайского министерства образования от 2014 г., чтение и декларирование «Тысячесловия» входит в программу образования учеников младших классов.

Список литературы:

Кобзев А. И. Музыкальная теория // Духовная культура Китая: энциклопедия в 6 т. (Т. 5. Наука, военная и техническая мысль, здравоохранение и образование. Под ред. М.Л. Титаренко). М., 2009.

Люйши Чуньцю. Весны и осени господина Люя. Пер. Г. А. Ткаченко. М., 2001.

Цяньцзывэнь чюаньвай саньци шилан чжоусинсы цюнь 千字文敕员外散骑侍郎周兴嗣次韵 (Тысяча рифмованных иероглифов, записанных Ван Сичжи). Рукопись (шифр: 3108). Доступно на сайте: Международный Дуньхуанский проект [Электронный ресурс] / URL: <http://idp.orientalstudies.ru> (дата обращения: 26.03.2016).

Sturman N. The Thousand Character Essay. Доступно на сайте: Cambridge Chinese Classics [electronic resource] / URL: <http://www.camcc.org/> (date of address: 26.03.2016).

Лаптева Виктория Юрьевна
студентка 4 курса кафедры филологии Юго-Восточной Азии и Кореи
Восточного факультета СПбГУ¹

Особенности письменности *тыи ном* в поэме «*Bướm hoa tân truyện*»

Тыи ном («южная письменность», chữ nôm, 字喃) — фонографическая письменность, использовавшаяся для записи вьетнамского языка вплоть до начала XX в. Была создана на основе китайской иероглифики (ханьцзы, 汉字) и использовалась параллельно с ней. Создание и развитие письменности *тыи ном* считается крупным достижением традиционной вьетнамской культуры.

Древнейшим найденным образцом письменности считается гравировка на медном колоколе пагоды Ван Бан, датируемая 1076 г. (Леонов, 1996, с. 204). Необходимо, впрочем, отметить, что иероглифы ном на этом колоколе, равно как и на других древнейших памятниках этой письменности, являются лишь вкраплениями в надписях на *тыи хан*. Изначально *тыи ном* использовалась лишь для записи имён собственных и играла, таким образом, вспомогательную роль при использовании письменности *тыи хан*. Таким образом, появившиеся при династии Ли (1009–1225) отдельные знаки, нетрадиционные для классической китайской иероглифики, ещё нельзя считать новой письменностью; тексты, целиком написанные на *тыи ном*, появляются только при династии Чан (1225–1400) (Дао Зуи Ань, 1975, с. 43).

Иероглифы *ном* можно классифицировать следующим образом (Леонов, 1996, с. 211; Handel, 2009, с. 110-113):

1. Заимствованные иероглифы.
 - а. Китайские иероглифы для обозначение ханвьетских слогоморфем.
 - б. Китайские иероглифы для обозначение вьетнамских слогоморфем, фонетически близких к ханвьетскому варианту китайского прочтения.
2. Созданные иероглифы, отсутствующие в китайском языке.
 - а. Иероглифы, составленные путём соединения смысловых элементов (семантиков).
 - б. Иероглифы, составленные путём соединения смыслового и фонетического элемента (фонетика), при этом в роли фонетического элемента может выступать другой иероглиф ном.
 - с. Иероглифы, составленные путём соединения фонетических элементов.

¹ Научный руководитель — ст. преп. Кирилл Сергеевич Ефременко.

Существует так же отдельная категория так называемых усечённых иероглифов — знаков, в которых отсутствует одна или несколько черт.

Рассмотрим в качестве примера небольшой фрагмент из произведения «*Bướm hoa tân truyện*» («Новая история о бабочке и цветке»). Это поэма из 404 строк, написанная на *твь ном*. Она написана стихотворным размером люкбат (вьет. *lục bát*), то есть, чередующимися шести- и восьмисложными строками с определёнными правилами чередования тонов и рифм. Автор этого произведения, как и год его написания, неизвестен. Поэма впервые была издана в 1896 г. и повторно — в 1916 г. В свободном доступе в интернете представлены два варианта этого произведения, между которыми имеются определённые различия. Благодаря этому можно выявить некоторые характерные особенности письменности *твь ном*.

Из электронной библиотеки проекта Vietnamese Nôm Preservation Foundation был взят текст поэмы в том виде, в каком он был издан в 1916 г. Оригинал хранится в Национальной Библиотеке Вьетнама, оцифровка датирована 2008 г. Состояние текста оценивается как плохое; тем не менее, абсолютное большинство иероглифов остались читаемы. Второй вариант текста находится в электронной библиотеке Йельского Университета. Этот текст был переписан и распознан Морисом Дюраном, известным лингвистом французско-вьетнамского происхождения. Можно предположить, что список Мориса Дюрана был сделан с издания 1896 г.

Ниже приведены заголовок и первые три строки произведения, записанные с помощью *твь ном*, с подстрочным переводом на современную письменность *куок нгы* и на русский. Расхождения между двумя вариантами текста заключаются в скобки, причём первым указывается вариант Национальной Библиотеки Вьетнама.

蜚花新傳

Bướm hoa tân truyện

(敢/監)(勸/囑)客於遑菴

Giám khuyên khách ở trên đời

Дам совет про эту жизнь:

啞制朱沛別啞(嚮/輟)麩

Ăn chơi cho phải biết lời trước sau

Живи в своё удовольствие, но знай последствия,

停輕(庫/舖)渚梲霸

Đừng khinh khó chớ cậy giàu

Не презирай сложности и не кичись богатством

Рассмотрим структуру некоторых иероглифов из этого отрывка.

Заголовок: иероглиф 𧈧 (*buóm*, бабочка) составлен из семантика 虫 (кит. *chóng*, насекомое) и фонетика 乏 (*phap*, нехватка, недоставать). Несмотря на кажущееся различие слогов *buóm* и *phap*, мы предполагаем, что элемент 乏 является именно фонетиком, потому что какая-либо семантическая связь со словом «бабочка» явно отсутствует, а фонетический состав разнится не так сильно, как может показаться на первый взгляд. Чередование медиалей *wo* и *a* встречается и в современном вьетнамском языке (например, *đuong* — *đang*), а финали *m* и *p* совпадают по месту образования, и различаются только по признаку сонант-смычный. Данный пример показывает, как анализ иероглифов ном может дать представление об эволюции фонетики вьетнамского языка.

Строка 1: слово *khuyên*, советовать, записывается по-разному в двух вариантах текста. В варианте Йельского Университета использован иероглиф ном 勸, составленный из двух семантиков: 勸 (кит. *quàn*, советовать) и 口 (кит. *kǒu*, рот). В варианте Национальной Библиотеки использован иероглиф из категории усечённых — от иероглифа 勸 оказались отброшены два ключа «рот». Отметим, что этот иероглиф отсутствует во всех доступных нам словарях *твы ном*, а также в базе данных Юникод, что, на наш взгляд, прекрасно иллюстрирует несовершенство существующих баз данных и необходимость дальнейшего изучения *твы ном*.

Строка 1: иероглиф 蓮 (*trên*, на, наверху) составлен из семантика 上 (кит. *shàng*, на, наверху) и фонетика 連 (*liên* или *len*). В средневековом вьетнамском инициаль *tr-* читалась как *bl-*, что объясняет кажущуюся разницу между прочтением иероглифа и его фонетика.

Строка 1: иероглиф 蓑 (*đời*, жизнь) составлен из семантика 世 (кит. *shì*, жизнь, поколение) и фонетика 代 (*dại* или *đời*).

Строка 2: иероглиф 朱 (*cho*, давать, для) — фонетическое заимствование (кит. *zhū*, красный).

Строка 2: иероглиф 啞 (*lời*, слово) составлен из семантика 口 (кит. *kǒu*, рот) и *твы ном* фонетика 𠂇 (*trời*, небо), который, в свою очередь, составлен из двух семантиков: 天 (кит. *tiān*, небо) и 上 (кит. *shàng*, верхний, наверху). Данный пример показывает, что чередование инициалей *tr-* и *l-*, впервые замеченное нами в первой строке на примере иероглифа 蓮 (*trên*, на, наверху), работает и в обратном направлении — фонетик с инициальной *tr-* (*bl-*) используется для записи иероглифа с инициальной *l-*.

Строка 3: иероглиф 𪗇 (*khó*, трудный) составлен из семантика 苦 (кит. *kǔ*, тяжёлый, мучительный) и фонетика 庫 (*kho* или *khó*). Отметим, что в этом случае чтение семантика (*khó* или *khó*) или также очень близко к вьетнамскому чтению иероглифа, что позволяет одновременно отнести этот знак и к категории иероглифов, составленных путём соединения нескольких фонетических элементов. Несмотря на это, в варианте текста из Национальной Библиотеки Вьетнама для обозначения слова *khó* использован именно знак 庫 — то есть, вопреки ожидаемому, отброшенным оказывается элемент, несущий как смысловую, так и фонетическую нагрузку.

Строка 3: иероглиф 渚 (*chó* или *chua*, ещё не) — фонетическое заимствование (кит. *zhǔ*, отмель).

Список литературы

Большой Китайско-Русский Словарь. URL: <http://bkrs.info/>

Леонов К. Ю. Ном в системе некитайской иероглифики Дальнего востока. // Традиционный Вьетнам. Сборник статей. Вып. 2. М., 1996. С. 202–215.

Chữ Nôm Project. URL: <http://www.chunom.org>.

Digital collections of the Vietnamese Nôm Preservation Foundation. – URL: <http://lib.nomfoundation.org/collection/1/volume/4/>.

Đào Duy Anh. Chữ nôm: Nguồn gốc – Cấu tạo – Diễn biến. (Дао Зуи Ань. Тыны ном: возникновение – структура – развитие) / Nhà xuất bản Khoa học Xã hội. Ханой, 1975.

Handel, Zev. Towards a Comparative Study of Sinographic Writing Strategies in Korean, Japanese, and Vietnamese /. Scripta: International Journal of Writings Systems, Volume 1. Seoul, 2009. С. 89–125.

Unihan Database Lookup. URL: <http://www.unicode.org/charts/unihan.html>.

Vietnamese Nôm Preservation Foundation. URL: <http://nomfoundation.org/nom-tools/Nom-Lookup-Tool/Nom-Lookup-Tool>.

Yale University Library Digital Collections. URL: <http://findit.library.yale.edu/bookreader/BookReaderDemo/index.html?oid=10732458#page/1/mode/1up>.

Иезуиты в Шанхае: зло или благо?

О влиянии миссии Сюйцзяхуэй 徐家汇 на культурную жизнь Шанхая

История Китая в период со второй половины XIX в. по середину XX в. отмечена значительными переменами в судьбе и укладе страны. В это время в Китае заметную роль начинают играть иностранные миссии: появление христианских миссионеров, проникновение христианства и связанных с ним социальных институтов в общественную жизнь китайцев стало важным фактором культурного развития Китая. При изучении процессов проникновения христианских институтов в пределы Поднебесной империи деятельность миссии иезуитов представляет особый интерес.

Наивысшего пика активности предприятия миссионеров-иезуитов достигли во второй половине XIX в. Вскоре после заключения Нанкинского договора в 1842 г. миссионеры-иезуиты получили возможность вернуться в Китай и продолжить временно приостановленную деятельность. Поскольку главную базу иезуитов, храм Бэйтан в Пекине, стали обслуживать лазаристы, орден иезуитов в 1847 г. основал новую миссию в восьми километрах к западу от Шанхая в деревне Сюйцзяхуэй 徐家汇. Выбор местонахождения миссии был не случаен. Именно здесь ранее располагалась резиденция одного из «столпов» китайского католицизма Сюй Гуанци² 徐光启 (1562–1633). Названа миссия была в честь населённого пункта.

Миссия Сюйцзяхуэй основывалась как своеобразная база, где миссионеры могли бы выучить китайский язык и подготовиться к предстоящей работе среди местного населения. Однако этой миссии было суждено стать гораздо более ярким явлением в общественной и культурной жизни Шанхая: за период немногим более века (1847–1960) на территории комплекса Сюйцзяхуэй возникли не только жилые постройки и культовые сооружения, но и колледж святого Игнатия (также известен как колледж

¹ Научный руководитель — д. и. н. Борис Григорьевич Доронин.

² Сюй Гуанци — китайский учёный в области сельского хозяйства, переводчик, математик, астроном династии Мин. Сюй Гуанци совместно с католическими миссионерами из монашеского ордена иезуитов Маттео Риччи и Сабатино де Урсис переводил европейские научные труды того времени на китайский язык. Сюй Гуанци принял крещение, после которого взял себе имя Павел и сыграл значительную роль в распространении католицизма в Китае. Сюй Гуанци считается одним из «Трёх столпов китайского католицизма».

Сюйхуэй 徐汇), библиотека, сиротский приют для девочек “Двор Богоматери” Шэнмуюань 圣母院, музей и обсерватория (Чжан Вэй, Чжан Сяои, 2012, с.8). Кроме того, в 1864 г. при миссии был организован сиротский приют Тушаньвань 土山湾, при котором работали мастерские¹, где велась как художественная, так и практическая деятельность.

В целом деятельность миссии Сюйцзяхуэй отличалась большой деликатностью и уважением к местной культуре и местным обычаям, в Сюйцзяхуэй не обращали в христианство насильно. Однако порой в исторических сочинениях, написанных китайскими историками, можно столкнуться с весьма негативной оценкой миссионерской деятельности. Так, в «Сводной истории религий в Китае» («中国宗教通史» Чжунго цзунцзяо тунши, 2003) под авторством китайских учёных Моу Чжунцзяня 牟钟鉴 и Чжан Цзяня 张践 деятельность миссионеров в Китае после 1840 г. характеризуется как «культурная агрессия» (文化侵略 вэньхуа циньлюэ).

Однако автор не согласен с подобной характеристикой и попытается её оспорить, приведя положительные примеры деятельности миссии, результаты реализации которых оказали и продолжают оказывать влияние на культурную жизнь китайского общества. Во-первых, это организация иезуитами колледжа Аврора (Чжэньдань сюэюань 震旦学院) и Фуданьской публичной школы (Фудань гунсюэ 复旦公学). Человеком, стоявшим у истоков этих двух учебных заведений, был Ма Сянбо 马相伯. Ма Сянбо — выпускник колледжа святого Игнатия, после окончания учебного заведения он некоторое время работал преподавателем, а затем принял решение вступить в монашеский орден иезуитов. Почти через 20 лет после рукоположения в сан священника, в 1887–1888 гг., Ма Сянбо посетил Францию для изучения европейской системы образования. После возвращения из Европы он стал заниматься формированием высшего образования в Китае, и результатом этого стало основание двух учебных заведений: колледжа Аврора (Чжэньдань сюэюань 震旦学院) в 1903 г. и Фуданьской публичной школы (Фудань гунсюэ 复旦公学) в 1905 г. Уже в 1917 г. Фуданьская публичная школа стала частным университетом, а в 1952 г., колледж Аврора стал составной частью Фуданьского университета.

Вторым ярким примером положительной деятельности миссионеров является библиотека Сюйцзяхуэй, которая была основана отцами-иезуитами в

¹ Мастерские *Тушаньвань*: по обработке ценных пород дерева, обувная мастерская, скобяная мастерская («мастерская пяти металлов»), фотомастерская, художественная мастерская и школа искусств, а также типография (печатная мастерская).

1847 г. Библиотека стала колоссальным собранием периодических и непериодических изданий на китайском и зарубежных языках, количество единиц хранения составляло 200 тысяч томов. Изначально пользоваться библиотекой могли только отцы-иезуиты, но в двадцатых годах XX в. правила были смягчены, и читателями библиотеки могли стать и не католики, что оказало значительное положительное влияние на, к примеру, изучение китайской журналистики. Именно обращение к фондам библиотеки Сюйцзяхуэй позволило китайскому исследователю, журналисту и теоретику журналистики Гэ Гунчжэню 戈公振 написать свой монументальный труд «История журналистики в Китае» («中国报学史» Чжунго баосюэши), который пользуется популярностью и переиздается и по сей день (King, 1997, с. 461).

Наконец, в Сюйцзяхуэй на очень высоком уровне было поставлено обучение искусству масляной живописи. Выпускники школы искусств Сюйцзяхуэй, были признаны выдающимися не только на родине, но и за рубежом. Одним из них был художник Чжан Чунжэнь 张充仁. Он родился в 1905 г. и лишился родителей в раннем возрасте, поэтому воспитывался будущий художник в стенах сиротского приюта Тушаньвань. Там он изучил французский язык, а также прошёл курс обучения в Школе Искусств Тушаньвань. Благодаря содействию Ма Сянбо Чжан Чунжэнь смог стать студентом Королевской Академии изящных искусств в Брюсселе. Обучение в Академии он начал в 1931 г. (Сун Хаоцзе, 2010, с. 170). Во время обучения ему удалось завязать дружбу с Жоржем Проспером Реми (более известным как Эрже), художником-самоучкой и автором популярной и по сей день серии комиксов «Приключения Тинтина». Весьма примечателен тот факт, что ранние работы Эрже отличаются определенной стереотипностью взглядов, отсутствием политкорректности, его взгляд на образ жителей неевропейского мира был, по мнению некоторых критиков, почти расистским. Однако после знакомства с Чжаном Чунжэнем Эрже пересмотрел свои взгляды. Рассказы Чжана оказали большое влияние на Эрже, и с этого момента он начинает стремиться к максимальной достоверности своих работ. Первой работой, созданной Эрже под влиянием Чжана Чунжэня, стал комикс «Голубой лотос» (1936). Однако уже в 1935 г. Чжан Чунжэнь завершил курс обучения и был вынужден вернуться в Китай. По возвращении он провёл несколько персональных выставок и открыл мастерскую. О деятельности художника и скульптора в годы антияпонской борьбы и первые годы КНР известно мало. В годы культурной революции господин Чжан был вынужден трудиться в качестве дворника. Однако с началом проведения Политики реформ и открытости как художественные круги, так и общественность в целом

вспомнили о таком замечательном мастере. Чжан Чунжэнь был назначен главой Академии изящных искусств Шанхая. Известно, что художник выполнил несколько портретов и бюстов таких важных политических деятелей, как президент Франции Франсуа Миттеран и руководитель Китая Дэн Сяопин¹ (Сун Хаоцзе, 2010, с. 177).

Исходя из вышеуказанного, говорить о проведении миссионерами-иезуитами политики культурной агрессии не представляется возможным, ведь, во-первых, институты миссии Сюйцзяхуэй смогли взрастить несколько поколений китайских интеллектуалов. Одной из наиболее ярких фигур был Ма Сянбо, человек, горевший желанием и решимостью реформировать систему образования в Китае. Именно благодаря деятельности Ма Сянбо Шанхай впоследствии смог стать одним из крупных образовательных центров Китая, поскольку и ныне Фуданьский университет является одним из самых престижных университетов не только Китая, но и мира². Во-вторых, богатый, бережно собранный отцами-иезуитами фонд библиотеки Сюйцзяхуэй и невероятно преданное отношение персонала к коллекции в годы культурной революции позволили ей и по сей день оставаться источником не только по истории христианства в Китае, но и по истории китайского общества и истории Шанхая. В-третьих, бывшие воспитанники детского приюта миссии Сюйцзяхуэй (в особенности Чжан Чунжэнь) внесли серьёзный вклад в формирование китайской школы масляной живописи и академической скульптуры. В более глобальном смысле можно сказать, что, консультируя художника Эрже, Чжан Чунжэнь довольно сильно повлиял на формирование нового, более положительного, имиджа Китая в Европе и мире.

Автор убежден, что вышеуказанные примеры деятельности миссии являются лучшим доказательством её положительного и вместе с тем продолжительного влияния на культурную жизнь китайского общества в целом и шанхайского общества в частности.

Список источников и литературы

Этническая история китайцев в XIX — начале XX века / М.В. Крюков, В.В. Малявин, М.В. Софронов, Н.Н. Чебоксаров. М., 1993.

¹ Более того, художник не просто выполнил эти работы, но также имел возможность встретиться с важными политическими фигурами, поскольку они лично позировали художнику.

² 51-е место в мире по версии QS World University Rankings и 16 место среди университетов Азии согласно рейтингам за 2015–2016 гг.

Cynthia Joanne Brokaw; Christopher A Reed. From woodblocks to the Internet: Chinese publishing and print culture in transition, circa 1800 to 2008, Leiden; Boston : Brill, 2010.

Gail King .The Xujiahui (Zikawei) Library of Shanghai/ Libraries & Culture, Vol. 32, No. 4 (Fall, 1997), University of Texas Press, pp. 456-469.

Моу Чжунцзянь, Чжан Цзянь. 牟钟鉴, 张践. Чжунго цзунцзяо тунши 中国宗教通史 (Сводная история религий в Китае). Пекин, 2003.

Сун Хаоцзе 宋浩杰. Тушаньвань цзии 土山湾记 (Воспоминания о Тушаньвань). Шанхай, 2010.

Чжан Вэй, Чжан Сяои. 张伟, 张晓依. Яован Тушаньвань: чжисюнь сяошидэ вэньмо. 遥望土山湾: 追寻消逝的文脉 (Наблюдая за Тушаньвань: поиски ускользающего). Шанхай, 2012.

Ши Шивэй 史式微. Тушаньвань гуэрюань лиши юй сяньчжуан 土山湾孤儿院历史与现状 (Сиротский приют Тушаньвань: история и современное состояние). Перевод на китайский язык сочинения французского миссионера-иезуита Жозефа да ла Сервьере: Joseph de la Servière. L'orphelinat de T'ou-Sè-Wè, 1864-1914: son histoire, son état présent Шанхай, 1914 год. [Электронный ресурс] Текст доступен в формате PDF на сайте <https://www.academia.edu> (дата обращения 09.04.2015).

Левченко Игорь Иванович
студент 4 курса кафедры японоведения
Восточного факультета СПбГУ¹

Трактат Чжи-и «Мохэ чжигуань» (VI в.) в Японии

Распространение буддизма в Восточной Азии происходило на протяжении нескольких столетий. Этот процесс имел несколько специфических черт: так, в Китае и Японии распространение получили в первую очередь идеи Махаяны. Эти идеи развивались на основе священных писаний, привезённых из Индии, и индийской экзегетики. При этом довольно рано в Китае появились не только переводы, но и комментарии к каноническим текстам, а также собственные сочинения, которые не имели прямых прототипов в индийской традиции, но, тем не менее, приобретали статус канонических.

Такая манифестация новой религии в процессе её приспособления под специфическое мировидение, сформированное цивилизацией, имеющей весьма длинную и богатую историю, стала уникальным опытом для индийских философско-религиозных учений. Методы распространения буддизма в Центральной Азии не могли быть полностью применены к китайской цивилизации, которая по уровню развития не уступала индийской. Для обстоятельного перевода на китайский язык буддийских сочинений потребовались значительные интеллектуальные усилия. Ограничимся лишь именами китайского проповедника Даоаня 道安 (312–385) и религиозного деятеля Кумараживы (350–409) (Hurvitz, p. 56–70). Именно перевод «Сутры Цветка Лотоса Чудесной Дхармы» становится наиболее авторитетным для школ китайского (и японского) буддизма (Игнатович, 1988, с. 175).

Предметом рассмотрения настоящей публикации является содержание философского трактата «Мохэ чжигуань» 摩訶止觀 («Великое прекращение [неведения] и постижение [сути]») монаха Чжи-и 智顗 (посмертно именовался Тяньтай чжичжэ даши 天台智者大師) (538–597) и влияние высказанных в нём идей на средневековую культуру Японии. Японская школа Тэндай, продолжательница созданной Чжи-и (формально он носил титул третьего патриарха) школы Тяньтай, играла значительную роль в истории Японии на протяжении нескольких веков (Игнатович, 1998, с. 107–108).

¹ Научный руководитель — к. и. н. Василий Владимирович Щепкин.

Чжи-и приписывают целый ряд работ, три из которых — «Мохэ чжигуань» 摩訶止觀, «Мяофа лянхуа цзин сюань» 妙法蓮華經玄義 («Сокровенный смысл Сутры о цветке Лотоса Чудесной Дхармы»), «Мяофа лянхуа цзин вэньцзюй» 妙法蓮華經文句 («Изящные фразы Сутры о цветке Лотоса Чудесной Дхармы») — являются столпами учения школы и главными сочинениями её первого наставника. Известно, что по большей части устную проповедь Чжи-и записывал его ученик и впоследствии преемник на посту патриарха Гуаньдин 灌頂 (561–632) (Hurvitz, P. 177–182).

Вскоре после её основания в Японии монахом Сайтё 最澄 (767–822) в начале IX в. и до уничтожения её центра, монастыря Энряку-дзи 延曆寺 на горе Хиэй, в конце XVI в. школа Тэндай играла роль «вселенской церкви» в Японии и аккумулировала в своих руках значительный интеллектуальный и политический капитал, являясь крупным землевладельцем. Стоит отметить, что японская школа концентрировалась не только на наследии Чжи-и, но приспособливала свою доктрину к потребностям японского общества, вобрала в себя элементы амидаизма, развивала идеи, так называемой, «исконной просветлённости», питала особый интерес к эзотерическому ритуалу. Последнее обстоятельство послужило почвой для разносторонней полемики между школами Тэндай и Сингон 真言.

Значительная часть сочинения Чжи-и посвящена практике самадхи и скрупулёзному описанию продолжительных и физически утомительных практик сосредоточения, некоторые из которых продолжались до девяноста дней. Монашество Тэндай в Японии с течением времени отступило от подобной изнуряющей практики. П. Гронер отмечает, что уже во времена патриарха Рёгэн (912–985) сосредоточение-самадхи в сидячем положении (самый продолжительный вид практики) проводилось в половину описанного Чжи-и девяностодневного срока (Groner, p. 70–78).

Отдельного рассмотрения (хотя и за рамками данной статьи) заслуживает также вопрос восприятия сочинения Чжи-и монахом Нитирэн 日蓮 (1222–1282), принявшим постриг по ритуалу Тэндай, но впоследствии основавшим собственную школу.

За пределами собственно буддийского духовенства трактат также имел хождение. К цитированию трактата Чжи-и прибегает в своём сочинении поэт и теоретик японской поэзии Фудзивара Тосинари (Сюндзэй) 藤原俊成 (1114–1204) в своём труде о «японской песне» «Корай фүтэй сё» 古来風躰抄 («Записки о стилях, пришедших из древности»). Это сочинение вобрало в себя те идеи, которыми поэт руководствовался на протяжении своей творческой

карьеру. В первом цзюане своей работы Сюдзэй отмечает, что бережная передача Закона Будды от учителя к ученику¹ достойна глубокого уважения. Для подтверждения собственных воззрений на японскую поэзию он приводит примеры поэтических антологий прошлого, которые являются вещественным свидетельством передачи традиции японского стиха. Далее в этом пассаже поэт обращается к авторитету «Сутры о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы» и «Сутре созерцания деяний и дхармы бодхисаттвы Самантабхадры» (яп. *Кан Фугэн босацу гэхō кэ* 觀普賢菩薩行法經). Главным аргументом Сюдзэй становится положение о недвойственности сансары и нирваны (букв. «клеша есть то же, что и бодхи»), это позволяет ему отбросить пренебрежительный эпитет «мимолётные слова и цветистые фразы» (яп. *фугэн кигё* 浮言綺語) как нелегитимный. По мысли Сюдзэй, японская поэзия не отвлекает мысли от учения Будды своими искусными образами, наоборот, она раскрывает «глубинную суть» вещей и является «обрамлением» буддийского учения. Он заключает пассаж тем, что уподобляет природу японской поэзии «трём истинам²» (Фудзивара, с. 250–251).

В целом история распространения и бытования текста сочинения Чжи-и «Мохэ чжигуань» (даже в столь грубом приближении) представляет собой особый пласт истории Японии, её духовной жизни и тех идей, которые проникали в страну с континента.

Список литературы:

Игнатович А. И. Буддизм в Японии: Очерк ранней истории. М.: Наука–Главная редакция восточной литературы, 1988.

Игнатович А. И. Буддийская философия периода Хэйан // Буддийская философия в средневековой Японии. М.: Янус-К, 1998. С. 96–195.

Торчинов Е. А. Введение в буддологию. Курс лекций. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000.

Фудзивара Сюдзэй 藤原俊成. Корай фүтэй сё 古来風躰抄 («Записки о стилях, пришедших из древности») // Каронсё 歌論集 («Сборник поэтологических сочинений»). Токио: Сё:гакукан 小学館, 2002. С. 247–446 (Нихон котэн бунгаку дзэнсё 87 新編日本古典文学全集 87 (Серия: «Новое издание полного собрания японской классической литературы»));

¹ Примером здесь служила линия «Шакьямуни — Махакашьяпа — Ананда — ... — Чжи-и». Всего, ссылаясь на «Мохэ чжигуань», Сюдзэй называет общее число в 23 наставника.

² «Три истины» (яп. сандай 三諦) — это одна из оригинальных категорий, введённых Чжи-и, через которую он в собственной манере осмыслил, в частности, положения шуньявады

Chen Jinhua *Crossfire: Shingon–Tendai Stirfe as Seen in Two Twelfth-century Polemics, with Special References to Their Background in Tang China*. Tokyo: The International Institute for Buddhist Studies of the International College for Postgraduate Buddhist Studies, 2010 (*Studia Philologica Buddhica*; Vol. XXV).

Groner Paul. *Ryōgen and Mount Hiei Japanese Tendai in the tenth century*. Honolulu: University of Hawai‘i Press, 2002 (*Studies in East Asian Buddhism* 15).

Hurvitz, Leon. *Chih-I (538–597): An Introduction to the Life and Ideas of a Chinese Buddhist Monk // L’Institut Belge des Hautes Études Chinoises*. Bruxelles: Julliet, 1962 (*Mélanges chinois et bouddhiques*; Vol. 12e).

*Лобов Роман Николаевич
аспирант Центра корейских исследований
Института Дальнего Востока РАН¹*

Газета «Тонъя ильбо» как источник по истории взаимоотношений между Республикой Корея и Японией в 1951–1953 гг.

Газета «Тонъя ильбо» (кор. *동아일보*; 東亞日報) является одной из влиятельных и старейших южнокорейских общественно-политических газет, ее издание началось еще в колониальный период и продолжается до сих пор. Публикуемые в газете статьи и материалы представляют собой своеобразное отражение современного внутривластного консенсуса в стране и неизбежно несут на себе отпечаток исторической эпохи. В силу особенностей политической системы Республики Корея (РК), где партийные структуры обладают известной неустойчивостью, общественно-политические издания являются, помимо источника актуальной информации, еще и своеобразным «коллективным агитатором и организатором».

Говоря о политической жизни в современной Корее, следует помнить о том, что, как и в практически всех других странах Дальнего Востока, в корейском обществе велико влияние националистических идей, которые, по существу, выступают одним из несущих стержней правящей политической идеологии. При этом, националистические воззрения и мифы в РК, по большому счету, базируются на двух составляющих: фатальная роль внешних сил, в первую очередь — Японии (что подчеркивается постоянно), на развитие страны и осознании необходимости построения сильного государства.

Причем в послевоенной Корее антияпонские настроения были достаточно сильны — наследие колониального правления, которое было зачастую жестким и даже жестоким, сказывалось на состоянии умов. Президент РК Ли Сынман, руководивший страной в 1948–1960 гг., придерживался довольно последовательного антияпонского внешнеполитического курса. Кроме того, необходимо помнить, что сформировавшийся общественно-политический консенсус в стране был националистическим и антияпонским по духу, что сказывалось и на состоянии контактов с Японией.

Главной и первоочередной задачей на данном этапе становилось, таким образом, содействие переговорному процессу между двумя странами. Но

¹ Научный руководитель — к. и. н. Константин Валерианович Асмолов.

возникает вопрос: каким образом возможно усадить за стол переговоров стороны, чьи позиции не просто малосовместимы, но и являются противоречащими по своей сути?

Вероятно, к началу 1950-х гг. складываются необходимые предпосылки для форсирования диалога между Сеулом и Токио. В первую очередь, конечно, речь идет об изменении баланса сил в Восточной Азии вследствие победы коммунистов в Гражданской войне в Китае. Как известно, США делали ставку на гоминьдановский Китай, видя в нем своего ключевого стратегического союзника в регионе. Однако, с провозглашением Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г., ситуация кардинально изменилась. Важнейшими союзниками Вашингтона в регионе становятся Республика Корея и Япония, и вполне естественно, что в интересах американской дипломатии была и скорейшая нормализация отношений между двумя странами.

Действительно, в налаживании переговорного процесса между Сеулом и Токио есть и немалая заслуга американской дипломатии: в октябре 1951 г., именно при активном содействии дипломатической секции Верховного командования союзнических сил в Японии, стартовала длительная переговорная эпопея, длившаяся (со значительными перерывами) в течение четырнадцати лет. Именно на период с октября 1951 г. по октябрь 1953 г. приходится первый блок переговоров, состоявший из предварительного этапа (в октябре-декабре 1951 г.), 1-го раунда (с февраля по апрель 1952 г.), 2-го раунда (апрель-июль 1953 г.), 3-го раунда (октябрь 1953 г.) (Хан-Иль хведам, эл. Ресурс). Примечательно, что в данном блоке только предварительный этап переговоров завершился без каких-либо скандалов и потрясений. Все три основных раунда переговоров завершились крайним недовольством с южнокорейской стороны — в одном случае, не договорились по поводу позиции о возвращении японской собственности в Корею; в другом — по поводу рыболовных соглашений, в третьем — и вовсе после заявления Кубота Канитиро, одним из руководителей японской делегации, которое сводилось к тому, что японское колониальное господство принесло Корею лишь выгоды (Korea-Japan treaty, эл. ресурс). Результат оказался предсказуем — переговорный процесс оказался приостановлен на четыре года, двусторонние отношения были заморожены.

И на этом историческом фоне, в условиях таких идеологических и политических ограничений (и, откровенно говоря, некоторой тенденциозности, которая и была, и остается присущей южнокорейским СМИ всякий раз, когда те затрагивают темы, связанные с Японией), и осуществлялся выпуск газеты «Тонъя ильбо».

На сегодняшний день существует несколько основных групп источников для изучения истории корейско-японских отношений в период с 1951 по 1965 гг. вообще, и в очерченный темой период — в частности. Конечно, первую группу источников составляют дипломатические акты и дипломатическая переписка. Во второй группе находятся периодические издания — ключевые общественно-политические газеты страны, в частности — «Тонъя ильбо».

Характеризуя газету «Тонъя ильбо» как источник по истории корейско-японских отношений в указанный промежуток времени, следует указать на некоторые немаловажные моменты. Во-первых, при условии, что тема Японии вообще, южнокорейско-японских отношений вообще, и переговорного процесса, в частности, является достаточно значимой в силу целого ряда веских причин, количество публикаций, непосредственно посвященных данным темам, будет велико. И действительно, если мы обратим внимание на статистику упоминаний за три года (с поправкой на то, что упоминания «корейско-японских переговоров» в «Тонъя ильбо» начинается с октября 1951 г.), то увидим, что за 1951 г. — 36 упоминаний, за 1952 г. — 86, за 1953 г. — 113 упоминаний. Обращает на себя внимание то, что в газете появлялась короткая информационная заметка, зачастую — на первой полосе, что свидетельствует, либо о том, что это был аналитический материал, либо редакционный комментарий на «горячую тему», связанный с переговорным процессом, благо поводов была масса. К слову, количество публикаций по данной теме резко увеличивалось в дни, когда происходило нечто, что выходило за рамки обыкновенной рутины на переговорах, например — скандалы, связанные с реакцией южнокорейской стороны на требования и предложения Японии. Помимо всего прочего, в таких публикациях констатировалось, что «Япония отказывается соблюдать свои обязательства», появлялись апелляции к «агрессивному прошлому Японии», да и вообще замечалось, что японские претензии являются беспочвенными, безосновательными.

Таким образом, материалы газеты «Тонъя ильбо» важны в качестве своеобразной хроники текущих событий, поскольку информация о сколь-нибудь важных политических событиях неизбежно появляется на страницах ведущих общественно-политических СМИ. Тем самым, появляется дополнительная возможность верификации информации, полученной в результате анализа дипломатических документов, аналитических материалов, воспоминаний и мемуаров непосредственных участников событий. Интересно, что южнокорейские газеты довольно мало пишут о событиях за рубежом — считается, что корейский обыватель просто не имеет высокого интереса к

зарубежным событиям. В основном, материалы и южнокорейских газет вообще, и «Тонъя ильбо» — в частности, посвящены описанию внутренних событий.

Надо отдать должное: газета «Тонъя ильбо» довольно оперативно и в подробностях освещала ситуацию вокруг переговоров между Республикой Корея и Японией, и, уже в силу этого, является ценным источником, на который вполне возможно опираться при верификации тех или иных данных, для более полного раскрытия тех или иных сюжетов. Публикации газеты отражают умонастроения правой корейской образованной публики, которая непосредственно оказывала влияние на принятие внешнеполитических решений. Хотя, конечно же, говорить о какой-либо серьезной дискуссии по этому вопросу на страницах газеты, принадлежащей к правонационалистическому мейнстриму, было бы преждевременно. И в этом смысле необходимо быть крайне осторожным в восприятии материалов газеты, ибо оценки, которые давались тем или иным событиям, являются, в известной мере, довольно тенденциозными.

Список литературы:

Хан-Иль хведам кэё мит чуё нэён 한일회담 개요 및 주요내용(Краткие тезисы и основное содержание переговоров между РК и Японией). URL: <http://jpn-tokyo.mofa.go.kr/webmodule/htsboard/template/read/korboardread.jsp?typeID=15&boardid=8435&seqno=585782> (Дата обращения: 20.03.2016)

Korea-Japan Treaty, Breakthrough for Nation Building (Корейско-японский договор — прорыв в национальном строительстве). URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/biz/2016/02/291_62653.html (Дата обращения: 20.03.2016)

Японская Красная Армия: источники формирования и влияние на антитеррористическую политику Японии во 2-й пол. XX в.

Послевоенные годы в Японии отмечены значительным интересом молодежи Японии к марксистским учениям. К концу 1945 г. смогли вернуться в университеты Токио и Киото уволенные до 1945 г. за левые взгляды профессора. Прогрессивно настроенные студенты Токийского университета организовали 27 октября 1945 г. Общество изучения социальных наук. Вслед за этим и в других университетах страны стали появляться такие общества, в которых изучалось марксистско-ленинское учение (Лим, 2013, с. 58).

Началось всё с Всеяпонской Ассоциации Студенческого Самоуправления (сокр. яп. Дзэнгакурэн 全学連, далее — Дзэнгакурэн). Создавалась она в 1948 г. по распоряжению генерала Макартура и должна была стать основой для развития демократических идей в университетах (Щербаков, 2013, с. 284). В итоге Ассоциацию возглавили леворадикальные элементы. Студенческие группировки приняли участие в работе Японского съезда новых левых в 1957 г., и решили организовать первую марксистскую Японскую Революционную коммунистическую лигу, внутри которой возникли острые разногласия относительно проблемы политического или прямого действия.

Конфликты с профсоюзами, проблемы с Дзэнгакурэн, а также смена приоритетов в политике США вылились в мощные антикоммунистические репрессии, охватившие все общество (О'Рурк, 2010).

Консервативная Либерально-демократическая партия (ЛДП) стремилась сохранить свои позиции путем подавления демократического движения студенчества. Лидеры ЛДП осознали, что невозможно обратить в свою веру студенческую молодежь, впитавшую прогрессивные идеи в стенах университетов и имевшую традиции демократических выступлений. Поэтому целью ЛДП было расколоть ряды студентов, подтолкнуть их на путь экстремизма, ослабить влияние на них демократических организаций и рабочих партий, дезориентировать общественное мнение о молодежи вузов, направить их выступления на неопасный для монополистической буржуазии путь. ЛДП, имея на вооружении весь государственный аппарат принуждения и насилия, а также средства массовой информации, проводила свою работу

¹ Научный руководитель — к. и. н. Василий Владимирович Щепкин.

среди студентов, применяя как законодательные меры, так и идеологические, представлявшие собой комплекс действий против «прогрессивной» молодежи, при этом широко использовались печать, радио и телевидение. Небезуспешно ЛДП использовала левацкие и правые студенческие организации для раскола, террора и ослабления студенческих союзов.

В 1962 г. кабинет Икэда объявил о начале проведения политики «хитодзукури» — комплекса экономического, идеологического и политического воздействия на молодое поколение. В своей программе ЛДП стремилась «настроить молодежь на консервативный лад, превратив молодое поколение из противников правительства в его сторонников, и обеспечить рост технической квалификации выпускников начальной и средней школ, с тем чтобы удовлетворить острую потребность японских монополий в молодых и технически грамотных кадрах» (Лим, 2013, с. 59–60).

Когда в 1960 г. встал вопрос об изменениях условий Договора о взаимном сотрудничестве и безопасности, Дзэнгакурэн, собрав свыше тысячи демонстрантов, вступила в пределы аэродрома Ханэда и находилась там в ожидании прибытия правительственной делегации, дабы воспрепятствовать ей отправиться в США. В подавлении участвовало около 12 тысяч полицейских.

Кульминационным моментом борьбы против «договора безопасности» стали события, произошедшие в Токио 15 июня 1960 г. В этот день, когда президент США Эйзенхауэр прибыл на остров Окинава, чтобы затем совершить кратковременный перелет в Токио, в Японии началась политическая забастовка. В забастовке участвовали свыше 100 отраслевых профсоюзных объединений во главе с Генеральным советом профсоюзов. В общей сложности работу прекратили 5800 тыс. чел. На такой уровень движение масс в Японии еще не поднималось никогда прежде. В тот день в столице начались демонстрации на центральных улицах. Среди демонстрантов преобладали студенты под руководством радикально настроенных лидеров Дзэнгакурэн. В ходе рукопашного сражения с полицией и ультраправыми организациями одна студентка, Камба Митико, была убита, а сотни других получили ранения и травмы разной степени тяжести (Латышев, 2001).

Студенчество становилось явно враждебной, активной, большой и неуправляемой силой. Лидеры ЛДП признают, что с 1960 по 1968 гг., т. е. в течение восьми лет, число «бунтующих» студентов увеличилось с 700 тыс. до 1,5 млн человек. Власти ввели «Временные меры в системе управления университетами», объясняя, что университеты создают опасность для

общественного спокойствия, являются местом насильственной политической борьбы (Лим, 2013, с. 60).

После подавления студенческих волнений из Дзэнгакурэн выделилась наиболее радикальная группа студентов под руководством Такая Сиоми. В середине 1969 г. группа оформилась в организацию «Фракция красной армии» (яп. Сэкигунха 赤軍派). Новая организация взяла себе за образец революционные партизанские армии, действовавшие в свое время в России, на Кубе и в Китае. Целью была провозглашена мировая революция. Были претворены в жизнь планы операций:

1) Экспроприации. Для того, чтобы организация могла вести подпольную боевую работу, требовался финансовый базис, поэтому «Сэкигун» начала с экспроприаций банков, почт, контор, отдельных инкассаторов. Дело это было новое, опасное, новички постоянно совершали ошибки — более полусотни бойцов «Сэкигун» было арестовано полицией. На экспроприациях попался и основатель организации Такая Сиоми.

2) Создание баз организации за границей, что позволило ей впоследствии перенести свою деятельность на Ближний Восток. Это направление возглавила Сигэнобу Фусако. Она отбыла в Ливан, где создала «интернациональное» отделение в содействии с Народным фронтом освобождения Палестины, а также с правительством Сирии.

3) Операция «Ф», названная так в честь птички Феникс, изображённой на эмблеме японских авиалиний.

31 марта авиалайнер «Ёдо», совершавший внутренний рейс по линии Токио — Фукуока, был захвачен девятью молодыми людьми с автоматами Калашникова и самурайскими мечами. Командир отряда Такэо Такамото объявил, что самолет захвачен и летит в Пхеньян. Экипаж попытался обмануть бойцов «Красной армии» и сперва посадил самолет в Сеуле, но был уличен во лжи. «Красная армия» же проявила гуманизм и освободила всех пассажиров. 4 апреля самолет прибыл в Пхеньян и стал подарком корейскому народу к 15 апреля — Дню рождения Ким Ир Сена (Мацуяма).

В том же 1969 г. в Иокогаме был создан Совет совместной борьбы против «Договора безопасности», который возглавила 27-летняя Хироко Нагата. В организацию вошло 13 человек, преимущественно студенты, ориентировавшиеся на маоизм. Группа Нагата также провозгласила курс на вооруженную партизанскую борьбу и в том же году ее активисты забросали «коктейлями Молотова» территории посольств США и СССР. Позже они провели несколько экспроприаций крупных банков и оружейных магазинов.

Вскоре деятельность группы маоистов переплелась с деятельностью «Сэкигунха». Это произошло осенью 1971 г., когда, спасаясь от

преследований полиции, активисты обеих организаций укрылись в труднодоступном горном районе префектур Нагано и Гумма. Там, произошло объединение двух организаций в одну, получившую название «Объединенная Красная Армия» (яп. Рэнго: сэкигун 連合赤軍) (Полонский, 2014).

Учения совмещались с внутренней чисткой объединённой организации и кампанией взаимной критики и самокритики. В результате учений в префектуре Гумма, 14 членов организации, которых сочли недостаточно преданными делу революции и борьбы с империализмом, были казнены.

Здесь проявилась национальная особенность организации, бойцы «Рэнгосэкигун» придерживались самурайского кодекса чести, хотя и служили идее мировой революции.

В феврале 1972 г. партизанские базы были обнаружены полицией. Группа из пяти человек смогла уйти от погони и выйти к пансионатам на горе Осама-Сансо. Они проникли в один из отелей, захватив в заложники супругу управителя. Через 9 дней, полиции удалось арестовать всех пятерых боевиков Сэкигун и освободить заложницу. Японское отделение было практически разгромлено (Мацуяма).

Тогда проявило себя международное отделение «Рэнгосэкигун». 30 мая 1972 г. по указанию руководства Народного фронта освобождения Палестины в аэропорту Лод (Израиль) три боевика «Красной армии Японии», совершили теракт, известный как «Бойня в аэропорту Лод». Они миновали паспортный контроль и получив свой багаж, достали автоматы Калашникова, гранаты и открыли огонь по людям в пассажирском терминале. Погибло 26 и было ранено 78 человек (1967-1993: Major Terror Attacks).

Международная организация «Рэнгосэкигун» провела следующие террористические акты: 1974, январь — диверсия против завода «Шелл» в Сингапуре; 1974, сентябрь — захват французского посольства в Гааге; 1975, август — захват заложников в посольстве США в Куала-Лумпуре; 1977, сентябрь-октябрь — захваченные в Бомбее на борту самолёта 159 заложников обменяны на шесть арестованных в Японии террористов и 6 миллионов долларов; 1986, 14 мая — обстрел из миномётов японского, канадского и американского посольств в Джакарте; 1988, 14 апреля — взрыв в американском Доме офицеров (Неаполь), в результате которого погибли 5 человек (Movements of the Japanese Red Army and the "Yodo-go" Group).

По данным Интерпола, структура «Сэкигун» с середины 1980-х гг. была такой: штаб-квартира и информационный центр расположены в Бейруте, тренировочные лагеря в долине Бекаа (Ливан), центр, планирующий операции, — в Париже, наиболее известные боевики жили нелегально по сфабрикованным документам в разных странах Европы.

1996 год стал годом возрождения «Сэкигун» и знаменовал собой переход к новой тактике. Теперь они начинают действовать в тесном союзе с силами марксистско-ленинских партизанских движений, ведущих вооружённую борьбу в сельских районах стран Третьего мира (Мацуяма).

В 2000 г. в Осаке была арестована Сигэнобу Фусако, которая прибыла в Японию и под видом мужчины остановилась в гостинице небольшого городка Такацуки (Иванов, 2000, с. 10). В апреле 2001 г. она распустила остатки Красной армии. В 2006 г. осуждена на 20 лет (Верховный суд в 2010 г. подтвердил приговор) (Никкан супо:цу, 2006).

По данным отчета Национального Полицейского Агентства Японии за 2000 г., Япония показала боязнь перед фактом угрозы со стороны международного терроризма. «С целью противостояния терроризму японская полиция принимает всесторонние меры отражения возможной угрозы, а именно: направляет своих офицеров в другие страны для обмена информацией с коллегами и властями, чтобы лучше ознакомиться с деятельностью международных террористических организаций, включая Японскую Красную Армию; в апреле 1996 г. в пяти префектурных полицейских участках были созданы спецотряды особого назначения наподобие ранее созданных в полицейском муниципальном департаменте в Токио, в полицейском префектурном штабе в Осака. Эти отряды полиции особого назначения проводят интенсивные практические тренировки по обезвреживанию угонщиков самолетов при освобождении заложников и других экстренных происшествиях; в апреле 1998 г. была создана спецкоманда по борьбе с терроризмом при национальном политическом агентстве. В экстренных случаях эта команда быстро прибывает на место происшествия, производит сбор информации, оказывает помощь местным властям при проведении расследования. Полиция также укрепляет связи по сбору информации и расследованию терактов.

К 2000 г. японская полиция, имея достаточный опыт, в противоборстве экстремизму, сумела выстроить четкую систему пресечения экстремисткой деятельности на территории своей страны. Имеющиеся радикальные группировки находятся под контролем и периодически используются правительством для своих целей, как-то подогревание общественного интереса к разным вопросам выгодным правительству (Полиция Японии, 2000).

Список источников и литературы

Иванов А. Красной армии конец. Японская полиция арестовала ее командира // «Коммерсант», № 210 от 9.11.2000 г. С. 10.

Латышев И. Япония, японцы и японоведы. М.: Алгоритм, 2001.

Лим С. Ч. Деятельность политических партий Японии среди студенческой молодёжи 1945–1960-х гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, №5, 2013. С. 58–60.

Мацуяма Мацуро. Рэнго Сэкигун — Красная Армия Японии. Радикальная идеология и самурайские традиции // Пролетарская левая. Интернет-проект О. Торбасова (марксистско-ленинские публикации) [Электронный ресурс]. URL: <http://pl.maoism.ru/foreign/JRA.htm>. Дата обращения: 25.03.2016 г.

О’Рурк Джим. Временные рамки для вневременной истории. Пер. с англ. И. Кушнारेвой // Сайт «Kinote». 28.04.2010. URL: <http://kinote.info/articles/2235-vremennye-ramki-dlya-vnevremennoy-istorii>. Дата обращения 25.03.2016 г.

Полиция Японии. 2000 г. Национальное Полицейское Агентство. Извлечения. Перевод Кравченко Е. В. // Образовательный правовой портал «Юридическая Россия». URL: <http://law.edu.ru/script/cntsource.asp?cntID=100087730>. Дата обращения: 25.03.2016 г.

Полонский И. Японские красноармейцы: партизанская война в Стране восходящего солнца // Военное обозрение [Электронный ресурс]. 5.12.2014 г. URL: <http://topwar.ru/64076-yaponskie-krasnoarmeysy-partizanskaya-voyna-v-strane-voshodyaschego-solnca.html>. Дата обращения: 25.03.2016 г.

Щербаков А. Терроризм. Война без правил. М.: Олма Медиа Групп, 2013.

1967-1993: Major Terror Attacks // Israel Ministry of Foreign Affairs [официальный сайт]. URL: <http://mfa.gov.il/MFA/AboutIsrael/Maps/Pages/1967-1993-%20Major%20Terror%20Attacks.aspx>. Дата обращения: 25.03.2016 г.

Movements of the Japanese Red Army and the "Yodo-go" Group // National Police Agency [официальный сайт]. URL: <http://www.npa.go.jp/archive/keibi/syouten/syouten271/english/0301.html>. Дата обращения: 25.03.2016 г.

Гэн Нихон сэкигун но Сигэнобу Фусако хикоку ни тэ:эки 20 нэн 元日本赤軍の重信房子被告に懲役 20 年 (Подозреваемая Сигэнобу Фусако из бывшей Японской Красной Армии приговорена к 20 годам заключения) // Газета «Никкан судо:цу» 日刊スポーツ [официальный сайт]. 23.02.2006 г. URL: <http://www.nikkansports.com/ns/general/f-so-tp0-060223-0010.html>. Дата обращения: 25.03.2016 г.

Мисбахова Диана Радиковна
студентка кафедры китаеведения и стран АТР Института
международных отношений, истории и востоковедения КФУ¹

Предположение о появлении «Китайского Лексикона» в ОРРКА КФУ

По справедливому замечанию Александра Герцена, в XIX в. Казань стала местом встречи и свидания двух миров, западного и восточного. Благодаря удобному географическому положению в Казани семимильными шагами стало развиваться востоковедение. Создавалось огромное количество трудов разной направленности. Первая половина XIX в. ознаменовалась созданием большого количества различных словарей и пособий для изучения китайского языка. Эти труды до сих пор представляют собой ценнейшие источники научных исследований и истории российского востоковедения (Валеев, 2013, с. 3).

В начале XIX в. Архимандрит Софроний жаловался на непродуктивное изучение членами Пекинских духовных миссий маньчжурского и китайского языка. В своём донесении в Св. Синод он писал, что был недостаток учебных материалов, к тому же, возвращаясь домой, участники миссий увозили с собой все пособия, а это в свою очередь негативно сказывалось на последующих миссиях. Озаботившись сообщением начальника восьмой миссии, Св. Синод обратился к бывшему ученику Пекинской духовной миссии Антону Владыкину, который представил начальству донесение, где в одном из пунктов указывалось, что пособия нельзя оставлять новым ученикам от старых, потому что они нужны последним. Да и немногому по таким пособиям смогут научиться только прибывшие ученики. А. Владыкин также советовал обратиться к трудам европейских миссионеров, а также заниматься их переводами.

«Китайский лексикон», хранящийся в Казани, был одним из тех словарей, которые создавались в духовной миссии, чтобы обеспечить учебные нужды. Его особенность заключается в использовании сразу трёх языков: маньчжурского, китайского и старомонгольского. Также была достаточно прогрессивной и сама постановка материала, использованные слова были самые, что ни есть простые, но необходимые в повседневной жизни (Китайский Лексикон, с. 52).

София Борисовна Радзиевская при описании «Китайского Лексикона» предположила, что данная работа основывалась на II части «Notitia linguae

¹ Научный руководитель — д. и. н. Дмитрий Евгеньевич Мартынов.

Sinicae». Всего существуют 5 частей «*Notitia linguae Sinicae*», при этом 2 из них бесследно исчезли. Несмотря на то, что работа переводится с латинского как «Грамматика китайского языка» нельзя отрицать, что одна из частей работы действительно могла быть словарем широко употребляемых слов. Сам автор работы Анри Премар (1666–1736), выдающийся французский миссионер-иезуит и учёный, был также человеком незаурядным. Он пытался изучить язык, не зазубривая грамматику, обращаясь чаще к практической составляющей языка, что очень отличает Премара от его современников.

Главным трудом его жизни стала «*Notitia Linguae Sinicae*». Эта работа имела необычную судьбу. В 1728 г. Премар, находясь в Макао, отправляет её Этьену Фурмону, жившему во Франции, с которым у него была давняя переписка. Анри Премар хотел, чтобы Фурмон опубликовал рукопись. Однако обстоятельства сложились неожиданным образом: получив труд Премара и ознакомившись с его содержанием, Фурмон понял, что данная работа может отодвинуть его личные труды на второй план. Поэтому он сделал всё, чтобы обеспечить себе приоритет, похоронив рукопись Премара в недрах Королевской библиотеки.

Лишь в следующем столетии три из пяти её томов были обнаружены французским синологом Абель Ремюза и опубликованы в 1831 г. Англо-американским колледжем в Малакке (Premare, 1831, p. 298).

Можно предположить, что один из экземпляров книги «*Notitia Linguae Sinicae*» попал в русскую Духовную Миссию во время гонения на католиков. С 1784 г. деятельность иезуитов в Китае была запрещена, но они продолжали работать на полулегальной основе. В конце XVIII в. гонения на католиков усилились. С 1805 г. единственным каналом связи западных миссионеров с Европой была Русская духовная миссия, тогда же её библиотека пополнилась немалым числом ценных синологических изданий, выпускаемых иезуитами с конца XVI в.

Публикация «*Notitia Linguae Sinicae*» состоялась в 1831 г., следовательно, раньше этого времени книга никак не могла попасть в Пекин. Благодаря этому можно установить некие временные рамки, то есть определить состав духовных миссий в тот момент и определить того, кто мог бы быть предполагаемым переводчиком. В данный период в Китае находились одиннадцатая с 1830 по 1840 гг. и двенадцатая с 1840 по 1849 гг. духовные миссии. Дальнейшие Пекинские миссии не рассматриваются, так как в 1855 г. центр отечественного востоковедения был перенесен из Казани в Санкт-Петербург и любые материалы, привезённые из Китая, логичным образом попали бы в Санкт-Петербург.

В рукописи «Китайский лексикон» присутствуют три языка: маньчжурский, китайский, старомонгольский. Этот факт помогает значительно сузить круг лиц, которые могли быть задействованы в переводе. Из всех членов одиннадцатой миссии тремя восточными языками владел только Дмитрий Семёнович Честной. В двенадцатой духовной миссии таким человеком был Василий Павлович Васильев, выпускник Казанского Императорского Университета. Скорее всего, именно он и привез «Китайский Лексикон» в Казань по возвращению из Пекина.

Можно предположить, что переводчиками «*Notitia Linguae Sinicae*» были эти члены Пекинских духовных миссий. В пользу этого говорит и тот факт, что в рукописи присутствуют два почерка и разное написание букв Т, М, Р, что также отметила и С. Б. Радзиевская (Радзиевская, 1958, с. 6).

Д. С. Честной и В. П. Васильев проделали большую работу, создали словарь необходимых, часто применимых бытовых слов, для подготовки кадров в Пекинскую Духовную Миссию. Это было ощутимой помощью. Люди, отправляющиеся в Китай, нередко владели лишь некоторыми базовыми книжными знаниями. Тем не менее, эти знания с трудом могли бы помочь в бытовой сфере жизни, с которой неизбежно сталкивался любой миссионер.

«Китайский Лексикон» не просто словарь, это уникальное свидетельство живого учебного процесса. Как в Духовной миссии, так и в Казанском университете, этот словарь ещё несколько столетий помогал разным поколениям учить восточные языки.

Список литературы

Китайский Лексикон. Отдел редких рукописей Казанской университетской библиотеки, шифр №3.876.

Радзиевская С.Б. Описание Рукописей Научной Библиотеки им. Н. И. Лобачевского. Выпуск II. Лингвистика. Казань: Изд.- во. Казанск. ун. та, 1958.

Валеев Р. М. Феномен университетского востоковедения в Казани: Истоки и развитие (XIX — начало XX века) // Учёные записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки, 2005. Т. 147, кн. 2, с. 35–48.

Premare P. *Notitia linguae Sinicae*. Malacca: Academiae Anglo-Sinensis, 1831.

*Петров Константин Константинович
студент 4 курса кафедры Истории стран Дальнего Востока
Восточного факультета СПбГУ¹*

Некоторые вопросы реставрации монархии в Китае в 1915–1916 гг.

Как известно, в конце 1911 г. в Китае началась Синьхайская революция, которая привела к краху монархии и созданию республики. В феврале 1912 г. последний китайский император отрекся от престола, и главой нового китайского государства стал Временный Президент. Однако всего через четыре года была предпринята попытка монархию восстановить. Ровно сто лет назад зимой 1915-1916 г. президент Китайской республики Юань Шикай провозгласил себя императором. В Китае, как и в нашей стране, это событие всегда трактовалось чрезвычайно негативно в силу ряда причин. Во-первых, после создания республики, это был шаг назад, следствие прихода к власти консерваторов. Во-вторых, такая трактовка была связана с негативной оценкой деятельности Юань Шикай в целом. Генерал Юань Шикай, один из виднейших деятелей конца династии Цин, был личностью консервативной, жесткой и честолюбивой. Именно это последнее качество указывалось, как одна из основных причин, по которым президенту понадобилось объявить себя императором. И наконец, немаловажным является традиционное противопоставление Юань Шикай лидеру Синьхайской революции Сунь Ятсену, фигура которого всегда рассматривалась, как безусловно положительная. Однако сегодня спустя сто лет есть возможность более объективно, по-новому взглянуть на фигуру Юань Шикай и результаты его деятельности.

В первую очередь, несколько слов необходимо сказать о причинах, побудивших Юань Шикай основать новую династию. Во-первых, это крушение политического центра в лице династии Цин, которая, даже несмотря на полную деградацию режима, продолжала оставаться стержнем общественной структуры и гарантом единства Китая. Следовательно, вторая причина - это дезинтеграция страны, распад на отдельные провинции, в той или иной степени лояльные Пекину. Кроме того, сюда следует отнести и самоволие провинциальных лидеров-милитаристов, к которым перешла фактическая власть на местах. И, наконец, одна из важнейших причин - это отсутствие у китайцев новой национальной модели государственного управления взамен конфуцианской монархии. Действительно, старая

¹ Научный руководитель — д. и. н. Борис Григорьевич Доронин.

конфуцианская государственная система исчерпала свои возможности и, как альтернатива ей, была предложена система республиканская, реализованная сначала в Нанкине правительством Сунь Ятсена, а затем перенесенная в Пекин. Однако то, как нестабильно эта система функционировала и при Юань Шикае, и после его смерти, явно указывает на ее непродуманность и несоответствие реалиям Китая. Что касается личных амбиций президента, то они на наш взгляд, занимают в этом списке далеко не главное место. Хотя и не стоит отрицать огромного самолюбия Юань Шикая, все же необходимо отметить, что в целом он представлял собой личность уравновешенную и достаточно прагматичную, а главной задачей, на решение которой была направлена вся внутренняя политика Юань Шикая, оставалась консолидация страны. Восстановление того самого утраченного стержня в виде монархии было, на наш взгляд, логическим завершением этой политической линии.

Для успеха реставрации требовалась объяснить обществу необходимость этого шага и аргументировать его. Для идеологического обоснования необходимости реставрации была проведена широкая кампания пропаганды конфуцианства. В ней приняли участие и китайские политические деятели, и иностранные советники Юань Шикая. Так, молодой китайский ученый Ян Ду в марте 1915 г. написал меморандум в защиту монархии, в котором обосновывал преимущества империи перед любым другим государственным строем (Weale, 1927, p. 739). Американский советник Юань Шикая Фрэнк Гуднау разработал аналогичный меморандум, в котором обосновал преждевременность введения парламентаризма в Китае (Goodnow, 1914, p. 525-562). Аргументация в этих документах, несомненно, спорная и зачастую высосанная из пальца, поскольку меморандумы представляют собой в чистом виде пропагандистские сочинения. Однако есть факты, указывающие на то, что обращение к традиционной политической культуре было здоровой мыслью. К примеру, уже в декабре 1913 г. президент Китайской республики Юань Шикай со столичными чиновниками и генералитетом провел в Храме Неба полный обряд традиционных жертвоприношений. Сделано это было из опасений, что в случае неурожая в следующем году, народ обвинит главу государства в непочтительности к Небу (Reinsch, 1922, p. 23). Обращение в данном случае к традиции и ритуалу императорского Китая ярко свидетельствует об отсутствии в Китае замены старой идеологии, скреплявшей единство страны, равно как и о сохранении традиционной картины мира в сознании простых китайцев, для которых отсутствие императора на троне было по меньшей мере странным.

Один из наиболее спорных вопросов, связанных с восстановлением монархии Юань Шикаем, это вопрос, связанный с поддержкой

самопровозглашенного императора Японией. Считается, что Юань Шикай решил реставрировать институт императорской власти после подписания в мае 1915 г. «21 требования», унижительного договора с японцами, нанесшего сокрушительный удар по суверенитету Китая. Действительно, сохранилось свидетельство современника этих событий американского дипломата Пола Рейнша, который сообщает, что посол Японии при вручении «21 требования» Юань Шикаю сказал следующее: если президент Китая подпишет документ, то «для правительства Японии станет возможным предоставить помощь Президенту Юаню» (Reinsch, 1922, p. 130). Эта фраза, похоже, стала краеугольным камнем всех споров о природе юаньшикаевского режима. Одни ученые полагают, что речь идет именно о поддержке Японией реставрации монархии, другие — что японские посол имел в виду революционеров, что японцы смогут помочь Юаню разобраться с гоминьдановскими вождями. Что касается самого автора Пола Рейнша, то он не дает подробных разъяснений на этот счет, однако называет «совершенно фантастическим» выдвинутое противниками президента обвинение в инициировании переговоров с целью добиться поддержки в своих честолюбивых начинаниях. Он полагает, что Юань Шикай, действительно, смог извлечь пользу из подписания «Требований», но лишь постольку, поскольку уже понимал, что избежать уступок японцам не удастся. А избежать подписания договора было, в самом деле, невозможно, поскольку через некоторое время после вручения требований Япония предъявила Китаю открытый ультиматум, подкреплявшийся оккупацией провинции Шаньдун. Таким образом, переоценивать роль Японии в процессе восстановления монархии не стоит.

Любопытная особенность реставрации монархии при Юань Шикае - сочетание традиционных методов легитимации власти с методами современными. Для узаконивания смены государственного строя был проведен референдум. По этой причине правление Юань Шикая - императора называется «плебисцитарной монархией». Референдум в данном случае название более чем условное: от каждой провинции было избрано по одному представителю, которые единогласно (по-другому быть и не могло) проголосовали за реставрацию. После референдума с речью выступил один из маньчжурских принцев, подчеркнув своим выступлением преемственность императорской власти. Через несколько дней «парламент» присвоил Юаню титул императора и пригласил его для передачи императорских полномочий. Юань Шикай по традиции дважды отказывался, и лишь на третий раз согласился принять сан (Reinsch, 1922, p. 179). С этой же целью легитимации Юань Шикай, рассматривая себя, как наследника монархической традиции в Китае, постарался наладить тесные отношения с домом Айсиньгиоро.

Считается, что конкретные мероприятия, связанные с реставрацией, стали осуществляться еще в 1913 г., и как раз те тесные отношения, которые Юань Шикай поддерживал с окружением императрицы Луньюй, свидетельствуют о монархических планах президента. Но в действительности, говорить о конкретных шагах в направлении реставрации до 1915 г. довольно сложно. Во-первых, уважительное отношение к императорской фамилии диктовалось обычными соображениями этики и следования традиции. Во-вторых, не стоит забывать, что цинскую династию фактически ликвидировали не революционеры, а сам Юань Шикай. Именно он со слезами на глазах упрямил Луньюй подписать отречение. Представляется довольно сомнительным, что Юань Шикай сразу же после Синьхайской еще в 1912 г. стал планировать реставрацию.

Однако попытка реставрации потерпела крах: уже в марте 1916 г. после череды восстаний на юге страны Юань Шикай отменил торжественную коронацию и сложил полномочия императора. По внешним признакам неудача постигла Юань Шикая из-за нового революционного подъема, так называемой «войны в защиту республики». Однако на наш взгляд, главная причина провала реставрации кроется в конфликте между императором и его собственным окружением. Синьхайская революция и республиканская власть вкупе с новой армией, созданной самим Юань Шикаем, дали дорогу центробежным силам, которые сдерживала цинская монархия. Ни один губернатор или военный лидер, у которого были собственные войска и неограниченные возможности в его провинции, не нуждался в сильной центральной власти. Республика была гарантией могущества милитаристов – монархия же ставила под угрозу их привилегии, полномочия и возможности. Поэтому неудивительно, что за исключением убежденных монархистов, никакого понимания среди своих сподвижников Юань Шикай не встретил. Даже такие близкие друзья, как Сюй Шичан, Дуань Цижуй, Фэн Гочжан и Чжан Сюнь отказались поддерживать императора, ушли со своих постов или попросту сбежали из Пекина. Милитаристская машина, являвшаяся детищем самого Юань Шикая, в итоге его же и свергла. В этом заключается определенный трагизм судьбы императора.

Список литературы

Первая половина моей жизни. Воспоминания Пу И — последнего императора Китая / перевод с китайского. М., 1968. 424 с.

Хохлов А.Н. Китай в период президентства Юань Шикая: усиление пропаганды конфуцианства и попытка реставрации монархии // «Общество и

государство в Китае»: XXXIX научная конференция / Ин-т востоковедения РАН. М., 2009. С. 130–143.

Чудодеев Ю. В. Крах монархии в Китае. М., 2013. 392 с.

Ch'en J. Yuan Shih-k'ai. Stanford, 1972. 258 p.

Goodnow F. J. The Parliament of the Republic of China // The American Political Science Review. Baltimore, 1914. №4. P. 541-562.

Putnam Weale. Yang Tu's Defense of the Monarchial Movement – excerpts // Modern Chinese history selected readings / ed. by Harley F. Mac Nair. Shanghai, 1927. P. 737-740.

Reinsch Paul S. An American diplomat in China. New York, 1922. 396 p.

Ли Цзунъи. Юань Шикай чжуань. (李宗一. 袁世凱傳. – 北京: 國際文化出版公司, 2006) – Биография Юань Шикая. Пекин: Гоцзи вэньхуа чубань гунсы, 2006. 321 с.

Чжоу Янь. Миньго ди и цзятин: Юань Шикай цзяцзу. (周岩. 民國第一家庭: 袁世凱家族. – 北京: 文化藝術出版社, 2012) – Первая семья республики: семья Юань Шикая. Пекин: Вэньхуа ишу чубаньшэ, 2012. 200 с.

*Рыженкова Анастасия Алексеевна
студентка кафедры истории стран Дальнего Востока
Восточного факультета СПбГУ¹*

Антикатолическая политика Вьетнама в период правления императора Минь Манга (1820-1840 гг.)

В 1820 г. к власти во Вьетнаме приходит император Минь Манг, которого французские историки называют «кровавым гонителем христианства». Первые годы своего правления Минь Манг был заинтересован в торговле с Францией. В документах, опубликованных Л. Кадьером в 1912 г., мы видим, что миссионер Ванье в письме представителю Французских миссий в Макао пишет: «После вступления на престол он [Минь Манг — *A.P.*] не сделал и не сказал ничего такого, что бы затрагивало нашу священную религию. Что касается меня, то у меня нет причин на него жаловаться. Он всегда оказывает мне хороший прием и ведет со мной дружеские беседы» (Cadière, V. 12, 1912, p. 64).

Что же впоследствии повлияло на изменение внешнеполитического курса императора? Основной причиной стало возрастающее число новообращенных французами католиков, причем, в основном, это были выходцы из крестьян, недовольные феодальным режимом. После налаживания в 1817 г. торговли с Францией, во Вьетнам начали прибывать французские миссионеры, которые и воспользовались тяжелым положением населения. Понимая опасность, Минь Манг начал проводить антифранцузскую политику. На примере Англии, которая постепенно превращала Сингапур² в свою колонию, император также видел усиление влияния европейских держав в регионе. Поэтому, когда в 1821 г. во Вьетнам прибыл миссионер Шено с предложением подписать торговый договор с Францией, Минь Манг отказался, так как испугался того, что Англия также потребует торговых привилегий и для себя (Lê Thành Khôi, 2014, tr. 432). В 1822 г. Минь Манг не принял французское судно «Клеопатра». В 1825 г. то же произошло и с французским фрегатом «Курьер де ла Пэ». Миссионер Барудель, представитель французских миссий в Макао, в письме к Шено пишет: «Он не захотел принять привезенные для него подарки и отказал в аудиенции капитану. Капитан Борель, который в это же время прибыл на судне «Курьер

¹ Научный руководитель — д. и. н. Борис Николаевич Мельниченко

² Сингапур стал колонией Британской империи в 1867 г.

де ла Пэ» и которого уже знают в стране, получил приказ не появляться в императорском городе» (Cadière, V. 12, 1912, p. 79).

В феврале 1825 г. Минь Манг издал указ, запрещающий французам въезд на территорию страны без специального разрешения императора (M.L.Cadière, V. 12, 1912, p. 79). Однако в том указе и во многих следующих выдвигались только частичные меры — он не распространялся на французских миссионеров, уже находившихся во Вьетнаме. Кроме того, французы все равно находили способы тайно проникать во Вьетнам. Этому содействовала протяженность береговой линии и, зачастую, сотрудничество с местным чиновничеством. По сути, действие указа распространилось только на Центральный Вьетнам, где император мог контролировать ситуацию¹.

В 1826 г. к Минь Мангу обратились с петицией недовольные распространением католицизма чиновники-конфуцианцы. В ней они критиковали христианство, отмечая его пагубное влияние на население.

Откликнувшись на петицию, Минь Манг в 1826 г. издал новый указ, который, фактически, закрывал Вьетнам от европейцев (исключением остаются порт Дананг и столица Хюэ). Проживающим в стране миссионерам император предлагал служить при дворе. Однако этот указ тоже носил половинчатый характер. Переезд в Хюэ не был в планах французских проповедников. Миссионеры Северного Вьетнама, который с 1826 г., после смерти наместника Ле Тята, был под контролем Минь Манга, ушли в подполье. На Юге все еще было сильно влияние Ле Ван Зюета, который сотрудничал с французами. Ему была выгодна поддержка Франции, он не хотел терять власть. В итоге, указ 1826 г. распространился только на французских миссионеров, находящихся вне территории Вьетнама. А миссионеры, уже проживающие во Вьетнаме, в частности на Юге, продолжали свою религиозную деятельность.

В 1831 г. Минь Манг издал ряд новых указов. В первую очередь, он отдал приказ местным властям следить за деятельностью христианских общин (Берзин, 1966, с. 209).

В 1832 г. произошло военное столкновение Вьетнама с Сиамом. После изгнания с территории Вьетнама сиамцев к ним примкнуло 4 тыс. вьетнамских католиков, по подозрениям властей, при поддержке французского епископа Табера, который в скором времени тоже сбежал (Берзин, 1966, с. 210). На Ле Ван Зюета также пали подозрения в сговоре, поскольку он был в дружеских отношениях с Табером. Хотя Ле Ван Зюет умер еще во время военного конфликта с Сиамом, его было решено наказать посмертно. По решению суда

¹ В то время на севере и на юге страны большое влияние имели наместники Ле Ван Зюет и Ле Тят.

его гроб перевязали цепями (Ramsay, 2004, p. 316), а могилу били палками (Берзин, 1966, с. 210). В то же время был казнен один из заместителей епископа Табера миссионер Гаглен (Берзин, 1966, с. 212). Он стал первым европейцем, казненным во Вьетнаме в XIX в. и был вскоре провозглашен мучеником.

В 1833 г. император издал указ, в котором он призвал вьетнамский народ отказаться от христианства. Минь Манг заявил, что те, кто принял католичество, слабы и глупы, и, что надо их просветить и принудить отречься от него. Однако император не смог учесть того, что католическая религия проникла во Вьетнам уже 200 лет назад, что в стране уже сменилось не одно поколение вьетнамцев-католиков, а, по меньшей мере, семь-восемь (Колотов, 2013. с. 160). Пытками и казнями едва ли можно было изменить религиозную принадлежность. Однако Минь Манг боялся восстания вьетнамских католиков и именно поэтому использовал наиболее жесткие меры, не продумывая проблему глубже и не подыскивая альтернативы.

С 1832 г. власть Минь Манга распространилась на Южный Вьетнам. Подчинение Зядини¹ Центру фактически стало причиной начавшейся нестабильности в этом регионе, которая вскоре переросла в открытое вооруженное столкновение. В 1833 г. приемный сын Ле Ван Зюета, Ле Ван Кхой сместил нового наместника Южного Вьетнама. Большую поддержку ему оказывали французы — миссионер Жозеф Маршан и епископ Табер. Последний был одержим идеей «нового Константина», смысл которой заключался в возведении на престол Ан Хоа, сына казненного принца Каня², который бы крестил всю страну (Колотов, 2013. с. 161).

Восстание было подавлено в 1836 г. Его организаторы были казнены, участники подверглись гонениям. Маршан был признан организатором восстания и приговорен к высшей мере наказания: разрублен на куски (Колотов, 2013. с. 162). Ан Хою была предоставлена почетная смерть, как члену императорской семьи: самому выбрать способ самоубийства из трех предложенных (Берзин, 1966, с. 215). Ле Ван Кхой умер при осаде Зядини.

В 1836 г. вышел еще один указ императора, согласно которому любой европеец, тайно проникший во Вьетнам, будет осужден на смертную казнь. Все миссионеры в стране и за ее пределами объявлялись вне закона. К концу 30-х гг. Минь Манг казнил 7 европейских миссионеров, по меньшей мере, 20 местных священников и сотни вьетнамских католиков.

¹ Название города Хошимина до 1862 г.

² Старший сын первого императора династии Нгуен Зя Лонга, старший брат императора Минь Манга.

Указ 1836 г. имел определенный положительный эффект: французские миссионеры стали терять свое влияние. Многие из них бежали. Это было рассмотрено многими вьетнамскими католиками как признак трусости, поэтому в этот период было распространено вероотступничество вьетнамских христиан. Тем не менее, были и отрицательные стороны. Гонения и казни стали причиной волны негодования во Франции, что впоследствии привело к вооруженному наступлению. Уже в 1847 и 1856 гг. французами были предприняты две военные экспедиции в порт Дананг.

Антифранцузская и антикатолическая политика Минь Манга вызвала резонанс и внутри страны, глубже становились разногласия между властями и католическим населением. Вьетнамцы-католики обращались за помощью к французам, что повлияло на развитие взяточничества в стране.

Таким образом, можно заключить, что реформы Минь Манга носили половинчатый характер и не могли в полной мере изменить внешнеполитическую и религиозную ситуацию в стране. Император не предпринял никаких действий по изучению образа жизни и культуры своего врага. Вьетнамцы не ездили во Францию и не знали, какого уровня развития достигло французское общество к тому времени. Все эти факторы впоследствии привели к вооруженному захвату Вьетнама французами.

Список литературы:

Берзин Э. О. Католическая церковь в Юго-Восточной Азии. М., 1966.

Колотов В. Н. Технология использования религиозного фактора в управляемых локальных конфликтах: Южный Вьетнам в период колонизации и Индокитайских войн (вторая четверть XVII – третья четверть XX вв.). СПб., 2013.

Ramsay, J. Extortion and Exploitation in the Nguyen Campaign against Catholicism in 1830s–1840s Vietnam. *Journal of Southeast Asian Studies*. Vol. 35, No. 2 (Jun., 2004). P. 311-328.

Cadière, M.L. Documents relatifs à l'époque de Gia-long. *Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient*. V. 12, 1912.

Lê Thành Khôi. Lịch sử Việt Nam từ nguồn gốc đến giữa thế kỷ X. Dịch từ tiếng Pháp. Hà Nội, 2014.

Селюнина Дарья Дмитриевна
студент кафедры монголоведения и тибетологии
Восточного факультета СПбГУ¹

Культ Белых юрт Чингис-хана в Ордосе

Имя Чингис-хана является важной составляющей монгольской культуры на протяжении уже нескольких столетий. Несмотря на противоречивые оценки его деятельности, для монголов Чингис-хан является культурным героем и основателем монгольской государственности, во времена которого страна переживала расцвет своего могущества. Такая роль Чингис-хана в политической и социальной истории монгольского народа в более позднее время обусловила включение его в число бодхисаттв, а так же возникновение отдельного культа, посвященного основателю Великой Монгольской империи.

Конец XVI — первая половина XVII вв. в истории Монголии — время кардинальных изменений в политической, социальной и культурной жизни монгольских народов. Тенденции к консолидации монгольского этноса, укрепление монгольской государственности, угроза захвата власти со стороны маньчжуров и подъем культуры и искусства, вызванный распространением буддизма — все это послужило толчком к появлению комплекса сочинений, особо выделяемого историками в литературном творчестве монголов.

Именно в этот период была составлена летопись «Шара Туджи» (монг. *šira tujuji*, букв. «Желтая история»), которая является одним из самых ранних сохранившихся исторических произведений монголов. Она была написана в 40-60-е гг. XVII в. в Северной Монголии неизвестным автором (Цендина, 2007, с. 12). Центральное место в тексте «Шара туджи», как и в большинстве исторических сочинений монголов, занимает повествование о Чингис-хане, включающее в себя частичное описание поклонения Чингису в Ордосе.

Само место отправления этого культа до середины XX в. представляло собой восемь белых юрт, главная из которых находилась в хошуне Эджэн-Хоро (монг. *ejen quriy-a*, «ставка Владыки»). Там хранились реликвии Чингис-хана и его первой жены Бортэ. Остальные юрты были посвящены четырем сыновьям Чингиса — Угэдэю, Чжучи, Чагатаю, Толую, внукам Гуюку и Мункэ, а также родителям — Есугэю и Оэлун. До середины пятидесятых годов прошлого века реликвии были рассредоточены по разным хошунам северо-

¹ Научный руководитель — ст. преп. Кирилл Всеволодович Алексеев.

восточного Ордоса (Жамцарано, 1961, с. 196; Atwood, 2004, с. 161). В 1956 г. был построен единый мемориальный комплекс, реконструированный в 1990-х гг. и значительно расширенный в последние годы.

Фактически, белые юрты Чингис-хана представляют собой кенотаф, где хранятся реликвии Великого монгольского хана. По легенде, приведенной в «Шара туджи», тело умершего в стране тангутов Чингис-хана возвращали обратно в Монголию. У склона горы Муна повозка застряла в болоте. Причиной этого автор летописи называет то, что Чингис-хан еще при жизни отметил местность Муна-хан, где позднее и были возведены Восемь белых юрт. Однако там же отмечается, что настоящее захоронение Чингис-хана находится в другом месте, а информация о том, что его останки покоятся в Эджэн-хоро называется «ложными слухами» (Шастина, 1957, с. 135-137).

Другая версия возникновения этого культового места монгольских народов содержится в летописи под названием «Белая история» (монг. *ᠵᠠᠭᠠᠨ ᠲᠡᠢᠬᠡ*): «Вращающий тысячу золотых колес [учения] Хубилай Чакравартин Сэцэн-хан воздвиг восемь белых юрт, всеобщую опору на Алтан-Гэгэна, и установил Великий (шелковый?) закон» (*mingan altan kürdün-i ergegülügči qubilai čakrvar-un sečen qayan altan gegen-ü yerüingkei-yin sitügen naiman čayan ger-i bayiyulju. torγan yeke yosu-yi toγtayaysan anu.*) (Sagaster, 1976, с. 81). Таким образом, согласно «Белой истории», культ Чингис-хана был установлен его правнуком Хубилаем. В качестве даты этого события, Ц. Жамцарано указывает 1267 г. (Жамцарано, 1961, с. 195).

Важным обрядом, проводившимся в Эджэн-хоро, был ритуал возведения на трон нового правителя. В «Шара туджи» подобный ритуал упоминается дважды в повествовании о хане Годане (1520–1557) и Даян-хане (1464–1517/1543): «перед белыми юртами Владыки воссел на престол» (монг. *ejen-ü čayan ger-ün emüne . qan sayubai ::*), «перед белыми юртами Владыки стал ханом» (монг. *čayan ger-ün emüne . qayan bolju*) (Цендина, с. 98-99, 103).

С этим же ритуалом, вероятно, связан и распространенный в монгольской историографии сюжет о смерти Тогон-тайши (ум. 1439). Этот ойратский правитель, подчинил себе монгольские княжества и отправился к белым юртам для того, чтобы стать ханом и поклониться Чингис-хану. Но он вел себя не подобающе и, по легенде, был убит стрелами, находящимися в колчане Чингис-хана. («Обходя вокруг белой юрты Владыки, Тогон-Тайши оскорбительно говорил: “Если ты [Чингис-хан] — обладающий величием августейший [владыка], то и я — потомок ханши, обладающей величием!”. Стрелы, хранящиеся в колчане Владыки стали издавать звук, а у Тогона из носа и рта пошла кровь»; монг. *toγun tayisi ejen-i čayan ger-i ergijü : dayarilan*

*ĉi sutu bolqula . bi sutai-yin üre kemen ögülebei : eĵen-i sayadaġ-tu-ki sumun dayun ġarun . toyun-i qabar aman-aĉa ĉisun ġarbai :)*¹ (Цендина, с. 77–78).

Тот факт, что новый правитель, пришедший к власти насильственным путем, не принадлежащий к Золотому роду, решает отправиться к белым юртам для поклонения Чингис-хану, может свидетельствовать о том, что проведение ритуала восшествия на престол именно в этом месте придавало новому правлению легитимность, освящая именем основателя Великой Монгольской империи.

Восемь белых юрт являлись местом, где проводили не только обряд интронизации нового правителя, но и куда приходили поклониться предкам и спросить их совета. Это отражено в эпизоде, предшествующем возведению на трон Даян-хана, когда его мать, Мантухай-хатун (1449–1510/1526), пришла к юртам Владыки, чтобы попросить помощи у Алан-Гоа, родоначальницы монголов. («[Она] отправилась к белым юртам Владыки, через человека по имени Мэнхэн Ирагу принесла жертву и сама обратилась к Эши-хатун»; монг. *eĵen-ü ĉayan gerte odĉu: menggen irayu neretü kümün-iyer saĉuli saĉuyulĵu: esi qatun-a: öber-iyen eyin öĉir-ün:*) (Цендина, с. 96). Мантухай-хатун принесла жертву, а также обещала возжечь «огонь Эши-хатун», что возможно являлось характерными шаманскими ритуалами поклонения предкам и огню (Жамцарано, 1961, с. 229).

В качестве провозглашенного и поддерживаемого государством культа, Белые юрты Чингис-хана имели и своих служителей. В «Белой истории» сказано, что Хубилай повелел двенадцати ордосским тумэнам делать постоянные подношения всех необходимых вещей для жертвоприношения четырем временам года (*takiġu dörben ĉay-un tayily-a-yin qurim-du kereglekü jüil-i arban qoyar otoġ ordus tümen-dür qatangġadqan takiġu bolġan toytayabai*). Там же была закреплена административная структура, правовое положение и порядок обеспечения дархатов (Sagaster, 1976, с. 81–82).

В тексте «Шара Туджи» так же подчеркивается эта почетная обязанность дархатов хранить Белые юрты Чингис-хана. В восхвалении шести монгольских тумэнов говорится следующее: «Что касается западных тумэнов. Ордосский тумэн, ставший крылом быстрого сокола, сохранивший одноколки с вращающейся осью, с уменьем в большом пальце², с сердцем в большой груди, охранявший подобные горе белые юрты Владыки, рожденного гордым»; монг: *baraġun tümen gegĉi . erĉimtü naĉin-i ĵegür boluġsan: ergikü qasaġ tergen-i*

¹ В «Алтан Товч» Лубсандандзана этот эпизод передан более полно (Шастина, 1973, с. 269).

² «с уменьем в большом пальце» — хорошие стрелки из лука.

qadyalaysan: erekei-tü-yin mergen: ebčigün-tegen yeke jirüketü: omuy-tu törügsen ejen-i ayula metü: čayan ger-i qadqalaysan ordos tümen:) (Цендина, с. 168-169).

Важно отметить, что, поскольку автор «Шара туджи» упоминает об этих специфических обязанностях дархатов, скорее всего в XVII в. они все еще продолжали, так или иначе, следить за отправлением культа Чингис-хана в Белых юртах. Тот факт, что эта традиция сохранялась на протяжении более чем 300 лет, говорит о сохранении важности фигуры Чингис-хана и его почитания, несмотря на темный период в истории монгольских народов.

Таким образом, культ Чингис-хана у монголов XVII в. можно охарактеризовать как государственный культ обожествленного правителя, который устанавливался и поддерживался государством. Он придавал легитимность власти нового правителя, а его отправление было почетной обязанностью. О сохранении важности этого культа говорит и то, что впоследствии в Эджен-хоро был установлен и буддийский ритуал почитания Чингис-хана (Жамцарано, 1961, с. 229). Имя Чингис-хана и по сей день является символом единства монгольской нации.

Список литературы:

Жамцарано Ц. Культ Чингиса в Ордосе. Из путешествия в Южную Монголию в 1910 г. // САЖ. Vol. VI, № 3. 1961. P. 194–234.

Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание») / пер. с монг., иссл. и примеч. Н. Г. Шастиной. М.: Восточная литература, 1973.

Цендина А. Д. Монгольские летописи XVII–XIX вв.: повествовательные традиции. М., 2007.

Цендина А. Д. Транслитерация монгольского текста «Шара туджи» // <http://altaica.ru/sira.php> (дата обращения 23.03.2016).

Шара Туджи. Монгольская летопись XVII века. Сводн. текст, пер., введ. и примеч. Н. П. Шастиной. М.-Л., 1957.

Atwood Christopher P. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. Bloomington, 2004.

Die Weisse Geschichte (Čayan teüke): Eine mongolische Quelle zur Lehre von den Beiden Ordnungen, Religion und Kommentiert von K. Sagaster // AF, B. 41. Wiesbaden, 1976.

Спешнева Дарья Александровна
Студентка кафедры филологии Юго-Восточной Азии и Кореи
Восточного факультета СПбГУ¹

Литературное творчество императора Ле Тхань-тонга

Император Ле Тхань-тонг по праву считается одним из величайших правителем Вьетнама, а внушительный срок его правления (1460–1497 гг.) стал периодом значительных преобразований в жизни государства. Помимо эффективных реформ в области законодательства, экономики и образования, помимо блестящих военных достижений, императора прославил его литературный талант.

В XV в. вьетнамские авторы в своем литературном творчестве все чаще обращались к *тЪы-ному*², и вьетнамская литература сделала значительный шаг в своем развитии. Если говорить о *тЪы-номе*, то на нем, безусловно, писали и раньше, однако в качестве официального языка делопроизводства был принят все же классический китайский язык. В силу исторических причин (завоевание Вьетнама династией Мин в 1407 г.) собственно вьетнамская культура и литература в особенности переживали кризис. Поэзия на родном языке, на *тЪы-номе*, становится распространенной формой творчества именно после успешного восстания, организованного Ле Лоем против китайской экспансии, и последующего установления собственно вьетнамской монархии в 1428 г. В XV в. первостепенной задачей литературы является отражение политики государства: идеализация императорской власти, укрепление позиций чиновничьего аппарата, подъем национального сознания (Lịch sử văn học Việt Nam, 1980, tr. 228).

Император Ле Тхань-тонг в своем литературном творчестве также обращался к *тЪы-ному*. Примером этого может служить произведение «Десять заповедей о неприкаянных душах». Заповеди написаны ритмической прозой, и каждая завершается стихотворным нравоучением. Сочинение написано в жанре *вантэ*. Произведения данного жанра писались для исполнения во время ритуала по случаю полнолуния седьмого месяца, которое считалось днем очищения бесприютных душ от греха. Заповеди обращены к десяти «сословиям» и «разрядам» тогдашнего общества: буддистам, даосам, чиновникам, конфуцианцам, астрологам и геомантам, врачевателям, военачальникам, певицам и лицедейкам, торговцам, бродягам и дармоедам.

¹ Научный руководитель — к. ф. н. Кнорозова Екатерина Юрьевна

² ТЪы-ном (вьет. chữ nôm) — система письма на основе китайской иероглифики, использовавшаяся для записи вьетнамского языка

Император справедливо и метко выявляет пороки каждого из сословий (Классическая проза Дальнего Востока, 1975, с. 383).

Император Ле Тхань-тонг писал в разных жанрах — хорошо известны его поэтические произведения. При дворе был сформирован литературный кружок, известный как «Собрание двадцати восьми звезд словесности», выступавший вместе с императором за распространение литературы на родном языке (Никулин, 1977, с.77). Как и прежде, многие сюжеты, речевые обороты, мотивы были заимствованы из китайской традиции, однако все произведения были проникнуты духом патриотизма, самобытности, самоутверждения. Кружок был создан по инициативе императора в 1495 г., он состоял из 28 членов (хотя вьетнамские исследователи иногда говорят о большем количестве), и ведущая роль, безусловно, отводилась императору.

Сборник вьетнамских новелл «Сочинения, оставленные императором Тхань-тонгом» («*Thánh-tông di thảo*») признается вершиной литературного творчества императора. В первую очередь необходимо несколько конкретизировать упомянутый выше жанр, обозначенный как «вьетнамская новелла». Вьетнамская новелла формировалась под влиянием китайской новеллы-чуаньци, что означает «повествование об удивительном». К. И. Голыгина в своей книге «Новелла средневекового Китая» под новеллой понимает своеобразный средневековый жанр ранней беллетристической прозы, сформировавшийся на основе рассказов о духах III–VI вв. и вобравший в себя элементы мифологии, фольклора и исторических жизнеописаний (Голыгина, 1980, с. 64). Однако К. И. Голыгина также справедливо отмечает, что в оценке жанра присутствует некая неточность и под термином чуаньци иногда могут пониматься произведения совершенно разнообразные (Голыгина, 1980, с. 5).

Несмотря на существующие разногласия, в отечественной вьетнамистике для произведений подобного рода и в частности для сборника императора Ле Тхань-тонга традиционно используют термин «новелла».

Сборник «Сочинения, оставленные императором Тхань-тонгом» состоит из 19 новелл, написанных на *ханване*¹. На данный момент существует несколько мнений относительно происхождения и авторства данного литературного памятника:

- автором всех новелл является император Ле Тхань-тонг. В таком случае сборник может быть датирован XV в.

- сборник есть ничто иное, как поздняя искусная подделка.

¹ Ханван — вьетнамское название *вэньяня* — китайского классического языка.

- признается частичное авторство императора, однако допускается, что некоторые изменения, а, возможно, и целые новеллы были добавлены позднее (Повелитель демонов ночи, 1969, с. 209).

В качестве художественных и композиционных особенностей сборника можно выделить следующие. Во-первых, в новеллах всегда присутствует элемент удивительного. Это вовсе не значит, что в новелле речь пойдет исключительно о потусторонних силах, волшебных существах и духах. Подобные повествования — это скорее желание автора рассказать о каком-то случае, не вписывающемся в привычную жизнь, о каком-то странном, необычном событии, способном стать уроком для читателя. Более того, для Ле Тхань-тонга именно характеры персонажей стоят всегда на первом месте. В новеллах императора удивительное событие, чудеса и волшебство используются как фон, как необходимые условия, в которых раскрывается личность героев, демонстрируются их добродетели и пороки.

Во-вторых, для новелл характерно наличие дидактической части, иначе говоря, части с нравоучениями. Именно в дидактической части раскрывается основная идея текста, причина его создания и, более того, личное мнение автора, тогда как в основной части текста оно может быть не совсем очевидно.

Наконец, новеллы обладают единой композиционной структурой. Каждая новелла начинается с указания на пространственные или временные границы происходящего события, вводятся ключевые персонажи. Далее следует повествование о том или ином удивительном событии, произошедшем с героями, завершается новелла нравоучением от автора. Некоторые новеллы связаны между собой присутствием императора Ле Тхань-тонга, выступающего в качестве мудрого правителя, способного благодаря своей пронизательности и справедливости разрешить любые неурядицы и конфликты, победить нечистые силы и вернуть мир в государстве.

Историческая действительность постоянно присутствует в произведениях в том или ином виде. Например, в новелле «Перебранка двух Будд» действие разворачивается на фоне наводнения, действительно произошедшем во Вьетнаме в период правления императора Ле Тхань-тонга. Иногда героями новелл становятся реальные исторические личности. Вьетнам с 1407–1427 гг. был оккупирован войсками китайской династии Мин, поэтому во многих вьетнамских произведениях, как литературных, так и прочих, китайские сановники и военачальники выступают в качестве отрицательных персонажей.

Несмотря на возможную «сатиричность» и «несерьезность» некоторых произведений сборника, справедливость является одним из ключевых элементов повествования. Все персонажи, как положительные, так и

отрицательные, получают то, что заслужили. Возмездие настигает героев, при этом оно может выражаться в разных формах. Это может быть рок, судьба, а иногда справедливое наказание выносит сам император Ле Тхань-тонг, к которому персонажи обращаются как к мудрому и честному правителю.

Время правления императора Ле Тхань-тонга по праву называют временем расцвета, «золотым веком» в истории Вьетнама. Талантливые реформы, военные достижения и незаурядный литературный талант, воплотившийся в совершенно разнообразных произведениях, прославили императора и позволили ему стать одним из величайших правителей вьетнамского государства.

Список литературы:

Гольгина К. И. Новелла средневекового Китая. М.: Наука, 1980.

Классическая проза Дальнего Востока. М.: Художественная литература, 1975.

Никулин Н. И. Вьетнамская литература X–XIX вв. М.: Наука, 1977.

Повелитель демонов ночи. Старинная вьетнамская проза. Пер. с вьет. М. Ткачева. М.: Художественная литература, 1969.

Lịch sử văn học Việt Nam, tập 1. Hà Nội.: Khoa học xã hội, 1980.

Тепляшина Татьяна Юрьевна
студентка кафедры истории стран Дальнего Востока
Восточного факультета СПбГУ¹

История формирования АСЕАН в XX в.: аспекты безопасности

8 Августа 1967 г. министры иностранных дел Индонезии, Малайзии, Филиппин, Сингапура и Таиланда подписали Бангкокскую декларацию, ознаменовавшую собой начало новой эры сотрудничества в Юго-Восточной Азии (ЮВА).

Посол Малайзии в России Датук Яхья Баба отметил, что «АСЕАН образовалась в результате политических интересов и интересов безопасности стран-членов. Неудивительно, что с самого начала этим вопросам придавалось основное значение» (Восток — Запад, 2002, с. 452).

Образование АСЕАН происходило в рамках биполярного мира. Следовательно, на начальном этапе формирования сообщества можно говорить лишь о субрегиональной интеграции, нежели о всеобъемлющем региональном партнерстве.

Тем не менее, в отличие от других региональных блоков, страны АСЕАН делали акцент на партнерство без вмешательства мировых держав (Pierre Journoud, 2009, с. 111). Таким образом, в начале 1970-х гг., когда проамериканские правительства Камбоджи под предводительством генерала Лон Нола и Южного Вьетнама во главе с Нгуен Ван Тхиеу объявили о своем желании вступить в Ассоциацию, главы стран-основателей рассудили, что поддержка проамериканских режимов не только не добавит авторитета сообществу, но и придаст конфронтационный в международном плане характер, чего они явно не желали.

Однако интеграционные процессы в регионе не стояли на месте. Приобретя независимость, к АСЕАН присоединяется Бруней (1984). Но лишь с окончанием холодной войны Ассоциация выходит на качественно новый уровень: отчужденность между соседями стала постепенно преодолеваться, и к 1999 г. достигается региональное единство. В АСЕАН входят Вьетнам (1995), Мьянма (Бирма) и Лаос (1997), Камбоджа (1999). Сообщество окончательно формируется в том виде, в котором существует и по сей день - АСЕАН-10.

Говоря о правовой базе, которая является одним фундаментом сообщества безопасности АСЕАН, следует указать следующие документы, принятие которых пришлось на XX в. (см. ASEAN Legal Instruments):

¹ Научный руководитель — д. и. н. Борис Николаевич Мельниченко.

1) Декларация о зоне мира, свободы и нейтралитета (ЗОПФАН) (Куала-Лумпур, 27 ноября 1971 г.). Подписание этого документа обуславливается поиском баланса в системе региональных и международных отношений. Цель: избавление региона от международной напряженности и достижение прочного мира в ЮВА при обеспечении свободы от вмешательства извне.

Концепция ЗОПФАН являла собой 3-уровневую систему: 1) субрегиональный уровень (АСЕАН); 2) региональный уровень (АСЕАН + другие страны ЮВА); 3) глобальный уровень (АСЕАН + ведущие державы).

Однако изменение политической ситуации в середине 1970-х гг. в регионе (уход американцев из Индокитая, свержение режима Лон Нола в Камбодже, ликвидация монархии в Лаосе, закрытие американских баз в Таиланде и Филиппинах, выход Таиланда и Филиппин из СЕАТО, и фактический роспуск СЕАТО в 1977 г.) явилось новым вызовом для АСЕАН, ответом на который стало принятие Балийского договора.

2) Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (Балийский договор, Индонезия, 24 февраля 1976 г.). Этот региональный пакт о ненападении представляет собой кодекс международных отношений в ЮВА, базирующийся на основных положениях Устава ООН. Принятие Договора придавало Ассоциации ряд новых черт, выводило ее на качественно новый уровень сотрудничества.

3) Декларация АСЕАН о поведении сторон в Южно-Китайском море (Манила, 22 июня 1992 г.). Установила Кодекс поведения государств АСЕАН (прежде всего неприменение силы и невмешательство других стран в дела региона) при разрешении споров относительно суверенитета на островные территории в Южно-Китайском море. При этом важно, что после десятилетия долгих и трудных переговоров к этим обязательствам присоединился и Китай, хотя и в не совсем обязывающей декларативной форме.

4) Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии (Бангкок, 15 декабря 1995 г.) (Малетин Н. П., 2007, с. 44). Однако ни к концу XX в., ни в настоящее время ядерные державы не присоединились к данному документу.

Более того, стоит отметить создание в 1994 г. Регионального форума АСЕАН (ARF, ASEAN Regional Forum). Он включает в себя 26 стран, а также Евросоюз.

Основная цель создания АРФ заключается в координации политики стран-членов АСЕАН и партнеров по диалогу в области безопасности, достижение которой проходит путем консультаций дипломатических ведомств, обмена взглядов по актуальным проблемам регионального и мирового развития. Задача форума состоит в выработке мер доверия и

превентивной дипломатии для предотвращения и урегулирования конфликтов в регионе (АСЕАН в начале XXI века, 2010, с. 41).

Таким образом, этот форум играет роль площадки, где ведутся дискуссии по вопросам региональной безопасности не только среди членов самого сообщества, но и с такими странами как Россия, Китай, США, Япония, Индия, страны ЕС и др. И хоть решения формально не являются обязательными к выполнению, но все же данный форум представляется в настоящее время единственной региональной организацией, которая позволяет на высоком уровне обсуждать угрозы странам АСЕАН (Колотов, Ланьков, 2008, с. 413).

Говоря непосредственно о пульсирующих конфликтах среди стран-членов АСЕАН, стоит отметить следующие споры, которые хоть и не были полностью разрешены к концу XX в., но, тем не менее, не вылились в крупномасштабные военные столкновения:

- Спор между Малайзией и Филиппинами о территориальной принадлежности штата Сабах.
- Разногласия по вопросам островов Сипадан и Лигитан, а также территориальный спор по поводу разграничения континентального шельфа в Селебском море между Индонезией с одной стороны и Малайзией с другой.
- Конфликт на границе Камбоджи и Таиланда за обладание районом индуистского храма Преах Вихеар.
- Территориальный спор в Южно-Китайском море: вокруг островов Спратли, на которые претендуют Вьетнам, Китай, Малайзия, Филиппины, Бруней и Тайвань, а также спор между Вьетнамом и Китаем о принадлежности Парасельских островов.

Последний конфликт является наиболее крупной угрозой безопасности не только странам АСЕАН, но и Восточной Азии в целом. Однако, будучи верной идеем невмешательства, позиция АСЕАН до последнего момента остается нейтральной, с целью сохранить целостность Ассоциации и солидарность ее членов (Ngoại giao phòng ngừa ở Đông Nam Á, 2003, tr. 99).

Подводя итоги, можно сказать, что в XX в. страны ЮВА в целом продвинулись в обеспечении безопасности региона, несмотря на сложную внешнеполитическую обстановку, давление со стороны мировых держав, а также непростую ситуацию и напряжение в самом регионе.

Список литературы:

Васильев Л. Е., Локшин Г.М. Сообщество безопасности АСЕАН // АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы / Л.Е. Васильев [и др.]. М.: ИД «ФОРУМ», 2010. С. 37–65.

Восток — Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. Учебное пособие / Под редакцией А.Д. Воскресенского. М.: Наука, 2002.

Колотов В. Н., Ланьков А. Н. Особенности развития и проблемы стабильности стран АСЕАН: энергетические ресурсы, экономика и политика региона на современном этапе // «Ресурсное проклятие»: нефть, газ, модернизация общества / под общ. ред. Н. А. Добронравина, О. Л. Маргания. СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008. С. 395–439.

Малетин Н. П. АСЕАН: четыре десятилетия развития: монография. М.: МГИМО-Университет, 2007.

ASEAN Legal Instruments / ASSOCIATION OF SOUTHEAST ASIAN NATIONS official website: http://agreement.asean.org/search/by_pillar/1.html.

Journoud Pierre. L'ASEAN et la sécurité en Asie du Sud-Est pendant la Guerre froide. Entre diplomatie officielle et diplomatie informelle // Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin. Paris: Institut Pierre Renouvin, 2009. С. 109–124.

Ngoại giao phòng ngừa ở Đông Nam Á/ Chủ biên Nguyễn Phương Bình. Hà Nội: Học viện quan hệ quốc tế, 2003.

К вопросу о проявлении стратагемности в мышлении современных китайцев

В настоящее время много внимания к себе привлекает экономический подъем Китая. Ведущие политологи и экономисты напряженно изучают опыт китайских реформ с целью понять, на чем зиждутся успехи КНР. Как правило, их изыскания приводят к выводу, что причины феноменально быстрых темпов роста китайской экономики таковы: а) эффективная роль государства в экономике; б) избыточная трудолюбивая рабочая сила; в) открытость экономики и мудрая стратегия распределения инвестиций; г) выгодное территориально-природное расположение и т. д. (Ковалев, Новик, Дин Жуджунь, 2008, с. 10–12).

Конечно, ни у кого не вызовет сомнения то, что за сегодняшним бурным развитием «Поднебесной» стоят успешные действия представителей целой когорты многослойной китайской элиты — политиков, дипломатов, управленцев, ученых, бизнесменов, деятелей культуры. Но тогда возникнет вопрос, а нет ли каких-то дополнительных глубинных механизмов, побуждающих китайцев вдруг так слаженно работать. Подобные мысли о неотъемлемой связи китайского менталитета с успешным развитием экономики КНР уже нередко звучат в различных публикациях, но отдельно на них никто не останавливается. Еще меньше исследователей пытаются разобраться в том, что могло сформировать китайский менталитет. Нам хотелось бы привлечь к этому вопросу больше внимания и высказать некоторые замечания.

Несомненно, внутри огромного разнообразия Китая, есть внутренние скрытые от прямого понимания максимы, общие для каждого жителя «Срединного государства». Речь идет о китайском менталитете. Китайский менталитет уникален и прежде всего тем, что он имеет неразрывную связь с национальной культурной традицией. Представление об этих связях дает возможность лучше понимать китайцев.

Исследование китайского национального характера — одно из интересных направлений в китаеведении. По этой теме выходило немало работ и достаточно подробную библиографию можно увидеть в главе 3 книги

¹ Научный руководитель — к. ф. н. Дмитрий Иванович Маяцкий.

«Китайцы: особенности национальной психологии» Н. А. Спешнева (Спешнев, 2011).

Несмотря на сложность предмета национального характера, ученые-этнопсихологи уже выявили ряд полюсных характерных черт китайцев. С одной стороны, такими чертами традиционно считаются миролюбивость, скромность, уживчивость, терпение, трудолюбие, отменное чувство юмора, жизнелюбие, способность стойко преодолевать любые жизненные испытания. На другом полюсе отмечены присущие китайцам прагматичность и стремление к выгоде, безучастность к бедам других, трусость, преклонение перед силой, властью и успехом, недоверчивость и хитрость¹. Особенно знаменита китайская хитрость.

Хитрость — это обязательная черта любой торговой цивилизации и, кстати, общепринятая в обыденном сознании европейцев. Принято считать, что это типичная черта менталитета восточных людей.

Китайский торговец — узнаваемый образ по всему миру. Опираясь на античную культуру, можно вспомнить Гермеса, греческого бога торговли и обмана. Китайские многовековые традиции торговли — это также и традиции обмана. Очевидно, что современные бизнес-технологии в Китае, опираются на опыт нескольких тысячелетий войн, торговли и внутренней политической борьбы.

В произведении «Баопу-цзы» Гэ Хуна звучит интересная мысль о том, что он наполовину конфуцианец, наполовину даос (Гэ Хун, с. 118). Подобное разделение вошло в жизнь китайцев. Хитрость, несомненно, находится в даосской части китайской души.

В этой связи уместно привести отрывок из книги Линь Юйтана «Китайцы. Моя страна и мой народ»: «В китайской литературе, поэзии и пословицах очень часто отражается эта [хитроумная] даосская философия. Такие выражения, как: “Теряя пешку, выигрываешь партию”, “Из 36 стратагем лучшая – это бегство”, “Настоящий герой никогда не будет рисковать”, “Отступи на шаг в своих мыслях”, свидетельствуют о восприятии жизненных проблем, свойственных китайскому складу ума. Жизнь предоставляет много возможностей пересматривать те или иные решения благодаря “36 стратагем”, помогающим сглаживать острые углы, в результате чего человек обретает то подлинное добродушие и степенность, которые олицетворяют китайскую культуру» (Линь Юйтан, с. 62).

¹ См. Линь Юйтан, 2010.

Самое любопытное, в этой цитате, это упоминание о «36 стратагемах» («Сань ши лиу цзи» 三十六计), как о системе, соответствующей «китайскому складу ума». «36 стратагем» – это китайский исторический письменный памятник. В более широком смысле, «36 стратагем» — система, описывающая и исчерпывающая все возможные варианты хитростей.

Стратагема (древнегреч. — военная хитрость) — это алгоритм поведения, направленного на достижение определенной цели. Чаще всего в науке употребляется сочетание «китайская стратагема». В этом смысле, стратагема — феномен китайской культуры. Слово «стратагема» является попыткой найти адекватный перевод для китайского иероглифа «цзи» 计. Что же касается «36 стратагем», то само это выражение впервые упоминается в китайских хрониках уже в V в., и как раз в связи с уже известной нам поговоркой, объявляющей отступление «лучшим из всех тридцати шести военных приемов» (Тридцать шесть стратагем, с. 5).

Трактат «36 стратагем» — это список 36 китайских идиом «чэн юй» 成语. Короткие формулировки (из четырех, реже — из трех иероглифов) этих китайских афоризмов заключают в себе скрытый смысл, познав который можно стать хозяином ситуации, т. е. перехватить инициативу во взаимодействии с противником, достичь стратегического или тактического преимущества.

Упоминание о 36 стратагемах содержится в четырех классических китайских романах: «Путешествие на Запад», «Речные заводи», «Сон в красном тереме» и, в особенности в романе «Троецарствие». По словам китайского автора Сун Шаохуа, «не прочитав «Троецарствия» не проникнешь в суть (мировоззрения) человека» (цит. по: Спешнев, с. 59). Современные китайцы хорошо знакомы с большинством этих своеобразных китайских пословиц и нередко используют их в повседневной устной и письменной речи.

В связи с широким распространением в китайском обществе знаний о стратагемах появилось понятие — стратагемность. В Китае и на Востоке, «квинтэссенцию национальной мудрости проявляют политики и люди, умеющие составлять хитроумные планы» (Спешнев, с. 100). В русском языке близкими по смыслу понятию «стратагемность» являются расчетливость, продуманность, осмотрительность.

Стратагемность мышления приветствуется в современном Китае и считается проявлением интеллекта. Мудростью побеждать глупость – один из самоочевидных китайских жизненных принципов. Победа в противостоянии удостоверяет большую мудрость победителя. В этом смысле, мудрость тождественна хитрости. Мудрец применяет хитрые приемы, чем неизменно

добивается поставленной цели. Таким образом, знание стратагем — тайна, способная изменить ход событий в мире.

Стоит предположить, что стратагемное мышление является частью китайского национального характера. Изучение стратагем способно помочь иностранцам понять внутренние мотивы китайцев, интуитивно догадаться, к чему стремятся и чего опасаются китайские партнеры по бизнесу, политики и дипломаты, от действия каких предполагаемых стратагем они машинально стремятся застраховаться.

Известная «тягучесть» и даже «вязкость» китайских переговорщиков, тоже является проявлением стратагемного мышления.

В регулярно выходящих в последнее время книгах отечественных бизнесменов, подытоживающих результаты своего партнерского взаимодействия с китайцами ¹, часто отмечается, что китайский предприниматель, как правило, упорен в достижении целей, настойчив в отстаивании своих интересов, выдержан и терпелив, умеет балансировать на грани конфликта, не переходя черту, и при всем этом, еще и продуман. Он старается просчитывать свои и чужие ходы, чтобы не попасть в ловушку самому, но загнать в нее оппонента и быть в выигрышном положении. Безусловно, стратагемное мышление делает китайцев сильными противниками, особенно для людей со слабыми нервами.

Один китайский собеседник, на вопрос автора данной статьи о характерных чертах японцев и корейцев совершенно серьезно заметил, что японцы и корейцы очень хитрые, но китайцы все равно самый хитрый народ в мире.

Хитрость — это не всегда прямой обман, часто более важными оказываются расчет, предусмотрительность, развитая интуиция и чувство меры. «...бином «чжимоу» 智谋, например, одновременно означает и сообразительность, и изобретательность, и находчивость» (Мясников, с. 16). Применяющий стратагемы подобен игроку в *вэйци*². Победа достается самому искусному игроку, владеющему лучшей техникой, мастеру, способному увидеть «семена» событий, узнавшему тайные нити, соединяющие все вещи.

Откровенность китайских составителей стратагем дает возможность под необычным углом взглянуть на человеческие взаимоотношения. Уловки есть у всех народов, но нигде как в Китае нет такой своеобразной систематизации, приводящей все приемы в порядок. Список «36 стратагем» — собрание

¹ Например, в книге «Как стать сюнди» Владимира Марченко, выпущенной в 2013 г. издательством «Амфора».

² Облавные шашки (китайская настольная игра) 围棋.

намеков, которое дает возможность осознать и запомнить правила игры в мире, где правила постоянно меняются. Это попытка логически описать интуитивный опыт.

Стоит отметить, что, присущая жителям Поднебесной стратагемность, это не только осторожность и подозрительность, но и внимательное отношение к происходящим в мире изменениям, а также проявление интереса к окружающим людям, будь то друзья или враги, «китайские стратагемы — это всегда еще искусство интимного понимания противника» (Тридцать шесть стратагем, с. 22).

Список литературы

Гэ Хун. Баопу-цзы / Пер. с китайского, коммент., предисл. Е. А. Торчинова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999.

Ковалев М. М., Новик В. В., Дин Жуджунь, Феномен экономического развития Китая. - Минск: БГУ, 2008.

Линь Юйтан. Китайцы: моя страна и мой народ / Линь Юйтан: пер. с китайского и предисл. Н. А. Спешнева. М.: Вост. лит., 2010.

Мясников В. С. Стратагематика — наука точная // Зенгер, Х. фон Полное собрание 36 знаменитых китайских стратагем в одном томе / Харро фон Зенгер. М.: Эксмо, 2014. С. 5–38.

Спешнев Н. А. Китайцы: особенности национальной психологии. СПб.: КАРО, 2011.

Тридцать шесть стратагем. Китайские секреты успеха / Перевод с кит. В.В. Малявина. М.: Белые альвы, 2000.

Трухан Дарья Владимировна
магистрант кафедры теории общественного развития стран Азии и
Африки Восточного факультета СПбГУ¹

Социально-политические функции системы *санкин ко:тай* в Японии эпохи Токугава (1603–1867)

После периода феодальной раздробленности, именуемого *Сэнгоку дзидай* (конец XV — конец XVI вв.), в ходе которого Япония распалась на мелкие княжества, обладавшие фактической независимостью, в XVII в. установилось новое военное правительство Токугава, объединившее эти раздробленные княжества под своей властью.

Удельные князья — *даймё*, обладавшие собственными воинскими формированиями, представляли потенциальную угрозу для *сёгуна*, потому последний был заинтересован в поиске рычагов давления на князей, позволявших не допустить чрезмерного их усиления. Первым шагом стало разделение всех князей на три группы, исходя из их отношений с *сёгуном*: «родственные» — *симпан* 親藩, наследственные — *фудай* 譜代, которые служили дому Токугава до битвы при Сэкигахара в 1600 г. и «сторонние» — *тодзама* 外様 — князья, признавшие власть Токугава во время или после битвы при Сэкигахара (Tsukahira, 1966, p. 23). Для обеспечения дополнительной безопасности, стратегически важные надель, расположенные в непосредственной близости от столицы Эдо и обладавшие прямым доступом к крупным дорогам, жаловались только князьям *симпан* и *фудай*.

Вторым важным шагом стало внедрение практики заложенничества, когда жена и дети князей жили в Эдо в своих резиденциях. Третьим — введение в 1615 г. системы *санкин ко:тай* 参勤交代, которая и будет рассмотрена в данной статье.

Санкин ко:тай переводится как «поочередное прибытие на службу», основная идея данной практики состояла в попеременной службе *даймё* непосредственно в своем наделе и в столице. Изначально данная система распространялась только на *тодзама даймё*, однако в 1642 г. в нее были вовлечены и «наследственные» князья (Ватанабэ, 1998, с. 28). Посещения столицы были организованы таким образом, чтобы *даймё* соседних княжеств не находились на своих территориях одновременно, что должно было предупредить возможность мятежа.

¹ Научный руководитель — к. и. н. Евгений Магомедович Османов

Правительством регулировалась не только сама обязанность князей посещать столицу, к внешнему виду кортежа *даймё* также предъявлялись строго определённые требования, которые устанавливались исходя из положения князя при дворе *сёгуна* и размера его владений. Количество «государственных» пик с перьями и лакированных коробов, тиснен ли золотом на них клановый знак — все имело значение и отдельно регламентировалось правительством для каждого княжества (Varogis, 2005, pp. 29-30). В качестве эскорта главы княжества выступали в основном воины. Таким образом, шествие до Эдо носило также оттенок военного парада и демонстрации именно военной мощи центральной власти.

Количество сопровождающих зачастую было столь велико, что впечатленные зрители не могли оценить его адекватно. Так, Энгельберт Кемпфер писал, что ему случалось встречать «в продолжение двух дней сряду багаж и свиту, предшествовавшие князю», а свита самого князя могла достигать 20 тыс. человек (цит. по: Зибольд, 1854, с. 226–227). Очевидно, что подобные цифры являются явным преувеличением иностранца, пораженного размерами увиденных процессий. Реальная численность колебалась от 2-х до 4-х тыс. человек в случае крупнейших княжеств, таких как Кага (Ватанабэ, 1998, с. 32), процессии же мелких княжеств насчитывали 150-300 человек. (Tsukahira, 1966, p. 80)

Основное предназначение демонстративных шествий по стране в первую очередь состояло в укреплении авторитета центральной власти. Простой народ, которому не позволялось видеть *сёгуна* и его ближайших чиновников, мог наблюдать ее представителей в лице путешествующих *даймё*, чем и объяснялся внешний вид кортежа, призванный впечатлять и устрашать всех, кто его видел. *Даймё* путешествовали со свитой, имитирующей боевой строй, с демонстративным переносом как нового огнестрельного оружия, занимавшим определенную нишу в системе вооружения богатых представителей воинского сословия, так и традиционных копий, луков и так далее. Когда процессия въезжала в Эдо, специально обученные воины из числа сопровождения *даймё* проводили демонстрацию военного искусства, так что в целом шествия отдаленно напоминали военные парады европейского образца. Система *санкин ко:тай* была своего рода военной службой, в функции которой также входила задача не дать князьям в условиях продолжающегося мира ослабить военную подготовку своих воинов.

Путешествием в столицу *даймё* демонстрировал свое подчиненное к *сёгуну* положение, однако, для самого князя подобная демонстрация военной мощи также служила средством укрепления своего авторитета, как в своем владении, так и во владениях соседей. Ради сохранения репутации княжества

даймё иногда шли на уловки, в частности привлечение дополнительного числа непосредственных вассалов князя во время марша по собственному владению, дабы прибавить ему веса в глазах населения (Ватанабэ, 1998, с. 33). Именно из-за страха «потерять лицо» князья не позволяли себе сильно сокращать расходы на свиту даже в неурожайные годы.

Процессия сопровождалась «маршем», который для европейских зрителей был скорее смехотворным, чем устрашающим. Кемпфер в своих наблюдениях именуется его «шуточной пляской» и описывает следующим образом: «При каждом шаге они поднимают ногу до самой спины, протягивая руки перед собою как будто хотят плавать по воздуху. В то же время, соображаясь с прочими своими движениями, они потрясают... всем, что у них в руках» (цит. по: Зибольд. 1854, с. 231).

Наряду с демонстративной воинской функцией, которая была предназначена для повышения авторитета *сёгуна* и рода князя, присутствовала иная, также значимая с точки зрения государственных интересов. Только лишь на пропитание и ночлег около тысячи человек уходили внушительные средства, не говоря уже о затратах на украшение процессий. Так, расходы на ночлег во время пути в Эдо процессии княжества Кага численностью в 2 тыс. человек в пересчете на современную валюту составляли приблизительно 200 млн. йен (Ватанабэ, 1998, с. 42). Само пребывание в столице было весьма затратным: одежды князя и его семьи должны быть высокого качества, *сёгуну* в обязательном порядке приносили дары — эти и другие статьи расходов ослабляли экономическое положение князя, что должно было предупредить саму возможность восстания.

В зависимости от ранга князю предписывалось проводить в столице от полугода до года, нередкими были задержки в Эдо и на более долгое время (Ватанабэ, 1998, с. 23). В итоге, примерно год, а то и больше, *даймё* находился в вынужденном «отрыве» от своих владений, что мешало упрочнению связей князя с соседями и управляющим аппаратом его княжества. Подобная разобщенность также была выгодна правительству и препятствовала нежелательному усилению отдельных князей.

Итак, функции системы *санкин ко:тай* можно условно подразделить на «внешние» и «внутренние». К «внешним» можно отнести повышение авторитета *сёгуна* путем демонстрации военной мощи и подчинения его вассалов, демонстрацию связи с родом правителя и повышение личного престижа *даймё* и его рода. Также, с помощью демонстрации военного искусства населению, князья могли осуществить некоего рода воспитательную функцию, а также произвести впечатление на потенциальных соперников. Основной «внутренней» функцией было стремление вовлечь

удельного князя в жизнь в столице, не допустить укрепления связей между ним и его соседями. Не менее важной функцией столь пышных процессий было экономическое и отчасти психологическое ослабление *даймё*, приведение его казны и мыслей в такое состояние, в котором построение планов о мятеже было бы невозможно.

Список литературы

Зибольд Ф. Путешествие по Японии или Описание Японской Империи в физическом, географическом и историческом отношениях. Том 1. СПб.: Издание А.А. Плюшара в типографии А. Дмитриева, 1854.

Tsukahira Toshio G. Feudal control in Tokugawa Japan: The sankin kōtai system. East Asian Research Center Harvard University, 1966. (Harvard East Asian Monographs No. 20)

Vaporis Constantine N. Lordly Pageantry: The Daimyo Procession and Political Authority // Japan Review, № 17. 2005. Pp. 3-54.

Ватанабэ Ё:ко 渡邊容子. Санкин ко:тай ни цуйтэ 参勤交代について (О системе санкин ко:тай) // Исследования по музеологии колледжа Катё: 華頂博物館学研究. Том 5. 1998. С. 27–44.

Удавихина Мария Андреевна
студентка 4 курса кафедры китаеведения и стран Азиатско-
Тихоокеанского региона, отделения Высшей школы международных
отношений и востоковедения Института международных отношений,
истории и востоковедения КФУ¹

Место Кореи в японо-китайской войне (1894–1895 гг.)

Двусторонний конфликт возник из-за восстания, начавшегося в Корее в апреле 1894 г. и приведшего к нарушению баланса сил в регионе. Лозунгами восстания были «Защитить государство, дать народу мир», «Изгнать японцев, изгнать европейцев».

Весной 1894 г. поднялось восстание в провинции Чолладо, которое вскоре приняло угрожающий характер. Правительственные войска потерпели от повстанцев несколько поражений, что вынудило короля обратиться к китайскому резиденту с просьбой о помощи. Данная просьба была выполнена, и в Корею был отправлен отряд китайских войск, при этом было соблюдено условие Тяньцзиньского договора 1885 г. относительно предупреждения японского правительства (Покотилов, 1895, с. 49). Но японское правительство также зорко следило за развитием событий в Корее, намереваясь использовать восстание в своих целях. Когда 8 июня 1894 г. в Корее высадилось 1500 китайских солдат, присланных по просьбе корейских властей, Япония использовала это как удобный предлог для развязывания войны против Китая. Восстание в провинции Чолладо было между тем подавлено, и повод пребывания чужеземных войск на корейской территории таким образом был устранен. Но Япония не прекращала мобилизацию своих войск и продолжала высылать в Корею чуть ли не ежедневно по несколько сотен человек, что вызвало ответные меры со стороны Китая. Таким образом, в течение нескольких недель в Корее были сосредоточены значительные китайские и японские отряды. Несмотря на настоятельные советы со стороны европейских держав, ни та, ни другая сторона не соглашалась приступить к очищению корейской территории (Count Vay de Vaya and Luskod, 1906, с. 213). Обвинив китайское правительство в нарушении Тяньцзиньского договора, японские власти к 16 июня сосредоточили в Корее уже 4500 солдат, прибывших «для защиты японских подданных», проживавших в Корее. К 20 июня число японских солдат достигло 8 тыс. Китайское и корейское правительства тщетно требовали вывода японских войск с территории Кореи. Япония при поддержке

¹ Научный руководитель — д. и. н. Дмитрий Евгеньевич Мартынов.

США и Англии твердо шла к намеченной цели — захвату Кореи. Ее не смущало то, что такая политика вела к войне с Китаем.

Тем временем японское правительство потребовало согласия Китая на совместное осуществление реформ в Корее, что фактически означало для Цинской династии отказ от прав сюзерена.

Китай не принял этого предложения. Тогда в конце июня 1894 г. японские дипломатические представители в Сеуле в ультимативной форме заявили корейскому королю, что требуют «реорганизации» правительства, проведения «государственных реформ, а также декларации о расторжении вассальной зависимости от Китая». 18 июля последовал новый ультиматум, в котором корейскому правительству предлагалось расторгнуть все договоры с Китаем.

Корейское правительство не ответило на ультиматумы, и 23 июля японские части захватили королевский дворец. Король стал пленником японцев. Последние спешно сформировали новое прояпонское правительство. Возглавил его янбан Ким Хон Чжип.

25 июля японские военные суда напали на транспорт с 1300 китайскими солдатами на борту, подходивший к Асанской бухте. Так Япония впервые ввела в международную практику агрессию без объявления войны. Официальное же объявление войны Китаю последовало лишь 1 августа.

В нескольких сражениях японские войска разбили китайцев на Корейском полуострове и в конце октября 1894 г. перенесли военные действия в Маньчжурию. После месячной осады армия генерала Оямы взяла Порт-Артур. В январе 1895 г. 30-тысячный японский корпус высадился на Шаньдуне, и 12 февраля капитулировала военно-морская база Вэйхайвэй, Северный флот перестал существовать. В начале марта 1895 г. японцы захватили Инкоу и переправились через Ляохэ. Китайское правительство вынуждено было начать переговоры (Дацышен, 2004, с. 210).

Ли Хунчжана, смещенного накануне с поста генерал-губернатора Чжили, направили на переговоры в японский город Симоносеки. Японская сторона не желала прекращения военных действий, ее представитель Ито Хиробуми выдвигал явно невыполнимые условия, а сам Ли Хунчжан прямо на переговорах был ранен. Однако опытному дипломату «удалось остановить войну», тем более в ее продолжении были крайне незаинтересованы страны Запада, а японская экономика не была готова к затяжной войне.

Между тем японо-китайская война началась на территории Кореи в обстановке растущего антияпонского настроения. По всей стране вспыхивали восстания. Иностранные представители, находившиеся в этот период в Корее, сообщали своим правительствам, что за воротами Сеула и его окрестностей уже не было никакой действенной власти. Даже губернаторы, главы городов,

не выполняли приказов короля. Они говорили: «Король — беспомощный узник, и законы, подписанные им, в действительности — дело его старых врагов — японцев. Теперь истинное служение королю выражается в отказе выполнять приказы, полученные от его имени» (Chinese-Japanese War, 1894, p. 63).

В подобной обстановке японское правительство было вынуждено искать такие пути проведения колонизаторской политики, которые придали бы «законную» форму их действиям в стране. С этой целью они навязали кабинету Ким Хон Чжипа ряд договоров. 20 августа корейское правительство подписало с Японией договор о вечном союзе (Гримм, 1927, с. 94). Этот Договор предоставлял Японии право бесконтрольного вмешательства во внутреннее управление страной под видом проведения «реформ». Захватив в свои руки строительство важнейших железных дорог, японское правительство рассчитывало использовать их в военных и торговых целях.

Затем 26 августа был подписан договор о военном союзе, состоявший из вводной части и трех статей. Договор представлял события так, словно Япония развязала войну с Китаем для защиты от него Кореи. Во вступительной части указывалось, что корейское правительство доверило Японии «задачу изгнания от его имени китайских войск с корейской территории». В статьях договора подчеркивалось, что ведение всех военных действий возлагается на Японию, а Корея окажет «японским войскам всевозможное содействие» в отношении транспорта и дорог.

Одной из истинных причин этой войны следует, конечно, считать соперничество Японии с Китаем относительно влияния в Корее, но трудно предположить, чтобы причина эта была единственной, заставившей токийское правительство взяться за меч. Уладить возникавшие недоразумения с сеульским правительством и восстановить несколько утраченное за последние годы политическое влияние на полуострове Япония могла бы, конечно, менее решительными мерами. К примеру, дипломатическим путём, подкрепленным небольшой военной демонстрацией. Следовательно, истинную причину конфликта между Японией и Китаем, следует искать гораздо глубже, а именно в некоторых особенностях внутренней политической жизни Японии в последние годы (Покотиллов, 1895, с. 54).

В числе мотивов крайнего шага на военные действия японцы приводят нежелание китайцев вступить с ними в переговоры о введении в Корее реформ, необходимых для устранения возможности возобновления внутренних неурядиц в стране. На этот вызов Японии император Поднебесной отвечал пространным манифестом. Этот манифест представляется интересным, главным образом, потому, что в нем повелитель Срединной Империи

довольно ясно ссылается на суд держав, которые якобы единодушно порицают несправедливые действия Японии. С другой стороны, в этом манифесте, весь ход дела изложен с фактической стороны довольно верно. На самом деле, Китай был даже уступчивее и миролюбивее, чем сказано в манифесте, и выражал полную готовность приступить к переговорам о реформах в Корее и о выводе из страны китайских войск, требуя только, чтобы то же самое было сделано и японцами. В виду этого, не может быть никакого сомнения, что требование о реформах, предъявленное японцами к корейскому правительству, так сказать, с ножом к горлу, были для Японии лишь предлогом для начала военных действий.

Список литературы

Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927.

Дацышен В. Г. Новая история Китая. Благовещенск: БГПУ, 2004.

Курбанов С. О. История Кореи с древности до начала XXI века. СПб., 2009.

Покотиллов Д. Д. Корея и японо-китайское столкновение. СПб.: Лештуковская Паровая Скоропечатня П. О. Яблонского, 1895.

Сувиоров Н. И. Корея. Страна и ее история последнего времени. СПб.: Издание книжного магазина К. Фельдман, 1904.

Троцевич А. Ф. За время дипломатической службы... Коллекции корейских книг в Санкт-Петербурге // Восточная коллекция. 2007, № 4 (31). С. 68–77.

Тягай Г. Д. Очерк истории Кореи во второй половине XIX в. М., 1960.

Chinese-Japanese War // United States Department of State Foreign relations of United States, 1894. Appendix I. Washington: Government Printing Office, 1895. P. 5-106.

Count Vay de Vaya and Luskod. Empires and emperors of Russia, China, Korea, and Japan. New York, 1906.

Longford Joseph H. The Story of Korea. London: T. Fisher Unwin, 1911.

Студент кафедры китаеведения и стран Азиатско-Тихоокеанского региона института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета¹

Военно-промышленный комплекс и военный сектор экономики Республики Корея

Вооруженные силы Республики Корея (далее — РК) являются одними из самых развитых и высокофинансируемых не только в регионе, но и в мире. Начиная с момента создания РК в 1948 г., ее вооруженные силы развивались непрерывно. Однако только с 27 июля 1953 г., после окончания Корейской войны, наряду с социально-политическими и экономическими преобразованиями, началось наиболее усиленное развитие армии.

Начиная с 2001 г. военно-политическое руководство Южной Кореи поставило целью модернизацию и расширение боевых возможностей парка вооружения и военной техники национальных ВС. Особое внимание стало уделяться созданию национальной базы военной промышленности.

Южная Корея вступила в ряды развитых государств с мощной экономикой и устойчивой финансовой базой, поэтому правительство страны стало выделять все больше денег из государственного бюджета для совершенствования вооруженных сил. Если в 2001 г. расходы на армию составили 20 млрд. долларов США, то в 2016 они выросли до 34 млрд. (Defense Budget), что способствовало входу РК в десятку стран по военным расходам. За все это время, процент от ВВП, выделяемый для военного сектора экономики, никогда не превышал 3%, а соотношение объемов военного и гражданского производства корпораций обычно колеблется в пределах 1:10 (Гаврилов, 2001).

Вышеприведенные цифры ставят Республику Корею на 3 место в Дальневосточном регионе, по расходам на военные нужды (после КНР и Японии). Характерная особенность военной промышленности Южной Кореи, как и гражданского сектора экономики, — ведущая роль гигантских компаний-конгломератов, таких как «Samsung», «Lucky Goldstar», «Daewoo», «Hyundai», «Hanwha», «Hanjin» и других. Благодаря этому военному производству в РК стала характерна высокая степень концентрации капитала — порядка 75% всей оборонной продукции производится на

¹ Научный руководитель — д. и. н. Дмитрий Евгеньевич Мартынов

вышеупомянутых предприятиях (Канарев, Альдубаев, 2009, № 11, с. 24). Для военного производства характерна высокая степень диверсификации.

Выпуск военной продукции осуществляется главным образом в форме лицензионного производства, обеспечивающего как приобретение перспективных технологий, так и расширение военно-промышленной базы. Другими формами военного производства являются венчурные, субподрядные и компенсационные, основанные на соответствующих соглашениях с иностранными фирмами, в основном американскими (Канарев, Альдубаев, 2009, № 11, с. 24).

Анализ территориальной структуры военной промышленности показывает, что основные производственные и сборочные предприятия размещены на юге, что мотивировано необходимостью обеспечить их безопасное удаление от границы с КНДР. Кроме того, южные регионы РК являются местом сосредоточения основных предприятий базовых отраслей промышленности и располагают наиболее развитой производственной и транспортной инфраструктурой. Самыми крупными центрами военного производства являются города Чхванвон, Сачхон, Инчхон, Куми и Пусан, расположенные в провинции Южная Кёнсан, где наряду со сборочными заводами сосредоточены вспомогательные предприятия по производству комплектующих и отдельных компонентов вооружения и военной техники (Канарев, Альдубаев, 2009, № 11, с. 25). На севере страны, в г. Сеул и его окрестностях, сконцентрированы в основном научно-исследовательские институты и центры, а также предприятия по производству радиоэлектронного оборудования и вспомогательных систем. Крупный научный центр расположен в г. Тэчжон.

По уровню развития материально-технической базы военного производства Республика Корея в настоящее время занимает одно из ведущих мест в регионе. Современная структура оборонной промышленности страны представлена всеми её отраслями (ракетно-космической, авиационной, бронетанковой, артиллерийско-стрелковой, боеприпасной, судостроительной и радиоэлектронной).

В настоящее время министерство обороны РК активно проводит реализацию проекта реформы вооруженных сил страны («Defense reform 2020»), начавшуюся еще в 2004 г. при президенте Но Му Хёне. Программа, рассчитанная до 2020 г., уже реализовалась на две трети (первая стадия была проведена 2005-2009 гг., вторая началась в 2010 и закончилась в 2014 г.) (Сидоров, 2010, с. 17).

На полное оснащение национальных ВС вооружением, отвечающим современным мировым стандартам, правительство до 2020 года готово выделить в общей сложности порядка 599,3 трлн. вон (600 млрд. долларов) (Сидоров, 2010, с. 17). Согласно концепции о коллективной обороне с опорой на собственные силы требуется существенный рост военных расходов, который уже имеет место. Планируется, что расходы будут увеличиваться и дальше, с таким расчетом, чтобы к 2020 г. достигнуть 3% ВВП и более.

Кроме того, минобороны РК разработана программа политики научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) для национальной обороны, где описываются цели НИОКР, направления их деятельности в ближайшее время, и задачи по созданию современных видов вооружения и военной техники преимущественно национального производства. Особое внимание уделено областям, где Южная Корея испытывает явное отставание, а это системы управления и контроля, разработки в авиации. Корея в настоящее время проводит работы по созданию собственного истребителя 5 поколения KF-X (Щербаков, 2014, с. 72). Предусмотрено производство защиты от оружия массового поражения, и создание оружия для войск специального назначения.

Ставится задача и по увеличению расходов на НИОКР, так как на данный момент на НИОКР выделяется только около 5-6 % от оборонного бюджета (увеличение планируется поднять до 10%). Проводится увеличение ассигнований на научные работы, так, что в 2015 году они составили 7,9%, а к 2020 году должны составить 10% от всех военных расходов (Сидоров, 2010, № 9, с. 26).

Список литературы

Ахапкина Н. Г. Научно-техническая политика Республики Корея (1948–1987 гг.): Концентрация сил на приоритетных направлениях // Научно-теоретический журнал «Ойкумена». Владивосток: Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса», 2009. №1 (8). С. 77–85. [Электронный ресурс]; URL: http://ojkum.ru/arc/2009_01/index.html. Дата обращения: 15.02.2016.

Гаврилов А. С акцентом на боеготовность // Газета Центрального органа Министерства Российской Федерации «Красная Звезда» [Электронный ресурс]. URL: http://old.redstar.ru/2001/02/28_02/r_w31.html. Дата обращения: 19.02.2016.

Канарев К., Альдубаев И. Военная промышленность Республики Корея // Ежемесячный информационно-аналитический иллюстрированный журнал Министерства обороны Российской Федерации «Зарубежное военное обозрение». М: Издательский дом «Красная звезда», 2009. № 11. С. 24–31.

Канарев К., Альдубаев И. Военная промышленность Республики Корея // Ежемесячный информационно-аналитический иллюстрированный журнал Министерства обороны Российской Федерации «Зарубежное военное обозрение». М: Издательский дом «Красная звезда», 2009. № 12. С. 19–24.

Сидоров П. Перспективы развития Вооружённых сил Республики Корея // Ежемесячный информационно-аналитический иллюстрированный журнал Министерства обороны Российской Федерации «Зарубежное военное обозрение». М: Издательский дом «Красная звезда», 2010. № 9. С. 17–27.

Щербаков Р. Перспективные тактические истребители государств азиатско-тихоокеанского региона // Ежемесячный информационно-аналитический иллюстрированный журнал Министерства обороны Российской Федерации «Зарубежное военное обозрение». М: Издательский дом «Красная звезда», 2014. №1. С. 61–72.

Defense Budget // Официальный сайт Министерства национальной обороны Республики Корея. URL: http://www.mnd.go.kr/mbshome/mbs/mnd_eng/subview.jsp?id=mnd_eng_020900000000. Дата обращения: 20.02.2016.

Korean Military budget // The #1 Resource for Military Spending Data Online. URL: <http://militarybudget.org/south-korea/>. Дата обращения: 19.02.2016.

*Харитоновна Анна Михайловна
аспирант 1 года обучения кафедры теории общественного развития
стран Азии и Африки, Восточный факультет СПбГУ¹*

Внешняя политика КНР в отношении Королевства Камбоджа в 1950–1960-х гг.

После провозглашения Китайской Народной Республики руководство страны начало предпринимать активные усилия по восстановлению китайского влияния в Юго-Восточной Азии, утраченного в период колониальной экспансии Запада в XIX — начале XX вв. На первом этапе была сделана ставка на победу и приход к власти коммунистических партий, которые после Второй мировой войны активно действовали в ЮВА. В 1950-е гг. Китаем оказывалась поддержка камбоджийской прокоммунистической группе «Прачеачун». Эта группировка представляла собой «легальное крыло Народно-революционной партии» (Мосяков, 2012, с. 184). По большей части помощь оказывалась опосредованно через вьетнамских коммунистов. В 1960-е гг. нелегальная, на тот момент, Народно-революционная партия Камбоджи стала налаживать контакты с Пекином. Во второй половине 1960-х гг. весомой материальной поддержки они не получали, однако КНР признало Салотх Сара лидером кхмерских коммунистов (Мосяков, 2010, с. 208). Китайские коммунисты сотрудничали с этими партиями и группами и по мере возможностей оказывали им различную помощь (Мосяков, 2012, с. 24).

В свою очередь, правительство Королевства Камбоджа, получившего независимость в ноябре 1953 г., должно было решить несколько первоочередных задач, возникших перед страной. Камбодже было необходимо получить признание мирового сообщества, встроиться в систему нового биполярного послевоенного мира и остаться независимым государством. Официально заявив о «политике нейтралитета», правительство Нородома Сианука считало, что Камбоджа имеет право получать военную и экономическую помощь от государств независимо от их социально-политического строя. В первую очередь, странами, которые стали предоставлять такую помощь Камбодже, были США, СССР, КНР и Франция. В 1955 году были подписаны соглашения о военной и экономической помощи с США (Малетин, 2004, с. 13). В ходе визита Нородома Сианука в СССР в 1956 году были подписаны совместные советско-камбоджийские документы о торговом и научном сотрудничестве (Малетин, 2004, с.14), а также о

¹ Научный руководитель — д. и. н. Николай Анатольевич Самойлов.

строительстве Советским Союзом госпиталя в Пномпене. КНР в 1956 году оказала Камбодже финансовую помощь — 200 миллионов юаней, кроме того, в Камбоджу было направлено 100 китайских технических специалистов.

Однако принципиальная разница в предоставлении экономической и военной помощи заключалась в том, что, оказывая такую поддержку, США требовали от Камбоджи вступления в СЕАТО и абсолютной лояльности к американской политике в Юго-Восточной Азии, в то время как Китай предоставлял помощь без видимых условий. Китайская экономическая помощь Камбодже включала в себя строительство заводов, (так, например, были сооружены цементный и стекольный завод, хлопкоочистительная и ткацкая фабрики), в Камбоджу направлялись китайские специалисты.

Увеличивая экономическую помощь, без предъявления каких бы то ни было видимых условий, КНР ставила перед собой задачу, с одной стороны, увеличить свое влияние в Камбодже, а с другой — сократить военное, экономическое и политическое присутствие США.

Реализуя данную политику, Китай мог решить сразу несколько задач. Во-первых, имея ограниченный круг союзников и неоднозначный статус на международной арене, Китай смог включить в сферу своего влияния еще одно государство — члена ООН. КНР теперь могла рассчитывать на Нородома Сианука, который в своем выступлении на сессии Генеральной ассамблеи ООН, мог бы поднять вопрос о незаконно занимаемом Тайванем месте Китая, что глава Камбоджи и сделал в 1958 г. Во-вторых, по мере общей радикализации внутренней и внешней политики Китая, связанной с курсом «большого скачка» (1958–1960 гг.), и углубления противоречий между советскими и китайскими лидерами (отношения между Советским Союзом и КНР к 1960 г. уже находились на стадии открытой конфронтации) китайское руководство в начале 1960-х гг. рассчитывало сконструировать некий антисоветский блок и привлечь в него как можно больше сторонников своей внешнеполитической линии. В-третьих, для КНР совершенно неприемлемым было усиление политического и военного присутствия США в регионе Юго-Восточной Азии.

Таким образом, Камбоджа оказалась втянутой в политические игры Китая, постепенно превращаясь в «пешку» в китайской внешней политике. Соединенные Штаты сократили экономическую и военную помощь Камбодже, что подтолкнуло ее к более тесному сотрудничеству с КНР. Королевство больше не могло балансировать между политическими блоками и становилось все более зависимым от китайской помощи. Отметим два диаметрально противоположных вектора в отношениях между Камбоджей и Китаем, сменивших друг друга в 1966 г. с началом «культурной революции». С одной

стороны — это укрепление дружественных отношений между двумя странами посредством регулярных двусторонних визитов, подкрепленных подписанием различных договоров об экономическом и военном сотрудничестве (1954–1965 гг.). С другой стороны — это начало «культурной революции» в КНР, когда резко изменилось отношение Сианука к Китаю (1966–1970 гг.). Угроза пропаганды прокитайских коммунистических сил и вероятность смены политического режима в Камбодже стали очевидными.

Политические взгляды Народом Сианука сильно изменились под влиянием событий «культурной революции» в Китае. Если до этого он не высказывал никаких опасений относительно политики КНР в Камбодже, то с началом «культурной революции» его отношение к Китаю и его внешнеполитической линии стало меняться.

Так, еще в августе 1962 г. в четырех выпусках газеты «Реалите камбоджен» была опубликована статья под названием «Каковы позиции коммунизма в Камбодже?», написанная главой государства. В ней Сианук отмечал, что опасность коммунизма исходит только от Вьетмина, группы «Прачеачун» и от Союза кхмерских студентов в Париже, а 300 000 китайцев, которые проживают в Камбодже, такой опасности не представляют. Кроме того, по словам автора, правительство КНР одобряет монархический строй в Камбодже (РГАСПИ, лл. 83–113). Однако все изменилось весной 1967 г., когда был отмечен ряд протестных выступлений в Камбодже, спровоцированных жестоким обращением армии с «радикально» настроенными жителями провинции Баттамбанг, и вдохновленных событиями в Китае. В протестах также принимали участие члены китайской общины, поскольку «зарубежные китайцы были использованы как канал для прямого экспорта маоистских концепций за рубеж» (Котова, 1979, с. 92). В конце мая 1967 г., китайская «левонастроенная молодежь, под впечатлением действий хунвэйбинов в Китае, устроила погром в редакции журнала «Кхмае аекориет» («Независимый кхмер»), где публиковались статьи антикитайского содержания» (Мосяков, 2010, с. 152).

Таким образом, Китай, посредством китайской общины, стал оказывать влияние на внутренние дела Камбоджи.

2 сентября 1967 г. Народом Сианук запретил деятельность общества камбоджийско-китайской дружбы, поскольку он боялся усиления протестного движения. Кроме того, это общество «вдохновленное активистами Ху Нимом и Пхук Чхаем, в пропагандистских целях распространяло цитатник Мао Цзэдуна («маленькую красную книжицу»))» (Тан, 2006, р. 116). В свете антиправительственных выступлений отношения между Камбоджей и Китаем стали еще больше ухудшаться. На этом фоне Сианук не оставлял попыток

продолжать политику «лавирования». Стремясь не быть всецело зависимым от одной страны, он нормализовал отношения с Францией и получил от СССР военную помощь. Советским Союзом Камбодже были переданы «зенитная батарея 100 мм пушек с тягачами, вспомогательными устройствами, 5 самолетов МИГ-17 и 2 самолета АН-2» (Малетин, 2004, с. 26)¹. Чтобы не допустить укрепления советско-камбоджийских отношений, Пекин нормализовал отношения с Пномпенем, ухудшившиеся после выступлений местных китайцев в Камбодже. «После того, как руководство КНР в лице Чжоу Эньлая принесло официальные извинения камбоджийскому государству, конфликт был исчерпан» (Малетин, 2004, с.26).

Таким образом, оценивая политику Китая в отношении Королевства Камбоджа в указанный период, можно определенно обнаружить динамику и разновекторность в двусторонних отношениях. С одной стороны, Китай оказывал значительную экономическую помощь Камбодже, с целью усиления собственного влияния в стране и сокращения влияния США. С другой стороны, КНР поддерживала коммунистические силы Камбоджи, которые находились в оппозиции к существующему правительству.

Список источников и литературы

Котова Т. М. Роль и место зарубежных китайцев в политике Пекина // Проблемы Дальнего Востока. М., 1979. № 2. С. 86–98.

Малетин Н. П. Внешняя политика Камбоджи 1953–1998 гг., М., 2004.

Мосяков Д. В. История Камбоджи. XX век. М., 2010.

Мосяков Д. В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему. М., 2012.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Исполком Коминтерна. Оп. 231. Д. 28 Ч. II.

Tan Danielle. La diaspora chinoise du Cambodge. Histoire d'une identité recomposée. Paris, 2006.

¹ А осенью 1963 г. СССР передал Сиануку в качестве личного дара 4 истребителя МИГ и 24 зенитных батареи, управляемых с помощью радиолокационной аппаратуры.

Сотрудничество России и Китая в сфере международной и региональной безопасности (2014–2015 гг.)

2014 год стал важным этапом в развитии современных международных отношений, особенно в сфере безопасности. Украинский кризис можно считать точкой отсчёта в нарастании напряжённости между Российской Федерацией, Соединёнными Штатами Америки и Европейским Союзом. Это, в свою очередь, оказало существенное влияние на их взаимоотношения и сотрудничество с другими странами. В условиях нарастающей напряжённости на западных границах, Россия «повернулась» в сторону Востока и актуализировала действия с давним партнёром по диалогу — КНР.

Касательно украинского кризиса страны имеют отличные, хоть и близкие позиции. Когда Россия на международной арене выступает главным противником США и ЕС, Китай занял выжидательную позицию, по факту, не приняв ничью сторону. При голосовании в ООН по действиям РФ в Крыму Китай был в числе воздержавшихся. Во всех заявлениях китайских политиков звучит осуждение вмешательства во внутренние дела других государств, что можно трактовать и как критику в отношении США, и как критику внешней политики РФ в регионе. В целом Пекин занял позицию «дружеского нейтралитета» с сохранением и экономических связей КНР с Россией и их взаимовыгодного сотрудничества на постсоветском пространстве, и экономических отношений с США.

Именно после украинского кризиса начались определённые трансформации в отношениях между Россией и Китаем, особенно в сфере безопасности, как традиционной, так и нетрадиционной.

Наиболее тесное сотрудничество наблюдается в сфере военной безопасности. И Пекин, и Москва выступают за установление многополярного мира, невмешательство в дела других государств, а главными проблемами считают угрозы терроризма, экстремизма и сепаратизма. Одна из сфер военного сотрудничества, где взаимодействие является наиболее тесным — это взаимодействие в сфере ПРО. Чем активнее США реализуют свои

¹ Научный руководитель — к. и. н. Марат Зуфарович Галиуллин.

программы ПРО в Японии и Республике Корея (Ромашкина. 2012, с. 626–631), тем теснее становится взаимодействие между Москвой и Пекином.

Если говорить о нетрадиционных угрозах безопасности, то в первую очередь нужно отметить сотрудничество в сфере экономической безопасности. Начать стоит с наиболее важной для обеих стран отрасли — энергетики. В вопросах энергетической безопасности Россия и Китай традиционно занимают оппозиционные стороны. Россия является «донором», поставщиком энергоресурсов на мировой рынок, в то время как Китай — один из главных «реципиентов», потребитель углеводородов и другого энергосырья.

В условиях обострения отношений со странами ЕС для РФ крайне остро стоит вопрос объёмов поставок газа в западном направлении. Следовательно, в условиях кризиса Россия пытается переориентироваться на другое направление, в первую очередь Восточную Азию.

Сотрудничество в этом направлении со странами региона начато достаточно давно. Ещё в 1996 г. с помощью иностранных компаний велись разработки нефтяных и газовых месторождений «Сахалин-2». В 2009 и 2012 гг. были запущены соответственно первая и вторая очередь проекта «Восточная Сибирь — Тихий Океан», нефтепровода, соединяющего месторождения Сибири с рынками Восточной Азии. Параллельно со строительством нефтепровода велись также переговоры о поставках сжиженного природного газа, однако стороны очень долго не могли договориться о цене, и вплоть до 2014 г. Китай сжиженный природный газ из России почти не импортировал. Однако в 2014 г., в условиях напряжённости между Россией и странами Запада, переговоры не только возобновились, но и завершились подписанием крупного газового контракта.

Нельзя забывать и о такой отрасли энергетики, как электроэнергетика. С 2011 г., после окончания строительства ЛЭП-500 «Амурская — Хэйхэ», был возобновлён экспорт электричества в Китай. А в 2012 г. был подписан долгосрочный контракт. На территории Амурской области уже началось строительство третьей ГЭС с явным ориентиром на экспорт.

После введения российских ответных санкций против ЕС, Австралии, Норвегии и Канады в сфере сельскохозяйственной продукции, стала очень актуальной проблема продовольственной безопасности. На развитие своего сельского хозяйства России нужно время, по самым оптимистичным прогнозам пять-семь лет, а пока Москва меняет одних поставщиков на других. Вместо санкционных продуктов появляются белорусские, китайские, бразильские. Однако, здесь остро встаёт вопрос качества этой продукции. Около 10 лет назад был запрещён ввоз мяса из Поднебесной, около 5 лет назад — из Бразили. Причины — использование генномодифицированных

кормов и частые эпидемии. И хотя в 2014 г. эмбарго на поставки продукции из этих стран было снято, с трудом верится в то, что причины, по которым оно когда-то было введено, куда-то исчезли. В целом российско-китайские отношения в сфере продовольственной безопасности характеризуются более высокой интенсивностью, чем два, три, четыре года ранее. В 2014 г., например, в городе Суйфэньхэ прошла первая китайско-российская сельскохозяйственная ярмарка, а в провинции Хэйлунцзян созданы два логистических кластера для прямых поставок продовольствия в Россию.

Когда мы говорим о взаимодействии России и Китая в сфере безопасности в отдельных регионах, стоит начать с Центральной Азии. Именно здесь наиболее высок конфликтный потенциал Москвы и Пекина. Регион традиционно является сферой влияния России, прежде всего политического. Однако в 90-е годы, в силу кризиса и слабой российской экономики, в регионе произошла частичная «китаизация». В частности, Пекин активно осваивал энергетическую отрасль региона (Савкович, 2012, с. 131–133). Здесь существуют два совершенно противоположных взгляда на ситуацию. Кто-то считает, что столкновение двух держав просто неизбежно, кто-то говорит о разделении влияния — Россия имеет в регионе прежде всего политический интерес, когда Китай больше заинтересован именно в экономическом сотрудничестве.

В Восточной Азии потенциал конфликтности двусторонних отношений значительно ниже, чем в рассмотренном ранее регионе. Самой сложной проблемой региональной безопасности является «корейская проблема», в которой Россия и Китай занимают близкие позиции, хотя и имеют разное влияние на страны полуострова. И Москва, и Пекин продолжают внешнеполитические усилия по возобновлению шестистороннего формата переговоров по данному вопросу.

Таким образом, можно сказать, что на фоне событий 2014 г., отношения между Россией и Китаем в сфере безопасности стали более согласованными. И, даже если это «вынужденный союз», мы наблюдаем сближение партнёров и налаживание всестороннего диалога.

Список литературы

Ромашкина Н. Региональное сотрудничество США в сфере создания широкомасштабной эшелонированной системы ПРО // Ежегодник СИПРИ. 2012. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 607–642.

Савкович Е. В. Экономическая политика Китая в постсоветской Центральной Азии (1992–2012). Томск, 2012. 336 с.

Николаев И. Уроки географии. URL:
<http://www.gazeta.ru/comments/column/nikolaev/s62993/6189813.shtml>

Скосырев В. Пекин не вмешивается в спор Москвы и Вашингтона. URL:
http://www.ng.ru/courier/2014-03-17/9_china.html

Генеральная Ассамблея ООН призвала уважать территориальную целостность Украины. URL:
<http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=21375#.VEp2afmUeW8>

Крупнейшие экспортёры и импортёры нефти. URL:
http://www.uptrading.ru/main/internet_trejdning_na_finansovyh_rynkah/informacionnyj_blok_trejderainvestora/rynok_syrya_neft_i_gaz/krupnejshie_eksportry_i_importry_nefti

Россия и Китай договорились о поставках электроэнергии. URL:
<http://top.rbc.ru/economics/05/12/2012/835043.shtml>

Экспорт электроэнергии в Китай: плюс или минус? URL:
<http://finam.info/news/eksport-elektroenergii-v-kitay-plyus-ili-minus>

О продаже электроэнергии Дальнего Востока в Китай. URL:
<http://fuyuan.ru/3875>

Начато бетонирование здания Нижне-Бурейской ГЭС. URL:
<http://www.nbges.rushydro.ru/press/news/90017.html>

Россия вынуждена прервать поставки мяса из Бразилии. URL:
<http://newsland.com/news/detail/id/722044>

В Китае зафиксирована очередная вспышка свиного ящура. URL:
<http://newsland.com/news/detail/id/862237>

Россельхознадзор снял ограничения на ввоз китайской свинины. URL:
<http://lenta.ru/news/2014/08/14/chinapork/>

Первая российско-китайская сельхоз ярмарка открывается в КНР. URL:
<http://ria.ru/economy/20141016/1028506229.html>

Китайские овощи покоряют Россию. URL:
<http://static.gazeta.ru/business/2014/08/11/6170289.shtml>

Сделка века. Россия и Китай заключили газовый контракт на 30 лет. URL:
<http://smartnews.ru/business/companies/17802.html>

*Хусаинова Вероника Павловна
студентка кафедры Филологии Юго-Восточной Азии и Кореи
Восточного факультета СПбГУ¹*

Журналистская деятельность вьетнамского писателя Ву Чонг Фунга

Ву Чонг Фунг (1912–1939) вошел в историю Вьетнама как один из величайших писателей и журналистов XX столетия. Он внес огромный вклад в развитие современной вьетнамской литературы и журналистики, являясь одним из основоположников критического реализма, а также такого жанра как репортаж. Несмотря на то, что Ву Чонг Фунг умер в очень молодом возрасте (ему было всего 27 лет), а период его творческой активности составил около 10 лет, наследие писателя поражает своим масштабом, включая в себя больше ста произведений различных жанров. Создание такого большого количества произведений за столь короткий промежуток времени является одним из самых выдающихся индивидуальных достижений в современной вьетнамской литературе (Zinoman, 2002, с. 9).

На протяжении творческого пути внимание Ву Чонг Фунга было приковано к самым низам вьетнамского общества, свидетелем жизни которых он был, прожив всю жизнь в одном из беднейших кварталов Ханоя. Каждый день Ву Чонг Фунг наблюдал многочисленные бытовые сценки с участием городских жуликов и воришек, сутенеров и девушек легкого поведения, разгуливавших по улицам в непристойном виде, бродяг, просивших милостыню. Данные представители городского населения зачастую становились прототипами персонажей произведений писателя.

Первые репортажи Ву Чонг Фунга были опубликованы уже в начале 1930-х гг. и были с восторгом восприняты критиками. Некоторые из них даже называли Ву Чонг Фунга «королем репортажа», тем самым подчеркивая, что никто из его современников не мог сравниться с ним в этом жанре (Zinoman, 2014, с. 60). В целом, для репортажей Ву Чонг Фунга характерны субъективизм повествования, чередование правдивых фактов и вымысла, использование ярких эпитетов, сравнений и метафор, что делало повествование более динамичным, эмоциональным и легким для восприятия. Герои некоторых репортажей являются вымышленными, однако за счет красочных описаний, не лишенных доли преувеличения и юмора, они кажутся вполне реалистичными. Зачастую повествование в репортажах Ву Чонг Фунга ведется от первого лица и содержит диалоги между автором и персонажами,

¹ Научный руководитель — ст. преп. Нгуен Тхи Минь Хань.

что в некоторой степени делает репортаж похожим на пьесу.

В 1933 году Ву Чонг Фунг публикует своей первый крупный репортаж «Ловушка для людей», посвященный деятельности подпольной организации ханойских мошенников, промышлявших жульничеством во время азартных игр. Организация включала в себя несколько связанных между собой синдикатов, управляемых криминальной группировкой профессиональных шулеров. Репортаж содержит описание образа жизни членов организации, а также разоблачает коварные техники обмана, использовавшиеся шулерами для достижения своих целей. При этом подчеркивается, что вовсе не бедность заставила главных героев репортажа встать на путь бесчестия. Многие из них были вовлечены в криминальную деятельность ввиду того, что лишились работы во время мирового экономического кризиса начала 1930-х гг. Таким образом Ву Чонг Фунг демонстрирует то, как жестокая капиталистическая реальность способствует моральному падению людей, вынужденных совершать преступления ради того, чтобы хоть как-то заработать себе на пропитание.

В 1934 г. Ву Чонг Фунг публикует еще одно из его самых известных произведений — репортаж «Индустрия замужества за европейцами». Тема репортажа — браки между вьетнамскими женщинами и иностранцами во Французском Индокитае. При написании репортажа Ву Чонг Фунг пытался понять, что мотивировало женщин на вступление в брак с иностранцами, ведь в ту эпоху союзы подобного рода воспринимались крайне отрицательно, а вышедших замуж за иностранцев вьетнамских женщин считали чуть ли не проститутками и предательницами нации. Перед написанием своего репортажа Ву Чонг Фунг в течении нескольких дней брал интервью у вьетнамок, которые вышли замуж за европейцев, в деревне Тхикау, расположенной в провинции Бакнинь (Vũ Trọng Phụng, 2011, с. 495). На первый взгляд поселение ничем не отличалось от других многочисленных вьетнамских деревушек, но было примечательно тем, что в нем располагался лагерь французских легионеров. Примечательно, что для названия репортажа Ву Чонг Фунг неслучайно выбирает именно слово «индустрия»: тем самым он подчеркивает свое саркастическое отношение к бракам между вьетнамками и европейцами, в их основе автор видит не искреннее чувство любви и желание быть вместе, а чистый расчет и стремление улучшить материальное положение. При этом Ву Чонг Фунг интересуется не только проблемой кросс-культурных браков, но и детей, родившихся в подобных союзах. Осознавая все те предрассудки, которые приводили к дискриминации детей, не давали им возможности получить хорошее образование и работу, писатель пытается понять, каким образом это новое поколение детей будет уживаться в рамках

традиционного жизненного уклада (Tranviet, 2006, с.13).

Среди репортажей Ву Чонг Фунга отдельного внимания также заслуживает опубликованный в 1937 г. репортаж «Медицинский сервис для девушек легкого поведения». Чрезвычайная взволнованность Ву Чонг Фунга проблемой проституции была не случайна. В конце 1930-х гг. в Ханое секс-индустрия бурно процветала, росло число больных венерическими заболеваниями, что привело к увеличению смертности среди городского населения. Для изучения проблемы проституции Ву Чонг Фунг направился в городской госпиталь, специализирующийся на лечении венерических заболеваний (Malarney, 2011, с. 4). В основе повествования репортажа «Медицинский сервис для девушек легкого поведения» истории женщин, у которых брал интервью Ву Чонг Фунг во время встречи в госпитале. Писатель пытается понять причины, которые принудили их к занятиям проституцией. Он приходит к выводу, что корни проституции уходят в тяжелое социальное и экономическое положение женщин в целом, благодаря которому в Ханое 1930-х гг. у женщин было немного возможностей для самостоятельного заработка. Интересно, что с развитием повествования в репортаже позиция Ву Чонг Фунга по отношению к подобным девушкам меняется: если вначале он строго отстаивает идею о том, что причинами проституции является скорее духовная развращенность женщин, нежели их нужда, то ближе к концу его строгость сменяется на сочувствие.

Оценивая журналистскую деятельность Ву Чонг Фунга, можно сказать, что репортажи писателя можно рассматривать не только в качестве памятников вьетнамской словесности, но и как базу для исследования важнейших социальных проблем, сохраняющих актуальность и по сей день.

Список литературы:

Malarney, Shaun Kingsley. Vu Trong Phung and the Anxieties of “Progress” // Luc Xi: Prostitution and Venereal Disease in Colonial Hanoi. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2011. P. 1-41.

Tranviet, Thuy. The Industry of Marrying Europeans. Cornell University Southeast Asia Program, 2006

Zinoman, Peter. Vietnamese Colonial Republican: the political vision of Vu Trong Phung. Oakland: University of California Press, 2014

Zinoman, Peter. Vu Trong Phung's Dumb luck and the nature of Vietnamese modernism // Zinoman, Peter. Dumb Luck: a novel by Vu Trong Phung. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002.

Vũ Trọng Phụng. Kỹ nghệ lấy Tây // Vũ Trọng Phụng. Tập 1. Hà nội: Nhà xuất bản văn học, 2011. С. 495-516.